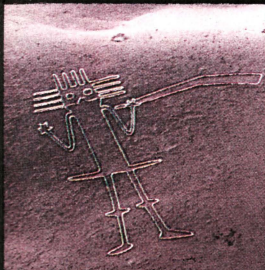

7

1991

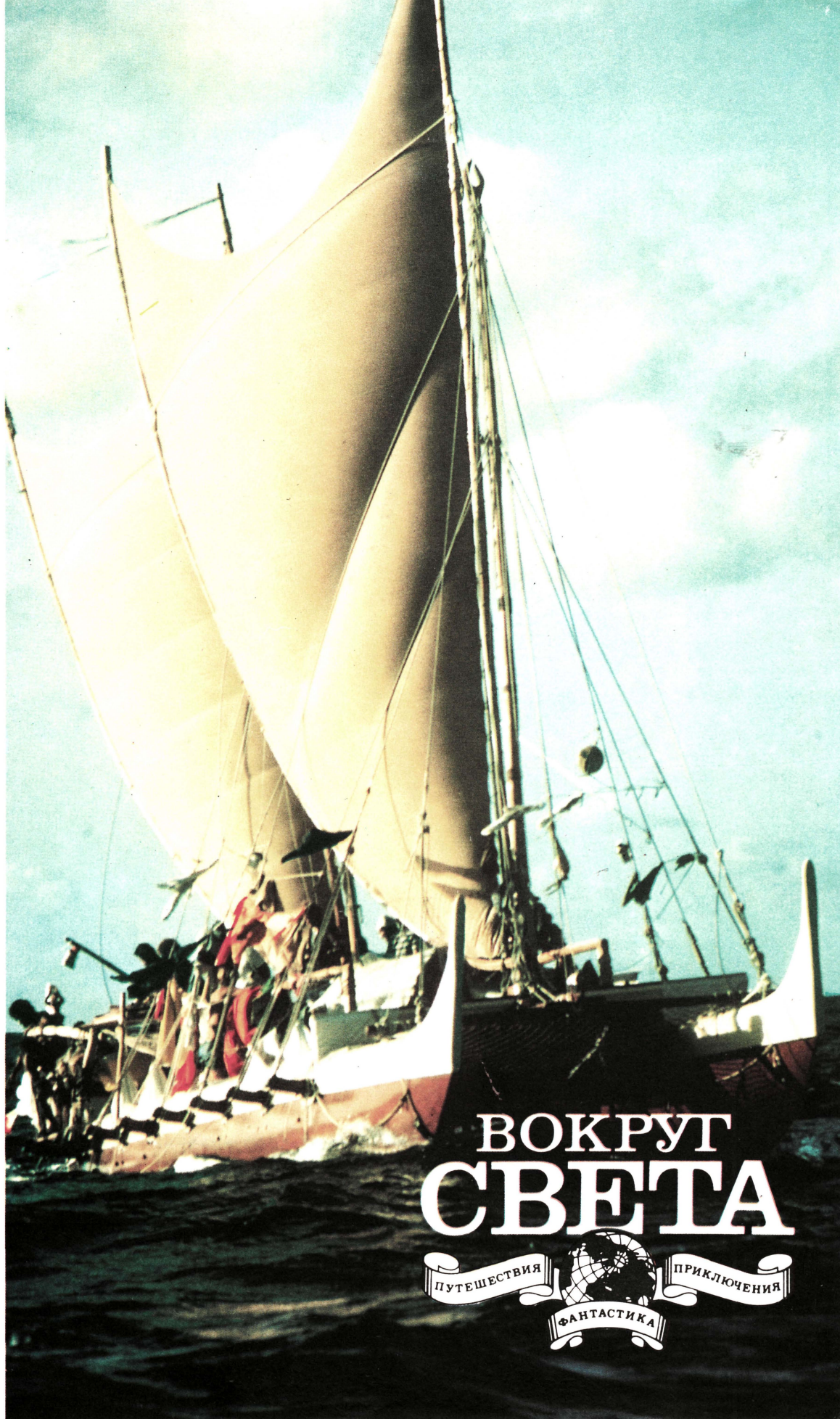
ДРЕВНИЕ
СЛЕДЫ
ПРИШЕЛЬЦЕВ

МОРЕ,
КОТОРОЕ
ИСЧЕЗЛО

МЕДВЕДИ —
ЛЮДОЕДЫ

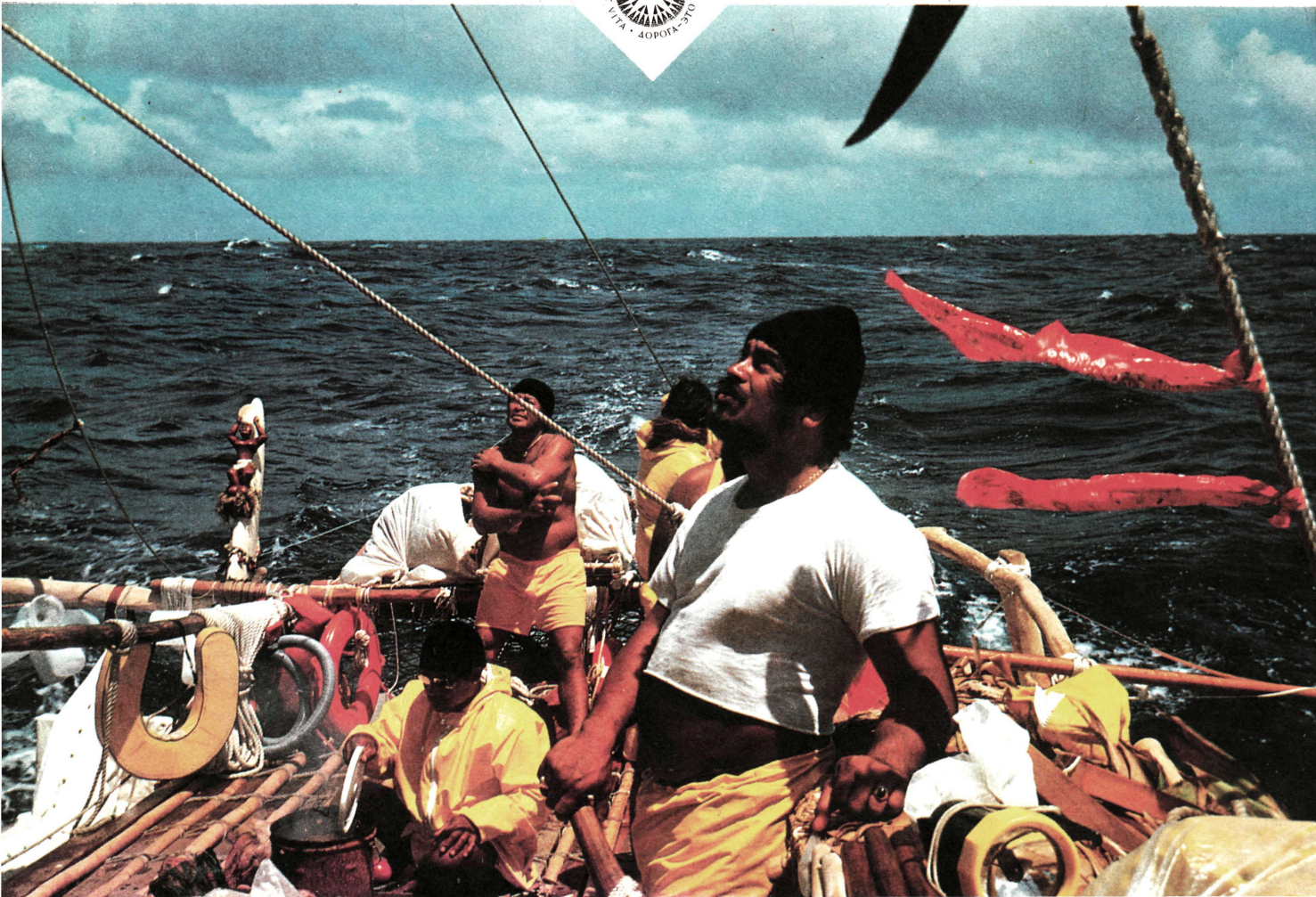
КАРЛ МАЙ:
ОШИБКА
БОНАПАРТА

ВОКРУГ СВЕТА

ISSN 0321-0669

Кают-компания «Вокруг света»

Хокулеа, путеводная звезда

Пригласил Бена Финни в редакцию журнала «Вокруг света» наш давнишний автор и член редколлегии Юрий Сенкевич — известный всем ведущий телепередачи «Клуб путешественников».

Среди нас, в разномастных свитерах и куртках, Бен выглядел настоящим джентльменом в темно-синем блейзере, подобранной в тон ему голубой рубашке и тщательно повязанном бордовом галстуке. Когда Финни торжественно вручал нам свою книгу о путешествии на Таити, он заметил висевший на стене снимок шхуны, на борту которой советско-американская команда вместе с корреспондентом «Вокруг света» недавно пересекла Атлантику, прибыв из Нью-Йорка в Ленинград.

— О! «Те Вега!» — воскликнул Бен. — Вы знаете, как с гавайского переводится ее название? «Прекрасная звезда». Я плавал на ней в юности между Гавайями и Таити — прекрасное было путешествие. Но больше всего приключений мне пришлось испытать на другой «звезде» — Хокулеа. Это гавайское имя самой яркой в Северном полушарии звезды Арктур. По преданиям, небесное светило служило путеводной звездой возвращающимся из плавания древним мореходам.

— Бен! Ты же профессор антропологии, преподаешь в Гавайском университете, автор научных книг по истории народов Тихоокеанского бассейна — типичный кабинетный ученый. Отку-

да же у тебя страсть к морским путешествиям? — подзадирал нашего гостя Сенкевич.

— Ничего удивительного, — улыбнулся Бен. — Ты, Юра, — врач, а плавал вместе с Туром Хейердалом, тоже, как я, ученым. Я же прирожденный моряк с детства: отец, морской офицер, научил меня плавать, не бояться штормов. На Гавайях занимался серфингом. Но есть и более серьезная причина моих плаваний. Если хотите — расскажу.

Мы усадились вокруг редакционного самовара чаевничать и приготовились со вниманием слушать повествование Бена Финни.

Случайность и закономерность всегда переплетаются в жизни. Бен родился и вырос на побережье Тихого океана, его соседями оказались полинезийцы — это случайность. Но то, что он заинтересовался ими, стал изучать жизнь малых народов, а затем отправился с ними в плавание по маршрутам их предков — тут, пожалуй, закономерный итог его научных увлечений.

Еще в 60-е годы Финни заинтересовался проблемами динамики и социально-экономических изменений у малых народов. Он отправился на Таити, побывал в Новой Гвинее, чтобы изучать жизнь, деятельность аборигенов, не познавших цивилизации, колесил по их владениям на машине, за многие километры отправлялся пешком в уединенные долины, поднимался в горы. Наблюдал быт, нравы,

**ВОКРУГ
СВЕТА**
ЖУРНАЛ ОСНОВАН
1861

7

1991

Ежемесячный
научно-художественный
журнал
путешествий,
приключений,
фантастики

УЧРЕДИТЕЛИ:
трудовой коллектив
редакции журнала
«Вокруг света»,
издательско-полиграфическое
объединение
ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»

В 1982 году
журнал награжден
орденом Дружбы
народов

Адрес:
125015, Москва, А-15,
Новодмитровская ул., 5а,
16-й этаж

Телефоны:
для справок — 285-88-83,
отдел писем — 285-88-68,
«Искатель» — 285-80-10

Телетайп (внутрисоюзный) —
114167 ЭССЕ «Вокруг света»

Телекс (международный) —
411261 ФАКЕЛ «Вокруг света»

Факс 972-05-82

Перепечатка материалов
с разрешения редакции

© «Вокруг света», 1991 г.

уклад жизни этих радушных и искренних людей.

Позже на основе собранных материалов, уже в Калифорнийском университете, написал диссертацию о развитии, основах жизни полинезийцев.

— Но хотелось кое-что из жизни полинезийцев проверить на практике, — говорит Бен, и веселые искорки загораются в его глазах, очень светлых на худом смуглом лице. — Построили тринадцатиметровое каноэ, чтобы попрактиковаться в его управлении, испытать навигационные возможности.

С маленького суденышка хотелось пересечь на большое. Тут помогло знакомство с известным ученым Дэвидом Льюисом¹, с которым я работал в Австралийском университете. У него уже был опыт плавания на катамаране. Так зародилась идея Большого путешествия по древним путям полинезийцев-мореходов.

В этой мечте слились желания Финни-ученого и Финни-путешественника. Существует несколько точек зрения на историю расселения полинезийцев на островах. Кабинетные ученые считали, что эти народы не смогли бы осуществить плавание на неказистых суденышках и достичь островов, так как не владели основами навигационных знаний. Другие — к ним-то и принадлежал Бен Финни — были убеждены, что существовали традиции древнего мореплавания, и предки полинезийцев владели азами навигации, а каноэ были приспособлены к длительным плаваниям.

¹ См. «Вокруг света», № 7/87.

Кроме того, Финни не забывал, как ученый, и научный аспект этого путешествия. Он хотел глубже изучить древние традиции полинезийцев, отыскать истоки их культуры, доказать, что у них было немало достижений и в технике.

Финни также интересовал психологический климат в будущей команде, где капитаном был гавайец, а матросы — разных национальностей: белые американцы, гавайцы, уроженцы Таити и Новой Зеландии.

Так каноэ-катамаран — почти точная копия судна древних полинезийских мореплавателей — отправился в путешествие с Гавайев на Таити и обратно.

— Я написал об этом книгу, — говорит Финни, — затем было второе путешествие в 1980 году и третье — в 1985 — 1987 годах, где я прошел под парусами только часть пути. Об этом я пишу еще одну научную книгу, и будет сделан фильм. Видите, у меня вроде интересная, насыщенная жизнь, но мне этого мало. Сейчас заинтересовался проблемой освоения человеком космоса...

Бен прибыл к нам в редакцию, можно сказать, прямо с конференции в Токио, где обсуждались вопросы освоения человеком космоса.

— При чем здесь я? — изумляется Финни. — Меня увлекает изучение как техники мореплавания полинезийцев, так и новой техники проникновения человека в космос.

Круг его интересов широк: условия жизни в космосе, создание космических поселений («Это возможно! — вос-

кликает Бен. — Ведь человек приспособился жить в городе, где, казалось бы, не может существовать что-либо живое»), возможность существования внеземного интеллекта.

— А что, я радикал. Почему бы не быть живой материи на других планетах — пути эволюции жизни сложны, — горячо говорит Бен, — завтра я выступаю в Калуге, а затем лечу во Францию на биоастрономическую конференцию.

Таков Бен Финни — весь в движении, поиске. Чтобы лучше понять русское искусство, литературу, чтобы читать в подлиннике Циолковского, Вернадского, Федорова, Чижевского, он изучает русский язык.

— Возвращаюсь в Гавайский университет, хочется создать полинезийское общество путешественников. Вроде вашей Ассоциации путешественников, где президентом Юра Сенкевича, — смеется Бен. — Словом, будем дружить и вместе путешествовать.

Шутки шутками, а гавайцы сейчас вынашивают новый проект путешествия на каноэ. Только теперь это судно должно быть изготовлено из той древесины, веревки свиты из тех растений, которые произрастают на Гавайях, а паруса будут из волокон пальмы. Все как у древних полинезийских мореходов — точная реконструкция. Конечно, Бен Финни обязательно отправится в путешествие на новом каноэ.

В. ЛЕБЕДЕВ

Бен ФИНИ

Фото автора

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ТАИТИ

РОЖДЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

«Х о-омакакау». Прозвучавшее по-гавайски выражение соответствовало привычной нашему слуху команде «приготовиться». Добровольные помощники из числа местных жителей, участвовавшие в спуске каноэ-катамарана на воду, железной хваткой вцепились в изогнутую корму. Те, кто должен был тянуть лодку за канаты, по щиколотку утопив ноги в песке, слегка откинулись назад, как бы проверяя вес массивного сооружения, покачивавшегося над их головами.

Все присутствующие — члены команды, грузчики и зрители — застыли в напряжении. Наконец руководивший спуском мастер-гавайец скомандовал: «Э-алулайк!» — «Тяни!» Повторять команду не пришлось, шеститонное каноэ длиной в 20 метров на удивле-

ние легко соскользнуло со ступеней в воду. Какое-то мгновение ошеломленная толпа хранила гробовое молчание, а затем разразилась приветственными криками.

Описанная выше сцена вполне могла произойти на каком-нибудь затерянном в Тихом океане островке несколько веков назад. Но время действия — 1975 год, а место — пляж, расположенный всего лишь в получасе езды на автомобиле из современного делового центра Гонолулу. Спущенное на воду каноэ — реконструкция судна древних полинезийских мореплавателей. В следующем году мы намеревались отправиться на нем с Гавайев на Таити и обратно. Нам предстояло преодолеть почти шесть тысяч морских миль, не пользуясь при этом картами, компасом и другими навигационными приборами.

Читателю, вероятно, известно, что существует много разных, зачастую

противоречивых мнений о происхождении полинезийцев и о том, почему и как они оказались на разбросанных на тысячи миль друг от друга тихоокеанских островах. Гавайи, находящиеся значительно севернее экватора, — самая отдаленная точка полинезийского треугольника. Две другие — остров Пасхи и Новая Зеландия. Тем не менее древним мореходам удалось добраться и туда. Когда в 1778 году капитан Джеймс Кук случайно «наткнулся» на Гавайи, то с удивлением обнаружил, что восемь крупнейших островов архипелага населяли примерно 250 тысяч жителей.

По данным археологических раскопок, их предки появились здесь около 500 года нашей эры. Найденные учеными рыболовные крючки из костей и ракушек, каменные скрепки и другие предметы быта свидетельствовали о том, что первые поселенцы пришли сюда с других полинезийских остро-

вов, расположенных ниже экватора. Это могли быть либо Маркизские острова, либо Таити. Гавайская история не сохранила на этот счет более точных сведений. И все же многочисленные легенды рассказывают, что моряки с Таити бывали нередкими гостями на Гавайях в XII — XIII столетиях.

В конце прошлого века — начале нынешнего, чересчур ретивые толкователи полинезийского эпоса стали изображать эти путешествия чуть ли не как плавание целого флота огромных каноз, «бороздивших Тихий океан с легкостью современных лодок на Женевском озере». Разумеется, подобные преувеличения вызвали обратную реакцию — в возможности полинезийских мореходов просто перестали верить. Но скептики, пожалуй, зашли слишком далеко — они объявили, что каноз не были приспособлены к продолжительным плаваниям, а древние полинезийцы не могли ориентироваться в открытом океане без компаса, секстанта и других навигационных инструментов.

Одним из таких скептиков был знаменитый Тур Хейердал, совершивший путешествие на плоту «Кон-Тики» из Южной Америки к островам Туамоту. Согласно его теории заселение Полинезии шло с востока на запад. Первые полинезийцы добиралась до островов на плотах из Южной Америки и на выдолбленных каноз — из Северной. По мнению Хейердала, примитивные суденышки древних могли только дрейфовать, покорные воле ветра и течения. А поскольку в Тихом океане в районе экватора преобладающее направление ветров и течений с востока на запад, то и процесс заселения шел из Америки в Азию, а не наоборот.

По другой, довольно распространенной в академических кругах теории заселение Полинезии произошло «по воле случая». Ее автор, новозеландец Эндрю Шарп — вышедший на пенсию государственный служащий, считал, что на многие острова люди спали совершенно случайно: их занесло туда штормом или по ошибке. Правда, в отличие от Хейердала он придерживался мнения, что миграция шла все же с запада на восток, но тоже скептически относился к мореходным качествам полинезийских каноз.

Мне же, как и некоторым моим единомышленникам, теория «случайности» с самого начала показалась абсурдной. Как могли предки полинезийцев покрывать огромные расстояния, «дрейфуя» против ветра и течений? А почему бы не реконструировать каноз и не попробовать самим пройти маршрутом древних?

Так родилась идея экспедиции — повторить маршруты легендарных мореходов и таким образом доказать скептикам, что предки современных полинезийцев вполне могли наперекор стихии преодолевать огромные расстояния в открытом океане. Но будущее плавание выходило за рамки чисто научного эксперимента. Мы надея-

лись также, что наши усилия послужат делу возрождения культуры Полинезии.

«ЗВЕЗДА ВЕСЕЛЬЯ»

После спуска на воду «Хокулеа», так мы назвали катамаран, предстояли ходовые испытания. Название было выбрано не случайно. Хокулеа — гавайское имя самой яркой в Северном полушарии звезды, которая, по преданиям, служила возвращавшимся из плавания древним мореходам путеводной звездой. Кроме того, у него есть еще одно значение. В переводе с гавайского «хоку» означает «звезда», а «леа» — «веселье». «Звезда веселья» — самое подходящее название для нашего суденышка.

В отличие от других подобных экспедиций мы планировали в течение целого года «обкатывать» «Хокулеа» и по мере необходимости улучшать ее ходовые качества. Последней мы примеру Тура Хейердала, катамаран сразу же после спуска на воду отправился бы на Таити. Но не стоит забывать, что экспедиция «Кон-Тики» — это, по существу, обычный дрейф бальсового плота в одном направлении — из Южной Америки к островам Полинезии. И главным там было, положившись на волю ветра и течений, ждать, пока тебя прибьет к берегу. Перед нами же стояла более сложная задача — пройти путь туда и обратно.

Со сложностями, и порой совершенно непредвиденными, мы столкнулись еще до начала путешествия. Представьте себе спуск на воду великолепного катамарана. Событие обставлено с большой помпой и шумихой в местной прессе. Газетчики наперебой подчеркивают, что «Хокулеа» — точная копия древнего гавайского судна, своего рода космический корабль далеких предков. Вы приглашаете гавайцев на борт и говорите им, что они вольны делать все, что угодно. Крупные неприятности вам гарантированы.

Первый упрек в наш адрес прозвучал со стороны кахун, местных жрецов, проповедовавших дохристианские верования. У каждого из них своя «специализация»: одни занимаются врачеванием, другие — освящением жилища, третьи — большие знатоки черной магии. К своим «профессиональным» обязанностям кахуны относятся очень ревностно. Поэтому тот факт, что их не пригласили на церемонию спуска катамарана на воду, был воспринят как личное оскорбление. Последствия нашей оплошности не замедлили сказаться. Кахуны объявили «Хокулеа» «нечистым» судном.

В результате мы познакомились с обратной стороной традиционного гавайского дружелюбия. Вскоре многие из работавших с нами гавайцев стали предвещать разные беды, другие жаловаться на странные болезни, вызванные, по их мнению, чем-то происшедшим с их душами. Несколько человек вообще бросили работу, остальные надели на голову и запыстья спе-

циальные повязки из листьев местного дерева, которое, по гавайским преданиям, обладает магической силой. Смотрелось все это эффектно, особенно когда они таким же образом украсили и «Хокулеа». Катамаран стал больше напоминать наряженную новогоднюю елку, чем готовящееся к отплытию судно.

Постепенно общественное мнение склонилось к тому, что «Хокулеа» должна принадлежать только кореным жителям архипелага, а белым следует остаться на берегу. Для горячих молодых гавайцев белый человек по-прежнему был угнетателем. Научные же исследования они рассматривали как часть этого мира угнетателей. Особенно их задевало, что белые стремятся рассказать гавайцам их собственную историю. О прошлом, считали они, можно узнать из рассказов старейшин, а не из книг или экспериментов.

В ОКЕАНЕ

Наконец-то все трудности и сомнения подготовительного этапа позади. «Хокулеа» покидает гавань Гонолулу и берет курс на Таити. Мы остаемся наедине с океаном. Мы — это 17 человек команды, два кудахтающих цыпленка, собака и свинья. В плавании нас сопровождает большая моторная яхта «Меотай», арендованная журналом «Нэшнл джиографик» — спонсором экспедиции. Ее присутствие объясняется несколькими причинами.

Во-первых, на ее борту находится съемочная группа. Во-вторых, на «Меотай» скрупулезно фиксируют маршрут катамарана. Когда путешествие закончится, у нас будет возможность сравнить наши примитивные расчеты с реальным курсом. И наконец, если «Хокулеа» вдруг пойдет ко дну, на яхте достаточно места, чтобы разместить всю нашу команду. Честно говоря, нам совсем не хотелось прибегать к дорогостоящим спасательным услугам береговой охраны.

«Уже четыре часа. Теперь твоя очередь, Бен», — преувеличенно бодрым голосом Томми Холмс объявляет, что мне пора освободить наш общий надувной матрас и спальный мешок и заступать на вахту. В полудреме я вылезаю из влажного, но теплого мешка и, осторожно ступая между спящих членов команды и разбросанной повсюду походной утвари, пробираюсь по скользкой палубе на корму. На воздухе холодно и сыро. Хотя мы находимся в тропиках, сильный пассат и постоянные брызги волн не дают согреться. Особенно холодно бывает по ночам, когда нет солнца. Несмотря на то, что под штормовкой у меня теплый тренировочный костюм, я по-прежнему дрожу от холода.

Эти древние полинезийцы, похоже, были крепкими ребятами. Примитивные накладки из листьев, плюс одеяла, сплетенные из древесной коры, и циновки — вот и вся их защита от стихии. Принято считать, что крепкие тела полинезийцев, щедро одаренные при-

родной мускулатурой и слоем подкожного жира, уже сами по себе гарантировали им защиту от ветра и морской воды. Вероятно, в этом есть доля истины — тяготы жизни морских кочевников закалили их тело и душу, поэтому дисконформ, который испытываем мы, изнеженные горожане, они просто не замечают.

Вот, например, Мау, наш гавайский штурман. Перед самым отплытием я подарил ему тренировочный костюм, думая, что он воспользуется им, чтобы надеть под свою прорезиненную штормовку. Вместо этого Мау тщательно запаковал костюм вместе с другой одеждой и оставил его в Гонолулу. Но и штормовкой он пользовался всего несколько раз. Шорты и футболка — вот весь его наряд, который он носил в любую погоду. Слава Богу, наш эксперимент не зашел так далеко, и мы не наложили запрет на пользование свитерами, тренировочными костюмами и другими привычными для нас предметами туалета.

Для несения вахты Кавика, капитан «Хокулеа», поделил команду на две группы. Одной он руководил сам, другой — первый помощник Дейв Лайман. Ночная вахта длилась четыре часа, дневная — шесть. В отличие от скучного и утомительного ночного бдения время с четырех до восьми утра имело свои неоспоримые преимущества: восход солнца и завтрак.

...Сегодня солнце показалось чуть позже обычного. Отчасти это объяснялось тем, что весь горизонт был затянут плотной пеленой облаков. А вот и завтрак. Мау приготовил его из двух пойманных накануне рыб — дорадо. Сначала мы заморили червячка сырыми рыбными ломтиками, а потом нас ждало настоящее пиршество — филе, поджаренное на углях из кокосовой шелухи. Мау оказался поистине бесценным приобретением для «Хокулеа». Помимо прочих достоинств, он обладал еще и прекрасными кулинарными способностями.

Кстати, о пище. Учитывая гавайские традиции, а также в целях чистоты эксперимента мы взяли с собой весьма ограниченный запас провизии: вяленую рыбу, сушеные бананы, сладкий картофель, консервированный таро, немного яиц и свежих фруктов. Вот, пожалуй, и весь ассортимент, плюс рыба, пойманная в пути.

Попытка воссоздать древнюю полинезийскую печку для приготовления пищи окончилась неудачей. Выложенное из песка громоздкое сооружение занимало слишком много места на палубе. В очередной раз выручил Мау. В качестве печки он предложил использовать компактную жестянку из-под керосина. Такими печками пользуются сегодня рыбаки Микронезии.

Топливом служила шелуха от кокосовых орехов, которые мы прихватили с собой. Впрочем, в запасе у находчивого штурмана-кока была еще добрая сотня рецептов по их использованию. Дело в том, что для Мау и других жителей тихоокеанских островов кокос по-прежнему остается главным источ-

ником питьевой воды, пищи, строительным материалом и топливом. Очищенный орех от шелухи, Мау разрубал твердую скорлупу мачете, выпивал сок, а потом вырезал изнутри аппетитные куски маслянистой белой мякоти. Очищенные половинки скорлупы служили в качестве посуды.

После завтрака вахта Кавика обычно отправлялась отдыхать до следующего дежурства, начинавшегося в два часа дня. Но сегодня никому прохладиться в порядок захламленную палубу. Работа нашлась для всех — перекладывали мешки с кокосами и картошкой, сворачивали мешавшие канаты, укладывали сигнальные ракеты и спасательные пояса так, чтобы в случае необходимости ими сподручнее было пользоваться, прибирали личные вещи. Казалось, все трудились с настроением. Мне вспомнились напутствия Дэвида Льюиса, моего старого знакомого из Новой Зеландии. Накануне нашего отплытия он заметил, что наметившийся был конфликт между «лидерами» и «остальной командой» будет забыт, как только мы выйдем в море. Надеюсь, что его пророчество сбудется. Во всяком случае, трудившимся в поте лица ребятам действительно было не до взаимных упреков и претензий.

МУЗЫКА В НОЧИ

Теперь, когда гавайские воды остались позади и мы легли курсом на юго-восток, направляясь в район тропического штита, ощущение напряженности немного спало. Проходившие дни не отличались разнообразием. Игра в карты, чтение или просто разговоры — вот и все развлечения. Иногда Родо Вильямс, уроженец Таити, старый морской волк с белоснежной шевелюрой, занимал нас рассказами о своих удивительных приключениях.

Однажды они высадились на необитаемом атолле, намереваясь пополнить запасы кокосов и копры. Но на острове начался бунт: один из членов команды объявил себя кахуной и утверждал, что ему известно место, где испанские пираты зарыли свои сокровища.

Даже обычно молчаливый Сэм Калалау, пастух с острова Мауи, порой присоединялся к нашим беседам. К сожалению, Сэм входил в группу Лаймана, и время вахты у нас не совпадало. Тем не менее несколько раз я слышал его увлекательные рассказы о боях против японцев в джунглях Соломоновых островов: во время второй мировой войны он служил морским пехотинцем. Еще одним коньком Сэма были красочные описания петушиных боев, его любимого увлечения.

Игры с животными тоже помогали как-то скоротать время. Мы захватили их с собой не случайно. Это было частью эксперимента — ведь древние полинезийцы тоже брали в плавание животных и семена растений. Кстати, за неделю до старта на эксперименте чуть было не пришлось поставить

крест. На этот раз «тревогу» забило гавайское Общество гуманного отношения к животным. Их представитель посетил каное и был шокирован теснотой клеток, в которых должны были содержаться животные. На следующий день я получил из общества объемную резолюцию на трех листах с требованием не брать «бедных животных» на борт. Давление оказали и на директора зоопарка в Гонолулу, обещавшего нам помочь. К счастью, собака у нас уже была. А вот свинью и цыплят пришлось добывать самостоятельно.

После нескольких дней плавания наша маленькая, меньше фокстерьера, гавайская собачка по кличке Хоку постепенно привыкла к качке. Но мы все же продолжали держать ее на привязи, опасаясь, как бы она не соскользнула в море. Хоку отличалась спокойным и застенчивым нравом — это результат многолетней селекции специалистов зоопарка в Гонолулу, пытавшихся воспроизвести породу собак, которых древние гавайцы специально разводили для употребления в пищу.

Поросенок Максвелл, напротив, отличался живым характером и часто потешал всю команду. Он ел буквально все, что ему давали, включая собственную клетку.

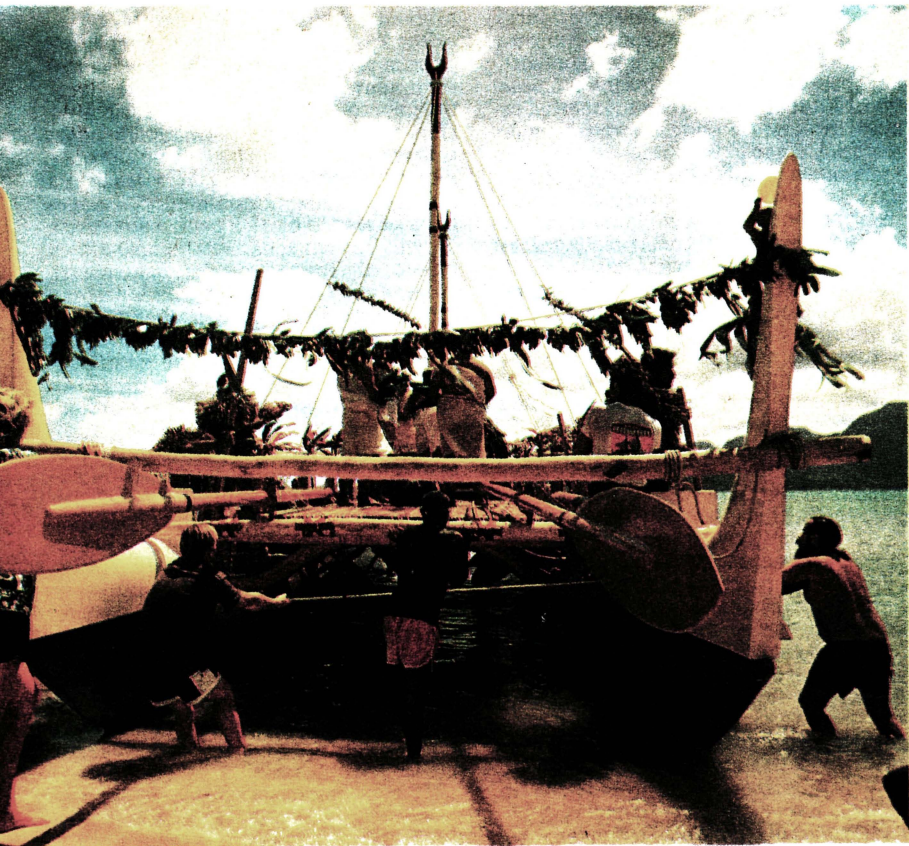
По ночам и без того узкий круг развлечений сужался до минимума. Несущим вахту оставалось наблюдать за звездами и болтать между собой, чтобы не заснуть. Впрочем, начало вечера было самым прекрасным временем суток. Обычно в этот час все оставались на палубе, переваривая ужин и утешая себя тем, что еще один день плавания позади. Нередко после ужина Кавика и еще два члена команды, Уильям «Билли» Ричардс и Джордж «Буги» Калама, устраивали импровизированные концерты, распевая под аккомпанемент гитары гавайские песни.

Во время таких вечерних концертов экипаж «Хокулеа» на время забывал о своих разногласиях, и все с удовольствием внимали искусным певцам и музыкантам.

КОНТРАБАНДА

Довольно часто мы несли вахту на пару с Ричардом Киулана по прозвищу Буффало — Бизон. Его окрестили так за могучее телосложение и рыжеватобронзовый цвет волос и кожи. Кличка Буффало как нельзя лучше характеризовала его характер и манеру поведения. Обычно флегматичный и медлительный в движениях, Ричард иногда взрывался, становясь совершенно неправляемым.

В тот вечер мы, как обычно, коротали время вахты у руля, стараясь удерживать «Хокулеа» по течению. Неожиданно Буффало начал рассказывать о своей жизни на западном побережье острова Оаху, густонаселенном гавайском районе с высоким уровнем безработицы и другими социальными проблемами. Он говорил о своей семье, друзьях и любимых увлечениях. Когда речь зашла о жестокости и насилии,

столь распространенных в его среде, тон рассказа стал более эмоциональным. Наконец Буффало не выдержал и выпалил: «Да, мы тоже не пай-мальчики. Покуриваем «травку», но при этом не мешаем жить другим. Так пусть и нам никто не мешает!»

Этой тирадой Буффало ставил меня в известность, что у него с собой есть марихуана и что мне не следует вмешиваться. Сбывались мои самые худшие опасения. В течение нескольких последних дней я замечал, что он и еще несколько членов команды уединяются в углу палубы и, укрывшись за ворохом спальных мешков, раскуривают самодельную бамбуковую трубку. После этого ритуала к свежему морскому воздуху примешивался специфический запах «травки».

Как мне потом сказали, ее запасы хранились в чехле от гитары. К сожалению, несмотря на запрет, о котором мы сообщили еще до начала плавания, марихуана была не единственной контрабандой на борту «Хокулеа». Буквально на второй день похода я застал за недозволенным занятием Билли Ричардса. Он слушал музыку по карманному транзистору. Казалось бы, совершенно безобидная вещь, но в руках специалиста она вполне могла служить рацией, по которой можно было бы скорректировать курс каноэ.

Кроме того, Буффало прихватил с собой современную походную плитку, запасы кофе и чая. Довершала этот «джентльменский набор» бутылка крепкого спиртного. У других членов экипажа обнаружили конфеты, баночки с арахисовым маслом, джемом и другими высококалорийными продуктами. Несмотря на уговор питаться только полинезийской пищей, многие, как теперь выяснилось, отнеслись к нему с неодобрением.

В довершение всех бед, запасы таро превратились в кишачую червями зловонную массу, и их пришлось выбросить. Почти все свежие продукты уже были съедены. Правда, вяленой рыбы и сушеных бананов по-прежнему было вдоволь. Но их специфический вкус нравился далеко не всем. И напряженность, связанная с ограничением нашего рациона, продолжала нарастать. Все чаще раздавались требования приостановить эксперимент с едой и прислать свежие продукты с «Меотай».

Любопытно, что наиболее рьяными противниками эксперимента выступили двое. Самый худой из нас, молодой фотограф из журнала «Нэшнл джиджорфик», который считал, что просто глупо питаться полинезийской пищей. И самый толстый — «Буги» Калама, жаловавшийся на жестокие страдания, которые ему доставляла полинезийская диета. Посоветовавшись с Кавикой и Лайманом, мы решили удовлетворить требование «заговорщиков» и связались с «Меотай», попросив их прислать немного продуктов.

Когда посланная с «Меотай» резиновая лодка подошла к каноэ, я вызвался помочь поднять груз на борт. Кроме упаковок с рисом, тушенкой, морко-

вью и фруктами, они собирались предложить мне шесть банок пива. Конечно, после марихуаны пиво суший пустяк. Но мой мозг работал слишком медленно. Без тени сомнения я громко крикнул людям в лодке: «Пива не надо!»

Мгновение спустя я понял, что допустил непростительную ошибку. Несколько банок пива не сорвали бы нашего путешествия. Мне не стоило забывать, что пиво для гавайцев — непреходящий атрибут общения. К сожалению, я осознал все это слишком поздно. Несколько человек из команды, наблюдавшие за эпизодом, с трудом сдержали ярость. Они молча повернулись ко мне спиной и пошли прочь.

ОПАСНЫЙ ПОДАРОК

Позади 33 дня плавания. Сегодня утром, в тумане, мы увидели слабый свет далекого маяка. Значит, впереди земля. Еще несколько часов хода, и под густыми облаками обозначились огромные темные тени. Вскоре они приобрели форму горных пиков, словно вытолкнутых океаном в небо. Казалось, что впереди два острова, но на самом деле это иллюзия. Таити по форме напоминает восьмерку: два вулканических конуса, соединенных между собой узким перешейком. Издали видны только оконечности конусов, отстоящих друг от друга на приличном расстоянии.

Вряд ли нам удастся добраться до жожделенной земли засветло. В лучшем случае мы войдем в порт Папэте около полуночи, а это слишком поздно, чтобы чувствовать себя в безопасности в узком проливе. Да и наши таитянские спонсоры не хотели бы, чтобы мы высаживались на берег раньше завтрашнего утра, когда назначена официальная церемония встречи. Родо Вильямс посоветовал на ночь отогнать «Хокулеа» в лагуну атолла Тэйтиаароа, а с первыми лучами солнца направиться к Папэте, от которого лагуну отделяет тридцать миль. На том и порешили. Кавика дал команду двигаться к атоллу.

С точки зрения «банды из рубки» — так мы называли часть команды, которая все делала наперекор руководителям экспедиции, — ночевка в лагуне была ужасной идеей. «Почему мы направляемся туда, а не напрямик на Таити?» — с раздражением вопрошали они. Уговоры Кавики и Вильямса, пытавшихся убедить их в том, что сейчас уже слишком поздно высаживаться на Таити, не возымели никакого действия. Члены «банды» расценили это как очередное проявление диктата «лидеров», ущемляющих их права.

Когда на горизонте уже появились кокосовые пальмы Тэйтиаароа, к нам подошла изящная спортивная лодка. На ее борту нас приветствовал не кто иной, как Дейл Белл, кинопродюсер из «Нэшнл джиогрэфик». Он прилетел на Таити специально, чтобы попасть на нашу встречу, и теперь, сгорая от нетерпения, примчался лично высказать свои поздравления. С собой Белл

прихватил вполне соответствующий такому событию подарок — дюжину бутылок французского шампанского, которые тут же перекочевали к нам на борт. Конечно, он и не подозревал, какие печальные последствия будет иметь его дар.

Львиная доля шампанского досталась членам «банды», которые удалились на нос, чтобы подальше от остальных отметить событие. Бутылки пошли по кругу, и скоро шампанское ударило им в голову. Улыбки и смех уступили место глумливым гримасам и яростным возгласам. Внезапно они вскочили и, хватаясь за леера, направились в нашу сторону. Потом, как по команде, в наш адрес посыпались упреки. Особенно усердствовали Буги и Билли. Они обвинили Льюиса в попытке изменить курс, пока Мау спал. Кавику бранили за то, что он не оправдал их надежды на роль «сильного лидера» и предал интересы команды. Досталось также Лайману и мне. Меня упрекали в том, что в свое время не разрешил установить килевые лопасти и заставил спустить кливвер.

Вскоре к этим двоим присоединился уже порядком разъяренный Буффало. В отличие от Буги и Билли, чьи роли казались заранее распределенными и отрететированными, он взорвался злобными нападками в адрес белых. Ему не нравилось в нас все: как мы говорим, едим, ходим. Свою эмоциональную речь Буффало сопровождал быстрыми и резкими движениями рук. Казалось, что он полностью потерял над собой контроль.

Несмотря на всю несправедливость и грубую форму обвинений, я сохранял спокойствие: вряд ли в этой ситуации имело смысл возражать. Но Дэвид Льюис, стоявший чуть позади меня, решил ввязаться в спор с Буффало: критика со стороны человека, который мало что смыслил в морской науке, показалась ему слишком оскорбительной. «Мы тоже люди, и с нами надо обращаться по-человечески», — заявил Льюис.

Этих слов оказалось достаточно, чтобы Буффало окончательно расвирепел. Оттолкнувшись от кормового леера, он в одно мгновение нокаутировал Льюиса, стоявшего рядом с ним фотографа и капитана. Следующим за Кавикой стоял я. Удар Буффало пришелся мне прямо в лицо. Он продолжал дубасить меня, и когда я отступил на корму. Я не отвечал на удары, хотя физически мог за себя постоять. Но любое ответное движение могло бы вызвать кровавое побоище на палубе «Хокулеа».

Пытаясь остановить Буффало, Лайман вцепился ему в спину. Тот на секунду замешкался, и я успел прийти в себя. Досталось мне здорово. Голова гудела, а из разбитого носа по подбородку струилась кровь. Неожиданно вмешался Мау. Одного движения его руки и короткого возгласа: «Остановись, Буффало», — оказалось достаточно, чтобы успокоить разъяренных членов экипажа.

Немного поворчав, все разошлись

по своим местам. Стычка закончилась.

Все это время спортивная лодка следовала рядом с нами. Перед началом инцидента Родо перешел на нее, чтобы переговорить по радиотелефону с Папэте о деталях завтрашней церемонии. Увидев, что дело принимает нештучный оборот, он вызвал на подмогу бугсир с полицейскими. Теперь не могло быть и речи о ночевке в лагуне Тэйтиаароа. Мы направились прямо к Таити, чтобы заночевать вблизи его берегов. Нас сопровождал вызванный Родо бугсир, шедший на расстоянии нескольких сотен метров от «Хокулеа». Полицейские были одеты в гражданскую одежду, поэтому никто, кроме нас двоих, не знал об их присутствии.

Когда стемнело, ко мне подошел Мау. «Послушай, Бен, — сказал он тихо, но решительно. — Я хочу вернуться домой. Я не хочу плыть на Гавайи на каное». Мау объяснил, что это решение созрело у него под влиянием поведения «банды из рубки». Насилие и грубость претили его мягкой натуре. Он долго колебался, но, когда Буффало избил меня и Кавику, его терпение лопнуло. Я постарался успокоить его как мог. Безусловно, уход Мау был бы для нас большой потерей, но в тот вечер я не стал его отговаривать, надеясь сделать это позже.

Ночь не принесла покоя. Голова разламывалась от боли. Но еще большее страдание доставляли мысли о том, что концовка путешествия прошла под полицейским эскортом и была омрачена безвозно потерей Мау. Большую часть ночи Родо, Мау и я бодрствовали, одним глазом следя за тем, чтобы «Хокулеа» не налетела на барьерный риф, опоясывающий остров, а другим наблюдая за рубкой, где расположились на ночлег члены «банды».

Вскоре после полуночи мы оказались в пределах видимости барьерного рифа Таити, о который с шипением разбивался могучий океанский прибой.

Утром нас ждал небывало теплый прием. Тысячи островитян приветствовали «Хокулеа», когда она входила в спокойные воды гавани Папэте. Специально ради такого случая губернатор Французской Полинезии объявил день нашего прибытия, пятницу 4 июля, национальным праздником. Школы были закрыты, а взрослым предоставлен выходной.

Поприветствовать странное каное с Гавайев пришли 15 тысяч таитянцев — каждый пятый житель острова. Никогда прежде эти берега не видели такого скопления народа. Ни когда встречали капитана Кука два столетия назад, ни во время визита генерала де Голля.

Меня охватило чувство огромного облегчения и одновременно победы. Несмотря на все проблемы и отсрочки старта на Гавайях, на штиль и встречные ветры, преследовавшие нас все путешествие, несмотря на тысячу других препятствий, мы все-таки дошли до Таити.

Перевел с английского
Александр СОЛНЦЕВ

РУССКАЯ АМЕРИКА

В. Беринг — А. Чириков 1741—1991 гг.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ
НАУЧНО-ТУРИСТСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

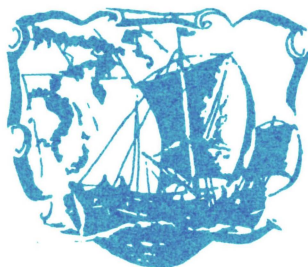
690035, Владивосток-35,
а/я 853

Телекс: 213429 ПКП

Факс: (42322) 71349

Телефон 23-56-08

25-77-04

SCIENTIFIC-TOURIST
EXPEDITION THE ORGANIZATION
COMMITTEE

690035, Vladivostok, USSR,
P.O.Box 853

Telex: 213211 PTB SU

Fax: (42322) 71349,

Phone: (4232) 23-56-08

25-77-04

ДОРОГИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ!

В 1991 году исполняется 250 лет походу русских моряков на судах «Святой Петр» и «Святой Павел» под командованием капитан-командоров Витуса Беринга и Алексея Чирикова к берегам Аляски, положившему начало эпохи Русской Америки.

Прогрессивная общественность СССР и США готовится торжественно отметить эту дату. Для организации юбилейных торжеств в этих странах созданы комитеты, возглавляемые известными учеными и общественными деятелями.

В программе празднования предстоящего юбилея намечено проведение в июле — сентябре 1991 года научно-туристской международной экспедиции на научно-пассажирском и парусном судах от берегов России к берегам Америки по маршруту: Владивосток — Петропавловск-Камчатский — о. Беринга — Датч-Харбор — Анкоридж — Ситка — Сиэтл — Сан-Франциско — Лос-Анджелес — Владивосток. В экспедиции, кроме известных ученых, общественных деятелей, примут участие представители деловых кругов СССР, США и других стран. Проведение подобных экспедиций предусмотрено и в последующие годы.

Оргкомитет экспедиции, созданный под эгидой Географического общества СССР и госуниверситетов (ДВГУ, ЛГУ, МГУ), приглашает Вас быть участником-спонсором

этого крупномасштабного мероприятия. При этом предприятие-спонсор будет рекламировано через радио, телевидение и печать в выпусках, посвященных юбилею, как в СССР, так и за рубежом.

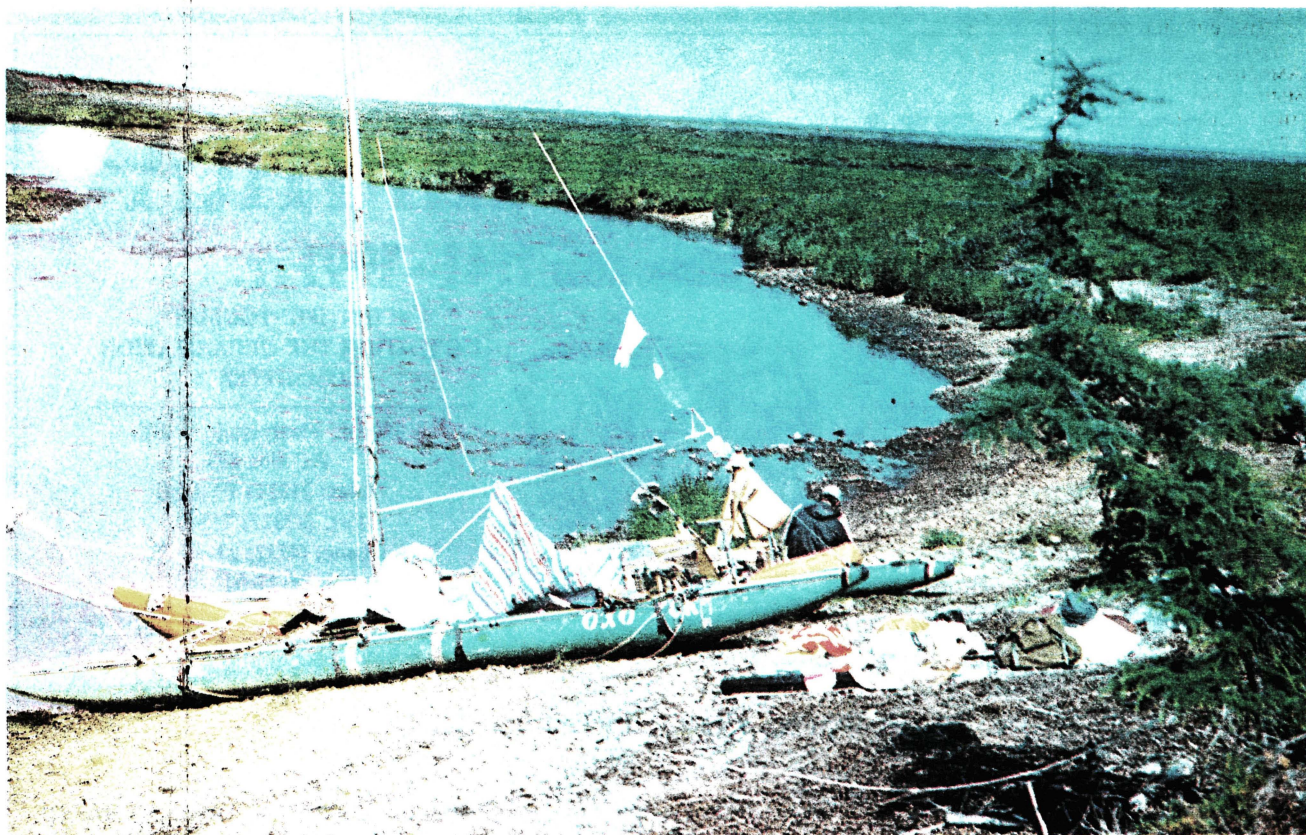
Международная экспедиция имеет научно-познавательные, исследовательские, общегуманные цели. Главной задачей организаторы-спонсоры ставят сближение народов Земли на основе общечеловеческих идеалов и ценностей.

Вырученные от проведения международной экспедиции средства будут безвозмездно переданы в регионы спонсоров детским садам и домам престарелых, а также направлены на строительство в Приморье онкологической больницы и Дома детского творчества.

Если Вы или Ваша организация согласны участвовать в экспедиции, просим сообщить о своих пожеланиях и предложениях.

В свою очередь, Оргкомитет обязуется своевременно информировать Вас о ходе подготовки экспедиции, изданиях памятных и рекламных буклетов спонсоров-учредителей и других организационных мероприятиях.

Оргкомитет экспедиции
«Русская Америка-250»

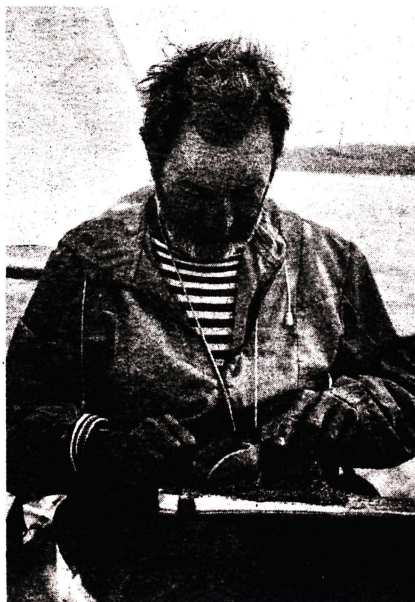

Василий ГАЛЕНКО,
 спец.корр.«Вонруг света»,
 штурман дальнего плавания
 Фото Анатолия АКИНЬШИНА

ПРОПАЛО МОРЕ

Каждое путешествие на Дальний Восток для меня событие. Памятное плавание на веслах из устья Амура во Владивосток, пеший переход через Джугджур по следам писателя Гончарова, наконец, поиски якоря Беринга в разломах охотских предгорий. Кажется, достаточно, чтобы понять «лики Охотоморья», как любят говорить на Востоке. Но мне не хватало на этой прародине русского океанского мышления — так я именую Охотское море — его осколков, его Архипелага, его Шантарских островов. Дважды я видел, не боюсь высокопарности, эти изумрудные осколки, «утопающие» в синеве моря-окияна. Один раз с борта рейсового самолета, в другой раз с перевала на Джугджуре за двести верст. В том последнем случае мелькнула мысль, что стоял я в потоке самого чистого на земле воздуха. Оказаться там стало навязчивой мечтой, а вернее — насущной необходимостью.

В самом расположении Шантар — в западном углу сурового моря — есть какая-то притягивающая странность. Пышный зеленый оазис посреди кипящего сулоями приливов моря в обрам-

Василий Галенко во время экспедиции.

лении льдов, что не тают тут порой до нового ледостава — это вам не Канары, тоже по-своему «утопающие» и в зелени и в океане. Но и странное сходство тоже может найтись. Штудирюя климат этого загадочного угла, чтобы выбрать наиболее благоприятный сезон для путешествия с попутным ветром, я наткнулся на поразительную связь Охотского моря с самым центром Тихого океана. Оказывается, все лето море накрыто потоком воздушных масс, несущихся от Гонолульского максимума в область пониженного давления над Восточной Сибирью. Не отсюда ли удивительная прозрачность атмосферы и «чудеса» в фауне и флоре?

Еще меня интересовали самые первые упоминания о Шантарах. Сенсация поджидала меня в обширном отчете А.Ф.Миддендорфа о путешествии на Север и Восток Сибири. Шантарами, оказывается, занимался в начале XVIII века сам российский император. Далекое, едва обозначенные на карте острова были на устах столичных вельмож. Разве не удивительно?

Не были равнодушны к островам и учредители Российско-Американской

компании. В самом деле, чем вести промысел на далеких Алеутских островах и в других местах Русской Америки, не проще ли отправить промышленников на Шантары? Как увидим в дальнейшем, компания предпочла изучение островов, картографирование их и основала на них первые постоянные поселения.

Почему Шантарские острова не жаловал Невельской, а еще раньше мимо них равнодушно проскочил Поярков? Кажется, объяснить несложно: попробуйте без мотора плавать по морю, где течения до 15 километров в час! Вообще удивительно, как русские мореходы справлялись с плаванием в Охотском море. Потому я старался найти следы моих предшественников в плавании к Шантарам. Среди немногих нужных мне книг в главной библиотеке страны попался пышный отчет о полувековом юбилее Русского Географического общества. Знаменитый вице-председатель общества Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский так разрешил мои сомнения насчет целей путешествия: «...изучать естественную-историческую, географическую и прочие физиономии России, особенно Азиатской ее части». Что ж, подумал я, это как раз то, что нужно. «Прочие физиономии» Шантар наверняка не изучены. Двусмысленность этих слов, их образность подстегивали поискать на «лицах Охотоморья» и гримасы и улыбки. Я уже был не прочь проверить себя на маршруте к Шантарам. После этого сами собой разрешились идея и цель похода: на утлом суденышке, «парусом и на гребях», как говорили в старину, добраться к Шантарскому морю. С некоторых пор название этого моря вдруг исчезло с морских карт и совсем не упоминается в лоциях. Согласитесь, заголовок «Пропало море» — неплюбо смотрелся бы в Книге рекордов Гиннеса. Но мы решили совсем в духе времени попытаться его (море) отыскать и поставить на место...

Лодку, на которой я добывал такие же ощущения на Белом море, едва ли стоило тащить на Восток. Тут-то и пригодился сработанный моими друзьями по Обществу свободных путешественников надувной тримаран. Анатолий Акиншин — капитан судна и его коллега с Воронежского завода электровакуумных приборов Владимир Неприков принялись с восторгом латать дыры на выдавшем виде корабле. Поезд понес на себе баулы с резиной и дюралевым такелажом, а мы вскоре настигли свой багаж в Хабаровске и дальше на быстром «Метеоре» прошли по Амуру, мысленно обгоняя скрипящие лодыи Василия Пояркова, и благополучно прибыли в славный город Николаевск-на-Амуре.

Есть в России города, отмеченные печатью равнодушия и крайней запущенности. Скверно отзывался Лермонтов о Тамани, кишашей контрабандистами. Откровенно бранил нижеамурцев Чехов. «Самый вид забро-

шенного города совершенно отнимает охоту любоваться пейзажем». Забавно мне было читать тоненькую брошюру здешнего секретаря горкома. Автор всерьез обиделся на Чехова и еще на своего коллегу-градоначальника царского времени и всю расхваливал набережную города, «не уступающую по красоте (!) и протяженности лучшим приморским городам». Теперь нечто похожее неслось из динамиков стоявшего здесь туристского судна «Василий Поярков». Диктор-экскурсовод всю рекламу рекламировал «столицу» Нижнего Амура, явно используя пышное вранье из этой книжицы.

Лагерь свой мы раскинули на неуютных камнях в восточном углу отгороженной молот гавани. Здесь как раз заканчивалась «знаменитая» набережная. Ее увенчивали памятник Невельскому, горком партии, рынок, контора капитана порта и известное заведение с пятью деревянными вытяжными трубами. Четырехтрубная его часть предназначалась для мужчин, однотрубная — для женщин. Между собой его мы наименовали «крейсером». Не хотел бы заострять эту проблему и прослыть «специалистом», но заявляю, что подобные сооружения в России — это прежде всего признак жилого места и показатель того самого уровня социального развития общества, его культуры. Сколько разговоров было на эту тему. Поразительно, как это никто не догадался до сих пор прекратить экономить и начать сооружать эти общественные заведения раздельно. (Даже на знаменитых Кяхах в пик наплыва туристов тянутся две очереди к пресловутому «пятистенку», где мужчины и женщины над общей бездной разделены лишь дощатой переборкой с дырами и щелями.) Этот реликт имеет множество других нюансов, о которых, должно быть, знает каждый. Думаю, что «крейсер» — дело рук матросов Невельского, основавшего Николаевский пост в 1853 году. Разумеется, были ремонты и перестройки, но исторически это «памятник» первому жилью россиян на Амуре. Зловонный угол дополнял сток от колонки. Кран этот у самого крыльца какой-то транспортной прокуратуры был для нас ближайшим источником чистой воды. Здесь умывались жильцы из общежития. Сюда заглядывали пассажиры с гремевшего музыкально теплохода, чтобы утолить жажду или помыть огурцы с местного рынка. Рядом за дебаркадером с туристским судном густо сеял тополиным пухом знаменитый мыс Куегда, с которого начинался город. Кажется, отсюда к матросским казармам Невельского стали добавляться деревянные дома горожан, размножились «крейсера» и в доказательство процветания добавились десятки блочных домов, гостиница, гудящая вентиляторами городская ТЭЦ...

И в прошлые посещения мне нравилось ходить по затененным длинным улицам города, протянувшимся

по террасе вдоль Амура. Величие реки и исторических событий всегда согревало меня. Слепое обожание этого заброшенного и никому не нужного края вызывало боль и обиду за трудолюбивых и терпеливых людей. Но я никогда не мог смириться с мыслью, что места эти — рыбный и золотоносный Клондайк — напрочь обворованы нечестными на руку ведомствами. Трудно себе представить размеры доходов местной горной и рыбной промышленности. И это никак не отразилось на лице города. Колониальное убожество и этот оскорбительный лагерный быт с выгребными ямами, полуразрушенные дома как будто бы свидетельствовали о пронесящей здесь в давние времена золотой лихорадке. Увы, золото в амгуньских песках не иссякло, но печать разбойного пренебрежения к нуждам напрочь ограбленного населения видна здесь на каждом шагу...

Возможно, это традиция. В 1906 году при населении 7000 человек город имел 260 тысяч рублей дохода и... свыше 70 тракторов: «Это буквально город пьяниц», — свидетельствует современник. Впрочем, далее он перечисляет количество проходящих судов и грузов, из которых только 20 процентов (1 миллион пудов) российских и четверо больше иностранных. Да, было отчего запить.

Через пару дней, когда на мелководье среди десятков мертвых горбчатых рыбин возник стройный силуэт нашего надувного «Охотска», нас посетил представитель капитана порта.

— Как у вас с разрешением на выход? — осведомился гость, мельком оглядывая нашу восьмиметровую надувнушку.

— Ждем наряд с пограничного КПП, добро из Владивостока получено.

— Однако, судовую роль покажите, — в узких прорезях глаз сверкнули коварные искорки.

— Так ведь не судно у нас, — резко отшучивается Анатолий. — Нет у нас водоизмещения, один воздух. Палубы, трюма и дымовой трубы...

— Вижу, что ничего нет. — Проверяющий шутки не подержал. — Где огнетушители, где спасательные плоты, где...

— Так все сооружение — сплошной спасательный плот...

— Короче, добро на выход вы не получите, — гость собрался уходить.

— А если мы спустим воздух, погрузим корабль на телегу и пойдем вдоль берега, вы понимаете?..

— Где вы телегу и лошадь найдете? — Проверяющий расслабился, улыбнулся и вдруг махнул на нас неопределенно, мол, сгиньте, и отправился воясы.

Солнце припекало, но за сопками за правым берегом Амура клубились на большой высоте белесые зловещие рогульки — признаки тайфуна, уже захлестнувшего потоками ливней Владивосток.

— Ну если погранцы не появятся, как обещали, снимаемся и уходим.

Теперь уже почти зловеще и с нетерпением мы топчемся среди бревен лесопилки, с надеждой поглядывая на тропу в камышовых зарослях, окаймляющих «крейсер». Только через час на ней возникла легкая и стройная фигура человека в зеленой фуражке. Александр Черенков, капитан, оказался любезным и обходительным офицером и неплохим собеседником. То, что мы выходим в море в ранге надувного матраца, а не судна, его как будто позабавило.

— Я в курсе, — просто сказал Александр и щедро украсил зеленым штемпелем «ОТХОД» не только нашу «бумагу», но и несколько памятных вымпелов. Мы обмякли, стравив «пар» от предыдущего визитера, и бросились поднимать грот. Анатолий занимает место на руле, Володя в носу на кливер-шкотках, а я едва успеваю запрыгнуть на бортовую гондолу нашего корабля, тут же подхваченного свежим нордом, тянущимся к центру далекого тайфуна.

Ровно сто лет назад в такой же теплый июльский вечер Антон Павлович Чехов, отчаявшись найти ночлег на берегу, на гиллячковой лодке добрался к стоящему на рейде пароходу. Позднее на нем он отправился в свое знаменитое путешествие в поисках «прочих физиономий» острова Сахалин. Нам тоже перед дальней дорогой пришлось стать на якорь у обрывистого правого берега. Высаживаться мы не рискнули. Тысячи погибших рыбин сплошь устилали пляж. Другие в садинах и даже с вырванными боками завершали таинственный обряд гибели ради жизни выметанных где-то выше по течению икринок. Впрочем, среди рыбин были и «серебрянки», набитые золотистой икрой, но тоже обреченные на гибель. Неудомие по поводу этой «свежей, но неживой» рыбы рассеял еще в первый день пребывания тут какой-то бич, появившийся в нашем лагере среди раскиданного на бревнах багажа.

Основания для такой встречи были налицо. Дело в том, что еще за месяц до путешествия я и Анатолий перестали бриться. Теперь вместе с Володей — красивым рыжебородым варягом — мы являли занятное зрелище и притягивали контингент людей, жадно ищущих общения и выпивки. Бич держал в руках две роскошные горбуши и из разноцветья растительности на наших лицах выбрал седину.

— Эй, борода, — шагнул он в мою сторону, — держи рыбу.

— Спасибо, мы только что отобедали, — отмахнулся я от доброхота, — вон ее сколько, — добавив я, показывая на ворочающихся «пьяных» рыбин в мутной воде.

— Так та отравлена, не гляди, что «серебрянка». — Бич назвался Сашей и приступил к длительной осаде. Он пояснил, что в сезон нереста крупные заводы, каких в городе «комсомольской юности» навалом, потихоньку сбрасывают всякую химию и травят рыбу. После такого разъяснения можно было не сомневаться, что Саша и

нам предлагал на дегустацию выловленные руками экземпляры «свежей, но неживой» рыбы. Забегая вперед, добавлю, что до самого устья и даже в лимане нам попадались странные спутники, прятавшиеся в тени нашего мелко сидящего судна. Одуревшие скитальцы, видимо, с нарочью атрофированным нюхом, они словно бы спрашивали у нас: «Люди добрые, где тут Амур, куда нам на нерест идти, не подскажите?..»

Сооружение, именуемое тримараном «Охотск», демонстрировали мне, «главному штурману», еще в Воронеже. «Капитан» Анатолий и «главный матрос» Володя катали меня по глади водохранилища, показывая мореходность конструкции. «Смотр» этот не я учинил. Мы решили коллегиально прийти к единому мнению: годится или не годится для Охотского моря плавсредство, от которого Морской регистр воротит нос, называя надувные суда в лучшем случае «спасательными плавсредствами». Тримаран, впрочем, прошел морское крещение еще на Белом море, где ребята ходили... по следам моих гребных маршрутов на «пелле-фиорд» — пластиковой лодке ленинградского завода «Пелла», для которой я моделировал древние пути мореходов вдоль Поморского берега.

Но... Что греха таить. Каждый из нас в душе давно решил: на Охотское море любой ценой. И потому, поглядывая на воронежское небо в поисках какого-нибудь шквала, имитирующего суровые условия океанского плавания, мы подхваливали детали корабля, его оснастку и всякие мелочи быта; например, бачки для пищи из нержавеющей стали с уникальной системой автономного кипячения воды с помощью миниатюрной паяльной лампы с противоветровым экраном.

Непогоду тайфуна переждали в ивовых зарослях в низовьях Амра. Паяльная лампа чихала, плелась бензином, дымилась и лишь иногда благородно шипела синим огнем, но вода для чая никак не закипала. Так на сильном ветру коротали недолгую ночь. Наутро, дождавшись попутного ветра, незаметно вышли в лиман.

— Ну куда тебя понесло? Ну подбери наветренный конец, обтяни нижнюю шкаторину. Ну зачем оба конца стравил, видишь же, полощет парус? — Капитан резко толкает штангу руля в мою сторону.

Судно пересекает линию ветра, и, пока Анатолий корит Володю, гик грота — увесистая дюралевая труба — норвит снести мне голову. Я слетаю со своего насеста — ящика с продуктами — и падаю на колени в позе молящегося бедуина. Замечу, что во время капитанского монолога от Володи — ни слова.

— Ну видишь теперь, что ты наделал, — уже кричит капитан. — Да встань же, Василий!

— Это ты мне? — Я за судором в карман не лезу. Но тут же судорожно замечая, как из шланга подкачки сред-

него (главного!) баллона хлещет воздух, а непривязанная пробка закатилась в щель между досками кормового настила. Перегибаю трубу, выковыриваю пробку.

— Могли бы и привязать пробку, — ворчу я.

— Не забывай, что насос у нас дырявый. Видишь, ход потеряли. — Теперь я молчу и замечаю, как приспущенный баллон судорожно изгибается от сильного попутного ветра...

Внезапно лицо Анатолия проясняется. Он знаком командует «держи руль» и ложится на настил, прикиная ртом к злополучной трубе. Я поглядываю на карту в пластиковом мешочке и содрогаюсь: корабль наш давно прет километров 10 в час по суше, будь сейчас не полная вода. На рулях повисают длинные плети капусты, что говорит о том, что плавать на таком судне можно где угодно.

Горизонт на глазах расширяется, фарватер маячит уже далеко в открытой части лимана. Мы несемся в недоступной для обычных судов прибрежной зоне. Время близится к тому, чтобы пообедать. Мне как штурману, добровольно принявшему на себя обязанности кока, очень удобно совмещать эти обязанности. Достая карту, режу лоцию и предлагаю капитану вариант. Сегодня капитан отмахивается от высадки для обеда: пока попутный ветер и еще прилив — надо проскочить прибрежную отмель. Я продолжаю рассматривать карту. За десятки лет штурманской работы, как правило, по обозначениям на карте уже представляешь, что там на берегу. Вот и сейчас прямо на носу остров Байдукова. На близнем к нам мысу обозначены поселок Байдуково и радиомаяк. К попутному ветру добавилось отливное течение, и остров немолимо приближается. Какие-то циклопические сооружения и полное безлюдье. Высаживаемся и полчаса бродим в поисках живой души. Наконец из домика метеостанции выходят двое.

— Весь персонал и есть, — подтверждает начальник морской станции «Байдуков» Виктор Печников. — Вот я да наш наблюдатель Федор Степанов. — Федор щурит узкие глаза. Далее следует прогулка к гигантской заброшенной стройке рыбозавода.

— Понавели, понаехали... Бетонных чанов понастроили, электростанцию пустили, а потом вдруг все исчезло. И поселка нет, так, две семьи рыбачат, перебиваются кое-как...

В полном противоречии с картой издания 1988 года нет и радиомаяка. Виктор поясняет, показывая на бело-черную башню маяка Менков.

— Туда переводят радиомаяк, а пока он молчит.

Все здесь смешалось: и сведения с карты, и ржавые генераторы, и новые имена эпохи великих перелетов. Виктор и Федор уже не помнят, что прежде их остров носил гилляцкое название Лангр (нерпа). Теперь у самого берега словно бы в память о большой нерпе

остался непереименованным остров Малый Лангр. Впрочем, постановлением ЦИК в 1936 году еще два глянцевых названия исчезли с карт. Остров Удд стал Чкаловым, а крошечный Кевос — Белжковым. Так была отмечена удачная посадка чкаловского экипажа после перелета из Москвы. Нам не суждено было увидеть вблизи обелиск на месте посадки. Началась гонка.

— Такого ветра, может быть, никогда не будет, надо спешить. — Анатолий не подозревает, что его пророческое ворчанье сбудется.

А пока прощаемся с бывшим поселком. Отлив и ветер с юга подхватывают наш корабль и несут на северо-запад вдоль островов залива Счастья и Петровской косы. Карта пестрит уже названиями, которые оставил потомкам неугомонный Невельской. История освоения западной части Охотского моря связана с именами людей, которые оказывали поддержку замечательному исследователю. Долго еще по левому борту в густой зелени хвои не исчезает башня Меншикова маяка в честь адмирала, князя, начальника Главного морского штаба Александра Сергеевича Меншикова, внука генералиссимуса и сподвижника Петра I... В честь самого Петра названа коса, мимо которой мы теперь несемся.

Как-то сами собой продолжают юбилеи. Ровно 140 лет назад сюда, в невзрачный пролив между песчаными косами, прибыл Г.И. Невельской на транспорте «Охотск». Впору салютовать в честь основанного здесь первого поселения россиян — на берегу залива, названного Счастьем. Название не случайно: здесь впервые поселилась русская семья. Сопратник Невельского — штурман Дмитрий Иванович Орлов, его жена Харитина Михайловна и дочь Саша. Через год на песках поселка Петровского появился еще один домик. Сам Невельской поселился в нем вместе с юной дочерью иркутского губернатора — своей женой Екатериной Ивановной. Кажется, ничего с тех пор не изменилось, разве что поселок давно заброшен, а на рейде перед ним не стоят гамбургские и американские китобойцы. Море это за последние полтора столетия стало заметно пустынее...

Пожалуй, прав наш капитан — такого явного благополучия нам не видать. Попутные ветер и течение, а волны никакой — прикрывает с берега. Теперь полным ходом наш «Охотск» несется по Охотскому же морю. Я приглядываюсь к берегу в поисках места для первой морской стоянки. Увы, эйфории беззаботного полета над не слишком высокими волнами пришел конец.

К вечеру, когда стих ветер, а течение сменилось на противоположное, мы пристали к берегу. Высокая, шумящая прибоем галечная коса в отлив выглядит почти неприступной. Но и стоять в полосе прибоя невозможно: нещадно бьет о камни

баллоны. И выгрести против течения невозможно. Около получаса уговариваю капитана «бурлачить», памятуя мой предыдущий опыт. Не о таком движении мечтал Анатолий Акиншин. Ему чудились свежие попутные ветры... Впряглись в лямки, бечеву завели на нос и корму, создали угол атаки, и наш пеший бег по пляжу легко передается кораблю, скользящему параллельно берегу метрах в пятнадцати.

Темнота, дождь, начавшийся прилив. Я кашеварю у огромного костра за линией прилива, ребята несут вахту, спасая от ударов корабль. Укрывшись парусом, наскоро съедаем мой фирменный ужин: 2 литра воды, кружка риса плюс пакет любого супа плюс банка тушенки. Двадцать пять минут кипения. Ребята падают от усталости и решают увести тримаран прочь от линии прибоя, на якорную стоянку. Я прячусь под навес из стакселя, растянутого на бревнах плавника, поворачиваю спину к живительному теплу нодья. Нодья — это негасимый в любой дождь костер из трех параллельно уложенных огромных бревен: два рядком с просветом, сверху третье. Наутро готовлю горячий кофе. Вымотанные качкой аргонавты греются у костра, наблюдая, как после противного дождя вываливается из воды горячий шар светила. Я поздравляю всех с океанским крещением и докладываю печальные итоги: за четверо суток всего 150 километров. Боже правый, а мы планировали в сутки не менее 100...

Еще три дня унизительной ловли ветра, и наш «счетчик» показывает всего 225 километров. Гостеприимные хозяева морской станции на мысе Литке Юрий Степанович Пай и его жена угощают нас только что отловленной на отмели камбалой. Стоит поразительно курортная погода. Живописный, весь в гранитных замках островок Коврижка, несущаяся между ним и берегом хрустальная вода, играющие на камнях отмели нерпы, отливающая янтарем рябиновая гроздь под окнами метеостанции и слепящее солнце над взмывшими ввысь темно-зелеными сопками. Никакого желания куда-то идти. И только призрак Шантар, который мы уже высматриваем по утрам в прозрачном воздухе, гонит нас вперед. Бегом к отмели, где вот-вот осохнет на малой воде наш «Охотск», и тогда дожидайся прилива долгие 12 часов. Без сапог несемся мы вперед. Коврижка уже не гипнотизирует нас.

— Кливер, стаксель и грот к постановке, — командует Анатолий. — Володя, ну куда ты засунул спинaker, смотри, кажется, ветер попутный!

А я шепчу про себя писанные в детский альбом, похоже на заклинание строки: «Надежда — это смерть, жизнь — игралище темных сил». Кажется, Гофман...

Уникальной особенностью Охотского моря и особенно этой его час-

ти являются приливные явления. Мало того, что высота их достигает семи метров, главное — это течения, имеющие суточный, полусуточный и смешанный характер. Без таблиц разобраться в этом хаосе было бы невозможно. Но это не все. Удивление вызывают впадающие в море реки. Устья их, как правило, постоянно замываются прибоем. Устье «гуляет», и вообще река иногда течет вдоль галечной косы, сочится через этот естественный фильтр и устья вообще не имеет. Сколько ни вглядывайся в намытые гребни гальки, обнаружить устье можно лишь в половодье. Впрочем, очень крупные реки все же имеют открытый выход, но и он располагается под очень острым углом к береговой линии и, случается, его опять же с моря не различить. Оттого поиски воды пресной в этих хаосах не такая уж простая задача. В реке даже далеко от устья во время прилива вода вообще соленая, ждать полного отлива совсем не резон, особенно при суточной периодичности приливов. Потому, однажды заправившись водой из какого-то ручья еще в лимане, мы пользуемся старым запасом. Но однажды после спуска на воду нас накрыл вал прибоя и добавил толлику соли в наш привязанный к мачте мешок. Пусть не покажется странным, что случилось это не в шторм. Дело в том, что при полном штиле на море у берега, прибой позволяет заниматься серфингом. Так что при высадке на берег или при спуске сухими мы не остаемся. Кажется, зачем каждый вечер выбираться на крутой галечный пляж, не проще ли остаться на якоре? Не проще, потому что у берега прибой и отдыха не получается. Подбрасывает, как на батуте. Стать на якорь подалеже от берега не позволяет слишком большая глубина. Потому сначала мы по наивности искали те самые реки, чтобы укрываться в них на ночь от шумливого и заливающего все прибоя. Потом, когда воочию увидели перекрытые галечными наносами устья, мы уже не носились с этой идеей и терпеливо толкали свой корабль на ночлег повыше линии полной воды...

Так вот о воде, о пресной воде. Беру с собой топор, рубаху от жгучего солнца и рюкзак с пластиковым мешком. О месте встречи не договариваемся. Скорость нашего фрегата падает с каждым днем. Похоже, безветрие становится нашей бедой, а с учетом постоянного встречного течения надо заботиться о том, чтобы не понесло в обратную сторону. Итак, я иду в поисках ключа, который бы падал с крутого берега и нес бы пресную воду, а ребята ловят бриз. Он-то бывает кое-какой до полудня. Я оглядываюсь. Корабль одевается полным комплексом парусов и пытается уйти мористее.

Километров через десять я нахожу искомый ключ, наливаюсь водой и от нечего делать осматриваю бро-

шенный поселок. Еще не попадали кресты и пирамидки на могилах, прошло всего лишь 10—15 лет безвременья. Каково им, усопшим, под заброшенными холмами, на которые уже никто не принесет цветов? Мне всегда, с самого раннего детства, казалось, что человеческая жизнь состоит из одних хождений на «могилки». Сначала к бабушке или дедушке, теперь я неотступно с каким-то особым смыслом хожу почитать память своих родителей. И чувство прочности рушится, потому что впереди из близких уже никого. И хорошо, если за тобой тянется хвост из детей и внуков, а рядом, крепко взявшись за руки, бредут друзья. Вроде бы ты еще флагман, ведешь за собой эскадру, но носовой прожектор уже не горит, некому подсвечивать тернистый путь к невидимому обрыву... Так сколько же таких брошенных кладбищ, сколько тысяч нравственных обрывов в этом краю? Это не взгорок на Русской равнине, где есть дороги и бегают поезда... Тут на горизонте изо дня в день ни дымка, ни пятнышка лодки или паруса. Только где-то в поднебесной выси рисуют иксы и игреки инверсионные следы невидимые самолеты.

— Ну как водица? — Анатолий вместо руля держит весло, сидя на капитанском ящике, который для симметрии появился с тех пор, как на метеостанции «Литке» мы запаслись дополнительным харчем на случай, если нас, обездвиженных, просто унесет прочь в открытое море, в Тихий океан.

— А как гребля? — парирую я свой невольный прогул и заранее знаю, что завожу никчемный разговор. После могучей гребной системы на моих прежних лодках эта гребля по типу каноэ — пустая трата времени. К тому же авторское самолубие... Кто им не страдает, когда обнаруживается просчет! Ребята заметно устали, и чувствуется, что они жалеют, что ходили «за ветром» так далеко от берега. Анатолий, однако, напоминает и мои просчеты.

— А где же обещанный ветровой мост между Гонолулу и сибирским минимумом? — напоминает он мои метеорологические прогнозы на свежие ветры. Мне крыть нечем. Я прыгаю на скисший баллон и уже не предлагаю бурлачить. Все равно этот вид движения ребятам не по душе. Анатолий с Володей постарались оборудовать тримаран столь совершенной системой шверцев, что было возможно, пустившись в лавировку, двигаться вперед при любом ветре. Но где этот ветер?

Весь этот разговор теперь мною начат неспроста: я готовлю себя и читателя к одному дню нашего плавания — ровно через две недели после старта. Но до этого дня еще далеко. Я перечитываю дневник и выбираю из него самое существенное...

24 июля. Весь день встречный ветер. Штормовой прибор загнал на самую вершину галечной косы, где тянется капустный след максимального прилива. Любуемся замытым устьем реки Большие Вилки. В прозрачном бассейне мечется горбуша, а за перемычкой из камней в беснующемся приборе готовы прыгать в этот бассейн гонимые инстинктом скитальцы-самцы. Как говорили встреченные раньше рыбаки, это и происходит в большой прилив. Запах родной реки, проливающейся сквозь камни, зовет всех, кто когда-то родился здесь. Трагедия, что разыгрывается на наших глазах, неумолимо завершится развязкой: либо гибелью на этой перемычке, либо счастливым нерестом и гибелью у колыбели новой жизни где-то выше по течению этой речки.

25 июля. Вышли в 6 утра под слабый попутный ветер. Потом штиль, зыбь с норд-веста и адова работа веслами, чтоб вырваться из каменного мешка у мыса Мофета. Воистину карта — увлекательная книга. Это место положено на карту в 1849 году моряками транспорта «Байкал» под командой Невельского. Но почему полуостров, гора, мыс и причудливый кекур названы одним и тем же именем? Если верить книге Бориса Масленикова «Морская карта рассказывает» — в честь адмирала Самуила Ивановича Мофета. Официальный «Справочник по истории географических названий на побережье СССР» трактует топонимический квартет в пользу мичмана русского корвета «Гридень» Р.С.Мофета (сына адмирала), «предательски убитого японцами 13 августа 1859 года в Иеддо (ныне Токио)». Чем не сюжет для расследования?

Да, место и впрямь мрачное. Отвесно уходят в воду обрывистые берега, и никаких шансов на ночевку. Уже в темноте, обогнув опасный кекур Мофета, мы «вышли за майора». Это шутивное выражение бытовало у поморов. Если удалось в шторм найти место, где высадка прошла удачно, кричали поморы «майор, майор». Слово из латыни, означавшее главный, старший, как бы венчал финал нешуточной операции выброса на берег: «главное — выжить, остальное приложится». Так я перевожу это «выйти за майора», вычитанное мной в «Собрании особых поморских слов» из далекого 1846 года...

27 июля. Бухта Рейнеке, где мы провели весь вчерашний день, «зализывая раны», запомнится мне как капустная житница. Пусть читатель не думает, что морская капуста в баночках из магазина и та, что готовил я для экипажа нашего корабля, чем-то похожи. Какось, сам покупал баночную, ел с удовольствием, а теперь утверждаю, что так переводить дары моря можем только мы. Между прочим, замечу, капустный бизнес в истории освоения Приморья занимает не самое по-

следнее место. На экспорте капусты в Китай и Японию 100 лет назад процветала не одна фирма во Владивостоке.

В 9 утра, так и не сбросив всей капусты, какую кинула на нас приборная волна во время спуска, мы вырвались на штормовой простор бухты. Да, именно так. Сильнейший стоковый шквал с берега несет нас к мысу Александра. За ним начинаются пределы желанного нам Шантарского моря.

Уговариваю капитана пристать к берегу под мысом, переждать сильное встречное течение от начавшего отлива.

— Смотри, какой ветер! Обогнем мыс, там и отстоимся. — Анатолий отмахивается от моих штурманских премудростей.

Когда наступил момент поворота в пролив между мысом Александра и островом Рейнеке, ветер пропал. Нет, это не галлюцинация, ибо тут же, отброшенные назад, мы снова оказались в кипящей от ветра круговерти волн. Паруса наполняются, и желанный бурун за кормой вызывает победный крик капитана: «Вот видишь! Сейчас уйдем мористее, обогнем остров и выйдем в Шантарское море...»

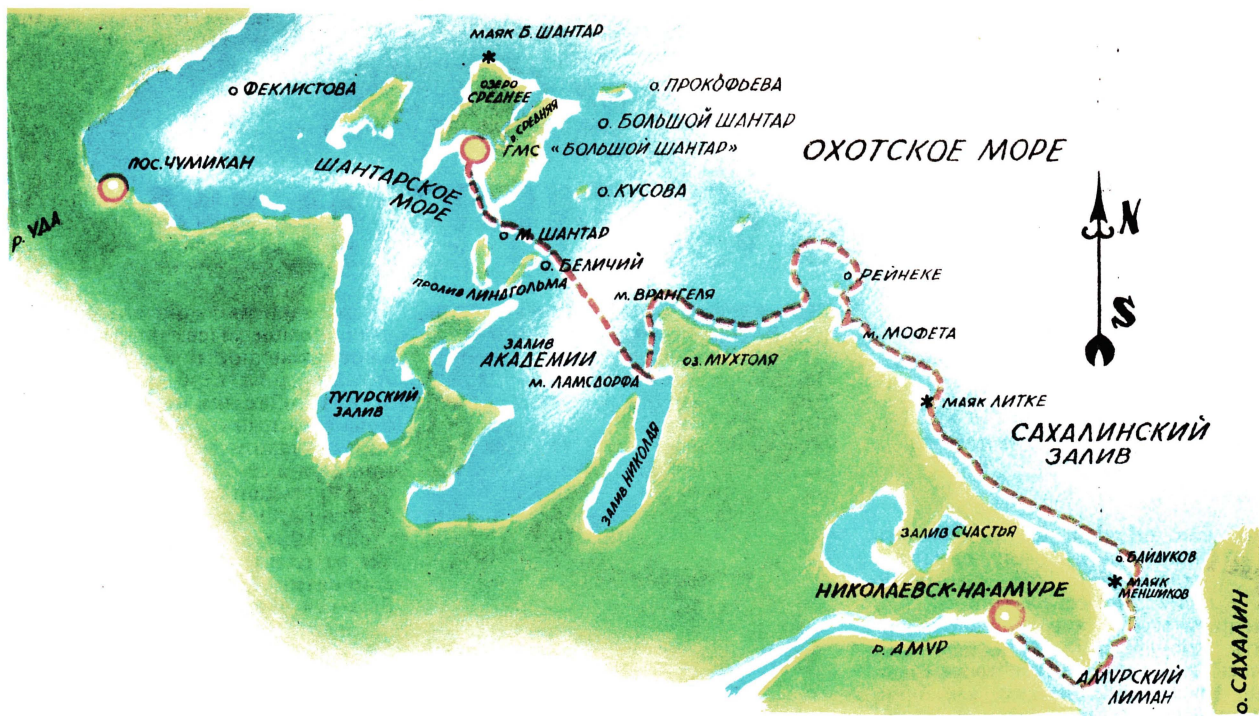
Обогнув остров Рейнеке, мы долго просчитывали варианты дальнейшего плавания. Перед нами красочное зрелище. Сцена поделена на две равные части, разделенные линией горизонта. Ниже ее с некоторыми деталями мы увидим угромый остров Меншикова, открытый как раз моряками с брига «Охотск», плававшего здесь в 1847 году. За ним в какой-то сотне километров от нас отчетливо парит остров Большой Шантар, наконец-то видимый благодаря рефракции в точном соответствии с рисунком в лоции.

— Нас несет, — вдруг кричит «главный матрос».

Мы отрываемся от карты и видим, как причудливые неприступные скалы Рейнеке стали намного дальше. Ветра как не бывало. Мечта бежать напрямую к Шантарам теперь уже кажется обычной авантюрой: течение уносит нас прочь от цели, в самый центр Охотского моря.

— За весла, — бросает клич капитан и передает мне руль, подозревая, что мое неприятие стила каноэ сейчас как никогда вредно.

Часов через 10, к полуночи, мы выгребли-таки к берегу в урочище Каменный Шпиль, но, получив хороший удар с порцией воды в наш «кубрик», высаживаться передумали. В темной ветреной ночи для нас единственным ориентиром служил шум прибора. Утром, когда горячие струи с берега угомонились и вместо хвойного аромата мы уловили йодистые испарения заваленного капустой пляжа, выяснилось, что Каменный Шпиль, украшенный стометровым водопадом, все еще никуда не делся. Сзифов труд, иллюзия движения по бегущей навстречу во-

Переход тримарана «Охотск» по маршруту Николаевск-на-Амуре — Шантарское море.

де. Похоже, даже хороший ветер поможет нам в лучшем случае удерживаться на месте. Скорость приливотливных течений в Шантарском море достигает 8 узлов. Эти 15 километров в час не по плечу тримарану, развивающему в пятибалльный ветер в лучшем случае 10... После бессонной ночи съедаем холодный завтрак: банка тушенки, салат из морской капусты, холодная вода с растворимым кофе. Солнце пригревает, штиль. Встречное течение сменилось попутным, и мы получаем утешительное топтание на месте. Перспектива движения на веслах не годится. Бурлачить у отвесного, заливаемого приливом берега, нереально. Либо назад, либо...

— Ты помнишь эту поморскую молитву, — Володя не так часто подает голос.

Я выбираюсь из-под тента. Горячее солнце заливает безлюдный горизонт. Ближайшее жилье впереди — Шантары, позади мыс Литке. В самом деле, положение похоже на штиль в Белом море, где терпеливые поморы зывали к Николаю-угоднику, своему покровителю, с просьбами о ветре.

— Нет, точный текст не помню. — Да и это не обязательно. Уже как заправский богослов я просвещаю Володю, что главное в молитве не слова, а вера... Нам всем нужна вера в то, что желаемое избавление придет.

— От течения не избавит нас никто, ни Бог, ни... — Анатолий умоляет на полуслове. Позади над дале-

ким уже островом Рейнеке в небе висит какая-то странная темная полоса.

— Что это? — Капитан дает мне бинокль. Я рассматриваю нечистое небо над островом и ничего не понимаю. Горизонт слева и справа от острова чист.

— Вот вспомнил, — Володя с интересом прислушивается к моему бормотанию. — В случае наших... бедствий и несчастий, пошли, Господи, своего Святителя и скорого помощника Николая Чудотворца на избавление... Нет, не помню точно.

— Хватит и этого, — ворчит Анатолий. — Не хватает нам еще кадила, на, посмотри еще раз... Боже правый, — это уже про себя от удивления. Темная полоса в небе оказалась столбом дыма из какого-то крошечного буксира. Даже в бинокль не различить деталей, но движок там явно не в порядке. Так я думаю, а Володя уже восклицает:

— Ура! Помогло.

— Ты же не молился, — обрывает его капитан.

— Я верил. — Володя скромно возражает и зачем-то принимается натягивать сапоги.

— Думаешь, подойдет или... — Анатолий подает мне так и не испытанную ракетницу.

— Конечно, не сомневайся. Представь, что в этом мрачном углу никто по своей воле, вот как мы, не прохладается. Разве не любопытно, имея исправно дымящий движок, узнать, что за одинокий парус белеет при полном безветрии? И потом, Акиншин-сан (так его величают коллеги по работе из Японии), не забывай, что все плавающие здесь — внештатные погра-

ничники. Ей-богу, нам не хватает красного солнышка на белом парусе. Вот тогда уж точно мимо не пройдут.

— Ну, посмотрим. — Анатолий как бы устраняется от спора и передает мне полномочия. Суденышко, посланное нам «скорым помощником», оказывается сейнером из Николаевска-на-Амуре. Некто в велюровой шляпе стоит на палубе у среза кормового трюма. Сейнер не только чадит, но и грохочет. Да это капитан! Я не потерял нюха, чтобы не отличить от прочих такую фигуру. Приветствую поднятой рукой, второй показываю конец капронового троса. Человека в шляпе кивает.

— Подгребаем к корме. — Настал черед и мне покомандовать.

Потягиваемся, я прыгаю за борт, закрепляю наш буксирный трос. Капитан дает знак кому-то на мостик. Из трубы выкидывается шапка дыма, и бурун за кормой отбрасывает тримаран на всю длину буксирного конца.

В ходовой рубке я травлю капитану Вадиму Николаевичу Зайцеву про нашу молитву. Капитан смеется.

— Вы видели наш флаг?

— Так, обрывок же какой-то...

— Ну и я говорю, а вот мой старпом утверждает: менять флаг во время кампании — дурной знак. Считайте, вера в предрассудки и божий промысел где-то пересекаются. Без двигателя здесь делать нечего, а если уж парусник, то такой, который с течением справится... А на Шантарах мы будем завтра.

Окончание следует

В.ОРЛОВ,
спец. корр. «Вокруг света»
Фото автора

УМКА- ЗВЕРЬ СВИРЕПЫЙ

В Арктике стояла полярная ночь, оставалось несколько дней до встречи Нового года. Вот почему так спешил сюда наш Ан-74, он вез группу артистов и журналистов. Мы летели из Москвы.

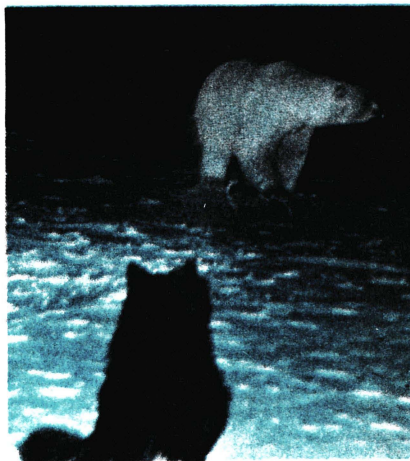
Рейс обещал быть веселым, планы большими; поначалу было именно так. Но — непогода! Разбесновавшиеся над континентом циклоны заставили уважить старушку-стихию, и нам пришлось приземлиться на острове Средний. Крохотном, плоском, как блин, островке архипелага Северной Земли.

Крепчайший мороз с ветром сразу заставил заплескаться и артистов, и журналистов. Спрятаться было некуда. А тут еще грозное предупреждение: от самолета далеко не отходить. Опасно, могут быть медведи! — Белые медведи? Милые умки, разве они могут быть опасными? — на полном серьезе спросила одна артистка, должно быть, знавшая этих зверей по мультфильмам.

— Вполне, — ответил авиамеханик с заиндевелой бородой. — Не так давно тут погиб у нас один. Медведь ему весь живот выел.

— Что за дикий бандитизм, — вскричал громко, как и полагается юмористам, Михаил Жванецкий. — Нет, живот не отдам. Скорее в машину. Братцы, крепче держите свои животы.

Но шутки на этот раз не получились. Как раз до вылета редактор вручил мне газету: «Читай, опять твои любимые!» Белый медведь, рассказывалось в газете, гонялся за рыбаками на Чукотке. Лез через окно в дом, не обращал внимания на выстрелы и крики. Заканчивалась статья примерно так: «В связи с тем, что случаи разбойного поведения владык Арктики участились, нужно что-то предпринимать». Каюсь, был за мной грех, ратовал я за спасение белых медведей. Проведя несколько самых лучших своих лет в Заполярье, на отдаленных высокоширотных островах, проникся я особым чувством любви к необычной северной природе. Где только мог — на страницах печати, на выступлениях во время устных выпусков журнала — призывал спасать занесенного на страницы Красной книги белого реликта Севера. Нельзя допустить, повторял я вслед за учеными, чтобы

белый медведь был уничтожен в угоду кучке любителей устилать полы своих квартир медвежьими шкурами. «Не стрелять!» — искренне призывал я всех жителей Арктики. А что же мне сказать им теперь?..

— Где, когда? — настороженно переспросил я механика, едва мы вошли в гостиницу аэропорта. Надо сказать, что гостиница, как и весь этот остров, является своего рода перевалочной базой для многих экспедиций, так что все новости стекаются только сюда, отсюда они и разносятся.

— На острове Голомянный все это произошло. Тут неподалеку, километров восемнадцать. Медведя-то вроде там видели утром. Стрелять нельзя, штраф семьсот рублей. Но медведь не просто ходил, он выслеживал! Да потом и напал! И что, интересно получается, — повернул авиамеханик, — решив, раз уж собралась пресса, до конца высказаться. — За убийство медведя, значит, семьсот рублей. А родственникам погибшего компенсация — пятьсот! Жизнь человеческая у нас, выходит, дешевле медвежьей.

Эта тема очень взволновала нашу группу, но вдаваться в дебаты я не стал, предоставив такую возможность журналистам иного профиля. Отыскав себе попутчика в лице представителя полярных станций, сопровождавшего артистов, я уговорил его выпросить ненадолго вездеход, и вскоре мы, валясь, как пьяные, со скамеек на ухабах, катили в замороженном кузове этой адски грохочущей машины на остров Голомянный.

Крестником этого острова — по-

русски имя его будет «Мористый» — стал помор, азартный охотник и каюр экспедиции Ушакова Сергей Журавлев. Четверо участников этой экспедиции были первыми людьми, побывавшими на Северной Земле. Они поставили дом на островке Домашний, а на Голомянном соорудили небольшой скрадок для охоты на белых медведей.

«Впервые в истории географии, — так отметил особенность этого мероприятия впоследствии академик Евгений Федоров, — часть расходов на экспедицию ее начальник собирался покрыть, и действительно покрыл, не за счет будущих публикаций — такое бывало и раньше, — а за счет медвежьих шкур».

Да, было в Арктике время, когда охота на белых медведей не каралась штрафом. Отправляясь в экспедицию, Ушаков взял обязательство вернуть за полученную им меховую одежду 100 медвежьих шкур. Сняв четверку ушаковцев с острова Домашний, пароход «Русанов» в тот же год открыл в проливе Вилькицкого еще одну полярную станцию на мысу Челюскин. Через год зимовщики докладывали об успехах. Помимо всего прочего, там было добыто 52 белых медведя. Так собирали урожай с осваиваемых земель. И так было всюду. Казалось, животный мир полярных областей неисчерпаем.

Где-то в конце 30-х годов наше правительство запретило стрелять белых медведей с судов. Охота с судов, конечно же, была не менее аморальна, чем, скажем, истребление бизонов в Америке, и с нею надо было кончать. А на полярных станциях тем временем палили по каждому подошедшему к дому зверю. Прибыв работать радистом в середине 50-х годов на полярную станцию «Мыс Желания», я застал медвежьих шкуры на вешалах, и меня, начитавшегося приключенческой литературы и мечтавшего встретиться со страшным зверем один на один, успокоили: «Без шкуры не уедешь. И не надо искать с медведем для этого встречи. Сам придет. Твое дело только увидеть. Стрелки найдутся». Есть, мол, у нас такие. И одним из таких стрелков, не стану называть фамилии, был приехавший на практику молодой географ, ныне преподаватель университета, также ратующий за сохранение природы. Не стану скрывать, подсократил численность белых медведей и я. Но не так-то легко оказалось это сделать. В то

зремя я экологией не интересовался, в школе учили любить нашу Родину да ненавидеть врагов, внутренних и внешних, поэтому вполне понятно, что я ничего не знал о том, что ученые уже забили тревогу. Состоялось международное совещание, где заявили, что зверей на всех просторах Арктики не более 10—12 тысяч и что если и дальше так пойдет, белые медведи исчезнут, как бескрылые гагарки, дронты и странствующие голуби.

Я же в бессилии только кусал губы, не понимая, что происходит. Минул год, как я жил на самом северном мысу Новой Земли, где когда-то встречалось медведей видимо-невидимо, а я так ни единого не видел. И был бы я таким полярником, которому и из дома-то выйти не хотелось. Но я их искал — в пургу и мороз носился по окрестным бухтам, рискуя утонуть, пробирался к открывшимся полыньям. Не было медведей! Далеко стороной обходили они мыс и домики станции. Будто сработал у них в мозгу какой-то механизм спасения. Звери начали остерегаться людей. Раза два мне довелось все-таки увидеть, в какой панике они убегали, издали заметив человека. Может, и угомонился бы я вскоре, перестал мечтать о медвежьей шкуре, если бы в один из своих бесцельных походов не взял истосковавшихся у домов собак.

Они отыскивали под вечер медведя в дальней бухте. И вместо того чтобы уплыть — море было рядом, — медведь стал уходить от них ко мне. Пятнадцать шагов между нами оставалось, когда я, не зная, пронесет ли его нелегкая мимо, вынужден был нажать на курок. После второго выстрела зверь рухнул на гальку. «Вот, оказывается, и весь героизм в этой охоте», — подумалось. Нет зверя сильнее пули. Принявшись за разделку, я с удивлением убедился, что зверь — медведица с обнаженными сосками. Быстро наступившая ночь не позволила мне закончить дело, а вернувшись сюда через пару дней, я узнал причину столь необычного агрессивного поведения медведицы. У медвежьей туши сидели два довольно крупных уже медвежонка. Она вводила собак от них. Видимо, и меня решила прогнать из бухты. Нескладно как-то все получилось.

Медвежата со мной знакомиться не пожелали. Уплыли в море. Поймать их не было возможности, да и не довел бы их никогда до полярной станции. Уже взрослые были звери. Дал себе клятву никогда больше не поднимать ружья на белых медведей.

Медвежата, оставшись одни, принялись за тушу. К наступлению полярной ночи они съели ее всю до хребта. Потом, строго следуя по моим следам, прошлись по всем моим привадам, сожрав все мясо, приготовленное для песцов. А потом пропали. Уцелели ли? Сумели ли пережить зиму?..

Притащив на своих плечах из дальней бухты медвежью шкуру, я узнал, что наконец-то вступил в силу закон, запрещающий охоту на белых медведей. На все полярные станции была разослана циркулярная телеграмма, и в тот вечер начальник приколдовал ее кнопкой на доску объявлений. Мне было предложено писать объяснительную записку.

Наверное, я бы мог быть первым оштрафованным по этому закону на две тысячи рублей. Сумма для того времени, надо сказать, немалая. Два

дня начальник хранил значительную мину, со мной не разговаривал. А потом пригласил в свой кабинет, разлил бутылку портвейна по чайным чашкам. Когда выпили, сказал: если я еще хоть одного медведя...

Несколько раз после этого я встречал во льдах медведей, и всякий раз зверь бежал от меня со всех ног. Многие километры затем, бывая уже в различных уголках Арктики, прошел я в различные годы в одиночку по ее пустынным берегам, торосистым льдам, вместо ружья имея охот-

ничий нож, а то и вовсе с одним лишь фотоаппаратом. Верилось мне, что медведь, не тронь его, никогда не нападет. Побойтся человека, уйдет. Теперь-то я знаю, что мне здорово повезло. Прежде всего потому, что медведей в тех местах стало мало, а еще потому, что в то время и в самом деле они боялись человека.

...Качнувшись в последний раз, вездеход наконец остановился. Нырнув под брезент, вместе с попутчиком мы выпрыгнули на снег, сразу же окунувшись в ночную морозную тишину. Где-то, казалось, совсем неподалеку, мерцали звезды. Утопая в сугробах, стояли на берегу три одноэтажных домика. Мачты антенн, провода, метеобудки — все это было мне хорошо знакомо. Удивило лишь отсутствие собачьей своры, прибегающей обычно первой встречать гостей.

Поскорее прошли к приземистому и длинному, как барак, дому. В каюткомпании застали полярников, домикающих по телевизору программу «Время». Худощавый высокий начальник оказался молодым, но успешным уже позимоватом человеком. Несколько лет он, как и я, провел на Новой Земле, работая в Русской гавани. Узнав, зачем приехали, повел нас в коридор. Видимо, не захотел бередить душу товарищам. Закурил. «Да, все верно, — подтвердил. — Погиб у нас товарищ. Прошлой осенью».

А случилось вот что. Утром будто кто-то и в самом деле видел мелькнувшую за торосами фигуру небольшого медведя. Но к домам зверь не подошел, и о нем забыли. Полярники этой станции на тюленей не охотились, мясо для собак не заготавливали. На берегу, одним словом, никаких приманивавших медведя яств не было. Звери в последнее время не беспокоили. День выдался безветренным, не очень холодным, какие не редкость накануне зимы, что и позволило метеорологу, молодому парню, решиться выйти поработать на берег, даже не набросив теплой куртки.

Первым забеспокоился радист: метеоролог не принес вовремя метеосводки. Вызвал начальника, вместе обежали комнаты, сходили на метеоплощадку, на вешалке в метеокабинете увидели теплую куртку разыскиваемого. Обеспокоились. Значит, ушел недалеко. Заглянули на берег, где грудой стояли бочки из-под горючего, их готовили к отправке. И уж собрались было уходить, как приметили на льду, метрах в двадцати от берега, белого медведя. Зверь стоял в торосах. Он поднял голову. Морда его была в крови, и начальник сказал радисту: «Беги, зови людей». Еще была надежда, что их товарищ жив. Надо было стрелять в зверя, но так, чтобы не повредить того, кто лежал на снегу за то-

росом. Начальник пошел к торосу, стреляя вверх, медведь перескочил торос и бросился было на человека, потом повернул, словно раздумав. Тут его и убили. Однако было уже поздно. Руки их товарища еще были теплыми, но он уже мертв.

Жуткая история. Вслед за начальником мы вышли из дома на край обрыва. Внизу ярко светила одинокая электролампочка, круглосуточно горящая у футштока, где велось наблюдение за морем и куда приходил записывать наблюдения гидролог.

— Вот здесь примерно все и произошло, — сказал начальник. В кромешной тьме, как на сцене, освещалась пустынная снежная поляна, за нею просматривались гряды торосов. Того и гляди из-за них выйдет мощный зверюга.

Скорее всего метеоролог, увлекшись, не заметил тихо подобравшегося зверя. Вспрыгнул на бочку, отбиваясь, откуда медведь его и утащил, уже бездыханного, в торосы... Охотился ли он за человеком, или встреча произошла случайно — сейчас уже не определишь. Одно тут ясно, медведь был голоден.

— Шкет какой-то, — сказал начальник. — Откуда только такие берутся.

Мы подтащили его к домам, бросили у механической, чтобы сохранить до прилета специальной комиссии. Но вечером его не стало. Пропал. Пошли искать. Отыскали в торосах. По следам догадались — утащил его туда медведь. Наверное, его братец. Два их, видно, таких небольших. Принесли и забросили уже теперь на крышу. Настроение у всех тягостное, а механик посмотрел на тело растерзанного товарища, совсем помрачнел, говорит, как хотите, но я уже больше жить тут не могу, улечу с первым же бортом. Каждый так в тот момент из нас подумал, но дело-то бросать нельзя, надо было работать. Дождаться прибытия замены.

Их чувства понятны, но как же можно было, живя в таких заведомо медвежьих местах, выходить на берег без оружия? Если не было карабина, то хотя бы прихватить с собой ракетницу...

— А что с ней против медведя делаешь, какой от нее толк? — удивился начальник. — Да и всего-то их у нас пара штук.

О многом я передумал, возвращаясь на остров Средний. Напрасно на этой станции забросили охоту, перестали держать свору полярных лаек-медвежатниц. Лохматые псы эти, не признающие жизни в теплых комнатах, спящие на снегу, всегда готовы поднять истошный лай при приближении медведя, предупредить о нем людей. Будь рядом с метеорологом собака, не подошел бы зверь.

В том, что белый медведь опасен и доверяться ему не стоит, я убедился, побывав на острове Виктория. Случилось это через несколько лет после того, как был принят закон об

охране, и мне, новоиспеченному начальнику полярной станции, вменялось в обязанность не допускать его нарушения.

Мне удалось — не без труда — убедить своих товарищей забыть мечту добыть хотя бы по одной шкуре. Ну а что делать, если медведь нападет? Мы тогда еще не очень знали этих животных, и я — сам теперь этому удивляюсь — решил на первом же пришедшем самце продемонстрировать, как он меня, совсем безоружного, не тронет. Я фотографировал его с шести, как показывал дальномер фотоаппарата, метров, и медведь на меня даже не посмотрел, ушел. Зато второй, как раз не очень больших размеров, вороватый, за которым я, безоружный, погнался в торосы, едва меня не съел. Я отбивался от него телогрейкой, и не подними горластые чайки крика из-за куска мяса, который этот зверюга тащил от станции, не жить бы мне... Только благодаря этим птицам и спасся. Медведь, освободившись от телогрейки, которая наматалась ему на голову, смотрел то на меня, то на мясо. Мясо ему показалось дороже, а не то лежать бы мне, как этому метеорологу. И вот тогда-то мы и опробовали ракетницу.

Поначалу учились попадать шагов с десяти в бочку. Патронов, слава богу, хватало. Зато, овладев мастерством, мы смогли теперь безбоязненно наблюдать за жизнью белого медведя. Сколько было сделано интересных снимков! Мы перестали бояться зверей, пресекая любую их попытку пересечь грань дозволенного. Выстрел из ракетницы действовал, как длинный бич в руках укротителя. Но для верности все же приходилось держать при себе — на случай осечки — две ракетницы.

Четыре десятка зверей прошли за год через этот остров. Мы замечали, что попадались медведи, никак не реагирующие на человека. Спокойно уходили дальше. Но в осеннюю пору нередко являлись довольно решительные молодые особи.

Медведь большую часть года проводит во льдах, питаясь тюленями. Зимой он отыскивает их подснежные жилища, весной скрадывает греющимися у лунок, нападает на отдыхающих стайкой на отдельных льдинах. Но осенью, когда в море образуются большие пространства открытой воды, зверь этот за тюленями не угонится.

Мне довелось однажды наблюдать с высокого берега, как медведь плыл по чистой воде. С десятка тюленей, собравшись как птичья мелкота на появившуюся среди дня сова, кружило, ныряло перед медведем. А тот, известно, голодный, ничего не мог поделать. И поэтому осенью медведи выходят на берега островов и обходят их, отыскивая падаль. В эту пору они и заходят к человеческому жилью. И особенно бесцеремонными бывают молодые, еще не научившиеся охотиться.

Как-то мы спрятали шкуру моржа, которую уже два раза приходил жевать молодой зверь. Не найдя шкуры на месте, он в растерянности оглянулся, и тут желтая слюна потекла у него из пасти — на крыльце он увидел голенького человека, стоящего в валенках и трусах. Припадая на задние лапы, должно быть, перебивая страх, медведь, крадучись, двинулся к любопытному зеваче и, не успев тот в последнюю минуту скрыться за дверью, медведь закурил бы им непременно. В азарте он ввалился за человеком в пристройку, и пришлось открыть огонь из нескольких ракетниц, чтобы выдворить наглого визитера.

И среди медведей, что приходили весной, встречались звери очень агрессивные. В эту пору самцы ищут во льдах соперников и самок. Обычно они недолго задерживаются у домов, но поведение их бывает тем более непредсказуемым. С резвостью лошади они могут вдруг погнаться за одиноком человеком, причем убежать от такого зверя невозможно, а иной не побоятся броситься и на группу людей. Только точный выстрел из ракетницы — причем ракета непременно должна попасть в зверя, нанести ему ощутимый удар — спасал человека от непоправимой беды.

Обо всем этом по возвращении с острова я рассказал на страницах журнала, описал потом в книге, но если пользу это и принесло, то далеко не всем. В чем я и убедился на острове Голомянный. Всерьез поверить в опасность белого медведя люди не могут из-за широкой кампании по их охране. У нас нередко так: то убивают как врага, — не остановишь, то принимают этих врагов лелеять. Так и с белыми медведями случилось. Слащавые фильмы, уверяющие, что умка зверь безобидный, начали выпускать один за другим. Медведей стали прикармливать с пароходов, в поселках приручать, как собак. А затем не знали, что делать, когда звери стали авоськи из рук отнимать, преследовать за помнивших их, чем-то не понравившихся им людей. Были случаи, когда отдельных обнаглевших попрошайек загоняли в специальные клетки и на вертолете отвозили далеко во льды. После этого и нападения участились. Теперь уж тридцать пять лет действует закон об охране белых медведей. Хоть и постреливают иногда медведей браконьеры, но основная масса жителей закон этот блюдет. Меж тем население в Арктике растет год от года. Все больше появляется поселков, городов, и зверь теряет страх перед человеком, а отсюда и более частые, чем в годы непрерывной охоты на белых медведей, трагедии. Наверное, не взялся бы я писать об этом, если бы прошлой весной, отправляясь на полюс, не увидел на острове Грезм-Белл еще один памятник погибшему от нападения белого медведя.

Общее количество белых медведей в Арктике оценивается примерно в 30 тысяч. Благодаря наблюдениям со спутников удалось доказать, что белые медведи не вечные странники, обходящие побережье Арктики против часовой стрелки, а почти всю жизнь придерживаются одной территории. За рубежом давно уж ведутся наблюдения за определенными регионами, осуществляется подсчет и разрешается местному населению охота. У нас же к этому только приступают.

Ракетница — недостаточное средство защиты. Пора бы придумать какое-то легкое оружие, которое могло бы стрелять, скажем, резиновыми, не убивающими зверя пулями. И чтобы он, как прежде, боялся подойти к человеческому жилью, бежал от человека. Место его — во льдах.

Северная Земля

P.S. Пока этот очерк готовился к публикации, мне довелось еще раз побывать в Арктике, облететь острова Земли Франца-Иосифа. На острове Хейса, где находится обсерватория имени Кренделя, сразу предупредили: «Без оружия за пределы станции не выходить!» Напомнили: в 1975 году произошел трагический случай, погибла женщина, отправившаяся на расположенный в некотором отдалении объект. В 1985 году зверь напал на мужчину, несомненно растерзал бы и его, но подоспевшие товарищи, примчавшиеся собаки помогли отогнать медведя на лед озера, где его затем пристрелили.

На острове Грезм-Белл военные рассказали, как подошедший к домам белый медведь погнался за людьми, едва успевшими вбежать в жилище. Один из убежавших споткнулся, и, если бы не собаки, примчавшиеся на помощь, ему бы недоброваться.

На острове Земля Александры пограничники рассказали о приходившей с двумя медвежатами медведице. Отогнали ее собаки, но при этом одного медвежонка растерзали. Ранее же подошедший огромный зверь испугал женщину и ее маленькую дочку, уставившись на них в оконце. Лишь очередь из автомата заставила медведя отскочить, затем уйти восвояси, не причинив людям вреда. Других зверей пограничники отпугивали с помощью машин, тракторов, вездеходов...

За рубежом, где конфликтные ситуации тоже учащаются, были проведены исследования по предотвращению нежелательных контактов. Наиболее эффективными оказались резиновые пули, ими стреляли из особого ружья, находящегося на вооружении канадской полиции. Пора бы и в нашей стране взяться за разработку эффективных мер защиты живущих в Арктике людей.

ПОЧТОВЫЙ ДИЛЛИКАНС

В № 11 за 1990 год в рубрике «Пестрый мир» был приведен характер общения масаев и бурунов далекой Африки, а между тем точно такие же нравы существуют у нас — казахов. Старики и по сей день приветствуют «Цель ли (в сохранности ваш скот и души) члены семьи?» — «мал-жан аман ба?» Не принято обращаться по имени не только к мужу, но молодая жена не должна называть по имени всех родственников мужа — молодых, тем паче старших, мужского и женского пола. Она придумывает имена, метко подмечая возраст, особенности характера, положение в роду, родственную близость и т.д. При этом ценится ум, находчивость, наблюдательность молодой. Вот примеры: Асылым (Благородный), Ица (Красавец), Аккыз, Акджигит (Светлая девушка или парень), Бурымдым (Длинноногая), Кербезим (Щеголь) и т.п.

Женщины не произносят имена дальних, чем-то знаменитых предков. Нелзя также женщины называть по имени старшего по возрасту. Не принято произносить, вопреки данному с рождения имени, сочетание «Кара», например, Карабас — Черноголовый; назовут «Буроголовый».

Думается, что эти сведения вызовут интерес любознательного читателя.

С.Бакиров,
г.Алма-Ата

Мне 17 лет, и я мечтаю о каком-либо путешествии. Конечно, мне хотелось бы большого, захватывающего приключения, но я согласен на всякое. Способности у меня средние. Пожалуйста, помогите мне. Дома я от скуки хандрю.

Г.Галяновский,
г.Новоград-Волынский

Вот уже второй раз мой папа подписался на ваш журнал. И я убедилась, что в этом году «Вокруг света» не хуже, чем в прошлом. Даже интересней. Особенно мне нравятся страничка «Пестрый мир». Журнал ваш заинтересовал не только меня, но и моего брата. Ему скоро будет три года. Он с вниманием и интересом смотрит страницы «ВС». Мы все будем его читать. Честное слово!

Таня Васько (11 лет),
г.Киев

Огромное вам спасибо за разнообразные и интересные материалы, отличное оформление журнала и верность традициям, а главное, конечно, за то, что я снова смогла выписать столь любимый мною журнал, благодаря тому, что подписная цена его возросла незначительно. От всей души желаю вам успеха!

О.Валиахметова,
г.Днепропетровск

ПОСЕЩАЛИ ЛИ ЗЕМЛЮ В ПРОШЛОМ РАЗУМНЫЕ СУЩЕСТВА С ДРУГИХ ПЛАНЕТ? Древние индейские памятники, истуканы острова Пасхи, египетские пирамиды, библейские сказания — разве все это не есть свидетельства пребывания на Земле космических миссий? А может быть, космические пришельцы оказали решающее влияние на развитие человека? Существовала ли Атлантида, Лемурия и другие цивилизации? А если это так, то что с ними произошло? Почему внезапно исчезли мамонты? А как быть с тайной Бермудского треугольника? Что, если эпос о Гильгамеше — это первый космический репортаж?

Эти и другие подобные вопросы давно волнуют читателей на всем земном шаре, а повышенный к ним интерес проявился с тех пор, как человек проник в космос. И заслуга здесь прежде всего публицистов, писателей и некоторых исследователей, книги которых нашли живой отклик у массового читателя уже хотя бы потому, что обратили внимание на множество загадок, которые, как может показаться на первый взгляд, обличают науку в преступном пренебрежении важнейшими фактами из истории нашей планеты. Появился даже громкий лозунг: «Защитите науку от ученых!»

Но ученые также не дремали и к настоящему времени нашли ответы на многие «загадки» и «необъяснимые» явления. А в некоторых случаях доказали, что сторонники космических палеоконтактов и теорий катас-

троф попросту не знают элементарных фактов, иногда замалчивая или намеренно искажая уже известные. Обе стороны к настоящему времени насчитывают огромное количество взаимных дуэлей, история которых и составляет содержание этой книги. Авторы ее, супруги Рената Малинова и Ярослав Малина, избрали оригинальную форму изложения: они предоставляют слово наиболее известным сторонникам теории влияния на развитие человечества катастроф и космических пришельцев — Эриху фон Дзеникену, Уолтеру Реймонду Дрейку, Роджеру Уильяму Уэскотту. Кроме того, авторы приводят выдержки из многих изданных на эту тему книг и только после этого приступают к научному анализу и комментированию опубликованного. Мы должны признать, что убедительность научных аргументов может подчас разочаровать тех читателей, которые поверили на слово смелым рассуждениям на тему о космических пришельцах и теории катастроф Э. фон Дзеникена, Л. Соучека. Но разве об этом нужно жалеть? Нам кажется, что для сожаления нет оснований, ибо истина, установленная наукой, углубляет наши познания, возбуждает фантазию и не лишена напряжения.

Мы начинаем публикацию глав из книги Ренаты и Ярослава Малина «Природные катастрофы и пришельцы из космоса»¹.

¹ Книга готовится к печати в издательстве «Прогресс».

Природные катастрофы и пришельцы из космоса

ЧЕЛОВЕК — СОЗДАНИЕ КОСМИЧЕСКИХ ГОСТЕЙ

Основная предпосылка теории влияния на развитие человечества космических пришельцев (теория палеоконтактов) и наличие самих космических пришельцев были сформулированы давно. Четкую формулировку мы находим у древнеримского поэта и философа Тита Лукреция Кара в его поэме «О природе вещей»: «Весь видимый мир в природе не единственный, мы должны признать, что в иных пространствах есть другие земли с другими людьми и другими животными». Но и он не был первым. Эту же мысль задолго до Лукреция Кара высказывали и многие греческие философы. Не исключено, что она интересовала и палеолитических охотников 25 тысяч лет тому назад, отмечавших на камне и кости простыми черточками результаты своих наблюдений за движением небесных тел.

После переворота, совершенного Н.Коперником, разрушившего древние птолемеевские и христианские представления о том, что Земля является центром Вселенной, многие мыслители эпохи Возрождения вернулись к идеям античности. Джордано Бруно писал: «Существует бесчисленное количество Солнц, как и бесчисленное количество планет, подобных Земле, которые вращаются вокруг своих Солнц, как и наши семь планет вокруг нашего Солнца. В тех мирах живут также разумные существа».

Создателем теории о палеоконтактах является американец Чарлз Хой Форт. Всю свою жизнь он неустанно собирал данные и информацию, которые, как ему казалось, разрушают обычно принятые научные теории. («Защитим науку от ученых» — вот его лозунг.) Он опубликовал четыре книги: «Книга проклятых», «Новые земли», «Смотри!» и «Неукротимые таланты». В его архиве сосредоточено было большое количество данных такого характера. Во всех книгах Форты присутствует его основная идея о всемогущих космических существах, для которых мы и наш мир — что-то среднее между опытным террариумом и научной лабораторией. В 1919 году в «Книге проклятых» Форт писал: «Я предполагаю, что мы являемся чьей-то собственностью. Мне кажется, что Земля когда-то была ничейной, но затем ее исследовали, колонизовали, а затем стали соперничать за ее обладание обитатели иных миров. В настоящее время нами правят самые раз-

витые из них. Это известно уже несколько столетий тем из нас, которые стали особой частью какого-то тайного ордена или сторонниками какого-то культа, члены которого, как рабы особого класса, руководят нами в соответствии с указаниями, которые они получили, и побуждают нас к нашим таинственным действиям».

Продолжателями дела Форты в Европе стали два исследователя: известный физик и химик Жак Бержье и философ, журналист Льюис Пауэлс. Его лозунг они взяли в качестве эпиграфа для журнала «Planete», который они начали издавать в конце пятидесятых годов в Париже. На страницах журнала стали печатать статьи и материалы на самые различные темы: по проблемам окружающей среды, борьбы против голода; о пирамидологии, атлантологии, таинственных археологических находках; по вопросам религии, мистики, магии, включая демонологию, о неопознанных летающих объектах (лавину статей и заметок о НЛО вызвало появление в 1953 году книги Дж.Лесли и Дж.Адамски «Летающие тарелки приземлились»), посещения Земли пришельцами из космоса и их влиянии на развитие человечества. Свои взгляды они обобщили в изданной в 1960 году книге «Утро чародеев»: «Мы не отвергаем предположение о визитах пришельцев из космоса, без следа исчезнувших атомных цивилизациях, не отвергаем возможности того, что у цивилизаций прошлого были знания и техника, которые можно было бы сравнить с нашими; допускаем достижения, замаскированные разными формами того, что мы называем эзотеризмом, а также практические достижения в том, что мы относим к практике магов».

По следам Бержье и Пауэлса пошел и их земляк, журналист Робер Шарру, издавший в 1963 году книгу «Сто тысяч лет непознанной истории человечества», которая представляет собой смесь рассуждений, гипотез и некритически воспринятых данных об исчезнувших цивилизациях, космических пришельцах и их влиянии на историю человечества. Книга имела большой успех, после нее Р.Шарру издал еще несколько подобных публикаций.

В 60-х годах в поддержку теории о палеоконтактах выступили итальянец Пьетро Колосимо, издавший в 1964 году книгу «Загадочная Земля», и британский исследователь и писатель Уолтер Реймонд Дрейк, книга которого «Боги или космонавты» вышла в 1964 году.

Глубокую традицию теория о палеоконтактах имеет в Советском Союзе. В первых десятилетиях нашего столетия основатель космонавтики К.Э. Циолковский (1928, 1929) писал на тему о космической экспансии высокоразвитых цивилизаций и прямых контактах между ними, а также о посещениях Земли из космоса. В это же время Николай Рыжин обратил внимание на совпадение отдельных фактов и сюжетов в легендах различных народов, разделенных океанами и пустынями, где говорилось о посещениях Земли в давние времена обитателями других миров. Он допускает наличие ядра истины в этих легендах. Новый импульс дискуссия по этой проблеме получила с появлением в 1961 году статьи физика Матеста Агреста «Космонавты древности». Он находил подтверждение контактов космических пришельцев с людьми в геологии, археологии, в истории искусства, в письменных источниках. В течение последующих двух десятков лет в Советском Союзе было опубликовано свыше двухсот работ по проблемам палеоконтактов в различных научно-популярных журналах и газетах. В последнее время философ В.Рубцов вместе с филологом Ю.Морозовым и другими авторами пытаются создать палеовизитологию как отрасль науки, первоочередной задачей которой должно стать исследование реальности контактов космических пришельцев с Землей.

И, наконец, Эрих фон Дзеникен в 1968 году в книге «Воспоминания о будущем» изложил теорию о палеоконтактах в обобщенном виде, обосновав ее многочисленными данными из сферы археологии, мифологии и истории искусства. В отличие от других сторонников палеоконтактов, Э.фон Дзеникен сумел распространить свои идеи в широких массах, создав фильм по своей книге. Кроме того, его работа вышла в многочисленных переводах в разных странах. Произведения Э.фон Дзеникена вызвали широкий отклик в научной среде, появилось множество его сторонников, которые стали проверять приведенные им факты, собирать новые и разрабатывать аргументацию в пользу теории о палеоконтактах.

Идеи Дзеникена захватили американского юриста Дж.Филиппа, который 14 октября 1973 года основал «Общество исследования космонавтики в далеком прошлом» в Чикаго. Он писал: «Идея создать организацию, которая бы занималась исследованием такой важной темы, как влия-

ние космических пришельцев на развитие человечества, а также о существовании высокотехнизированных цивилизаций в доисторическую эпоху возникла у меня во время просмотра телевизионной передачи по книге «Колесницы богов?»¹. Мне показалось, что провокационные вопросы, которые ставил Дэникен перед учеными, по-своему логичны, а его интерпретации дают больше удовлетворительных ответов о происхождении жизни и основах верований, чем всевозможные научные объяснения. Я пришел в результате к выводу, что новая организация не должна быть перегружена при исследовании этих проблем традиционной археологической и научной методологией, ибо она должна посмотреть на древние постройки, артефакты и другие предметы древности с точки зрения современного уровня техники».

Общество включает специалистов из разных стран, в том числе из Чехословакии, Польши и Советского Союза. В Европе создан его филиал под руководством Э.фон Дэникена с центром в городе Фельдбруннен (Швейцария). Оно проводит ежегодные конференции, издает один раз в два месяца журнал «Древний горизонт» на немецком и английском языках, где публикуются статьи и информация о развитии исследования в данной области. На страницах журнала публикуют свои работы почти все известные авторы, в той или иной мере занимающиеся проблемами космических пришельцев и исчезнувших высокоразвитых цивилизаций.

Как мы увидели, общество AAS является создателем и защитником теории о палеоконтактах в ее самом современном виде. Именно поэтому мы попросили наиболее известного сторонника этой теории, Эриха фон Дэникена, написать для нашей книги небольшой очерк о его понимании проблемы.

Эрих фон ДЭНИКЕН

БОГИ МИФОВ — ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ КОСМОСА

Моя теория:

1. В древние времена Землю несколько раз посещали существа из космоса.

2. Эти неизвестные существа путем целенаправленной, искусственной мутации живших тогда на Земле гоминоидов превратили их в существа с человеческим интеллектом.

3. Появления космических пришельцев на Земле отражены в древних верованиях, традициях, сказа-

¹ Так называлась книга Э.фон Дэникена в английском переводе (прим.авт.).

ниях, легендах и сказках, следы их можно найти в отдельных культовых постройках и предметах.

Эту теорию я разработал в 1954 году, тогда же опубликовал первые статьи на эту тему. Впоследствии я ее углубил в одиннадцати книгах.

Объективные доказательства правдивости этой теории до сих пор даны не были. Мне до сих пор не удалось найти на Земле предметы космического происхождения, не нашел я и заспиртованной мумии космического пришельца, как и каких-либо иных останков существа из иной звезды. Почему? Разве не логично было бы предположить, что космические пришельцы оставили на нашей планете какие-то отходы? Может быть, какой-нибудь монтировочный ключ или испорченную машину? Разве американцы и русские не оставили следов на Луне? Так где же объективные следы космических пришельцев?

Если взглянуть на поверхность нашей планеты, то мы увидим, что шансы обнаружить такие следы незначительны. Две трети ее заняты водой, остальное покрывают льды (на полюсах), огромны пустыни и пространства, покрытые зеленью. Под водой, в ледовых полях и пустынях целенаправленные поиски внеземных артефактов неосуществимы. В лесах же любой предмет, большой или малый, исчез бы без следа. Он стал бы столь же незаметным, как и города майя в джунглях Гватемалы.

Космические пришельцы это прекрасно понимали. Поэтому перед ними вставала проблема, каким образом оставить будущему, технически развитому человечеству, доказательства их пребывания? Каким должно быть это доказательство? Какой-нибудь компьютер? Пиктографические письмена? Информация в виде математических формул? Закодированное в генах или хромосомах послание? Каким бы ни было завещание космических пришельцев, перед ними вставал прежде всего вопрос «сейфа». К примеру, пиктографическое письмо нельзя было поместить где угодно. В каком-нибудь храме, захоронении или на вершине горы.

Космические пришельцы понимали, что путь человечества лежит через войны, в которых святыни будут уничтожены, они знали, что микроорганизмы и растения могут разрушить их завещание, а землетрясения и наводнения поглотят его без остатка. Кроме того, они должны были своему завещанию придать такую форму, чтобы оно попало в руки того поколения, которое будет в состоянии оценить подобную информацию. Если бы, к примеру, космический предмет нашли воины Юлия Цезаря, они не знали бы, что с ним делать, даже если бы эта информация была на латинском языке. Во времена Юлия Цезаря не было известно такого понятия, как «путь в

космос». Люди тогда ничего не знали об экспериментах в области генетики, об эффекте сдвига во времени, о системах двигателей и межзвездных пространствах. Поэтому космические пришельцы должны были воспрепятствовать тому, чтобы доказательство их существования, их завещание не было случайно открыто поколением людей, которое бы его не поняло.

Как же решить эту проблему?

Мы дискутировали об этом в «Обществе исследования космонавтики в далеком прошлом», рассматривали различные модели. Может быть, послание космических пришельцев закодировано в человеческих генах? На этот вопрос ответит будущая генотехнология. А может быть, космические пришельцы оставили свое послание на какой-нибудь из соседних «мертвых» планет? Этот вопрос будет решен во время будущих межпланетных полетов. На Луне есть загадочные скальные образования внутри кратера Каплера (НАСА — фото 67-Н-201) и образования, похожие на пирамиды, в кратере Любника (НАСА — фото 72-Н-1387). О них писал американец Дж.Леонард. Известны также скальные образования на Марсе, которые специалисты называют «Лицо Марса» и «Пирамида на Марсе». Даже в настоящее время мы не можем дать однозначно ответа на вопрос о том, являются ли эти скалы геологическими образованиями или искусственными строениями.

А нет ли следов пришельцев в астероидном поясе? Профессор Майк Паджжанианс из университета в Бостоне допускает такую возможность. Об этом он говорил на ХХХІІІ конгрессе Международной федерации космонавтики в Париже.

А может быть, космические пришельцы установили в нашей Солнечной системе какие-нибудь спутники, которые передают различные послания — записывают радио- и телевизионные программы и фиксируют испытания атомного оружия? Британский астроном Дункан Ланэн написал об этом обширную статью.

А если космонавты оставили свое послание на маленьких спутниках, которые находятся на особых орбитах вокруг Земли? Такую возможность исследовал американский астроном Джон Багби.

Существуют ли на Земле такие места, которые, с точки зрения логики или математики, могли бы стать «сейфом» для послания космических пришельцев? Например, полюса Земли? Центр тяжести континентов? Каменный храм на экваторе? Почитаемое на протяжении тысячелетий священное место?

Все указанные варианты имеют нечто общее: они скрыты, и человек их должен искать. Они расположены таким образом, что не могут попасть случайно в руки нежелательного поколения. Созданы так, что без

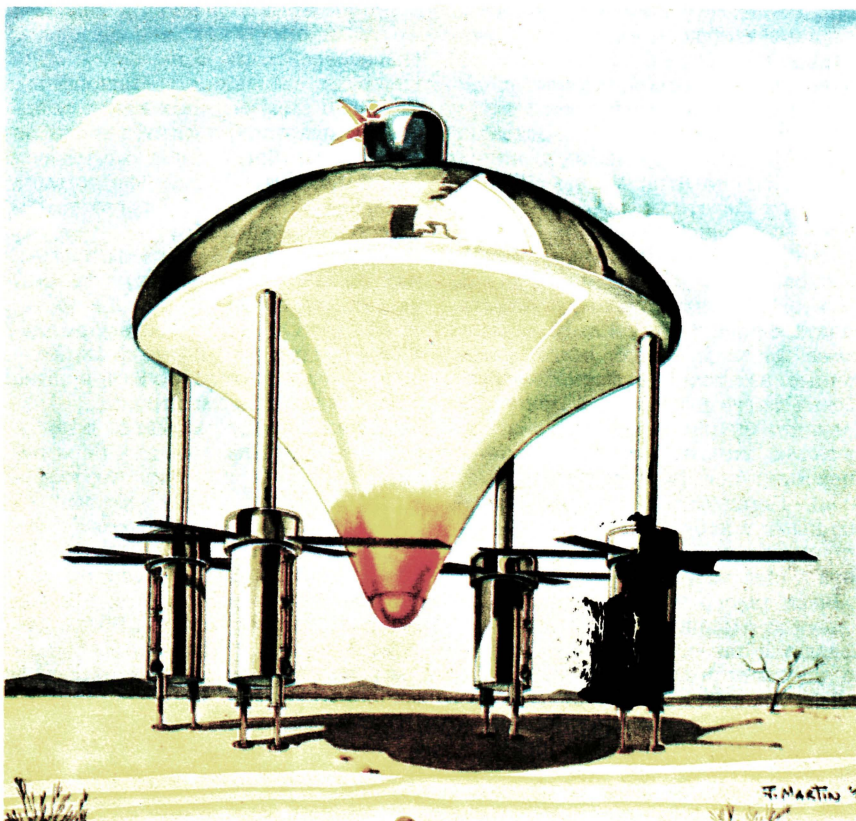
остатка не могут быть уничтожены ни микроорганизмами, ни войнами, ни землетрясением или наводнениями.

Но не могло ли возникнуть у космических пришельцев опасение, будет ли поколение будущего, к которому относится это послание, искать его, возникнет ли у него такая идея? Если я не знаю о существовании чего-то, то это меня и не волнует. Никто не станет искать клад на поле соседа, если у него нет каких-либо оснований предполагать, что клад может быть именно там. Нам кажется, что космические пришельцы должны были сознательно оставлять в различных местах такие знаки, которые бы впоследствии толкали людей будущего технического общества к вопросу о том, не посещали ли Землю космические пришельцы? Нет ли где-нибудь скрытых объективных доказательств такого посещения?

Космические пришельцы умышленно рассеивали знаки о своих посещениях, чтобы побудить будущие поколения к размышлениям. Они стремились, чтобы знаки об их посещении Земли попали в священные книги. Они знали, что потомки тех примитивных человечков, которых они посетили, в один прекрасный день сами окажутся в веке техники, сами будут строить летающие корабли, конструировать скафандры и вертолеты. И только после этого они прозреют. И поймут, что священные тексты рассказывают вовсе не о явлениях святых, не о природных катастрофах или племенных обрядах, а содержат в своем ядре сведения о действительно произошедших когда-то событиях. Все это вместе с загадочными постройками, культовыми предметами и скульптурами, рано или поздно должно было вызвать вопрос: посещали ли нас пришельцы из космоса? Где найти доказательства этого?

В своих книгах я привел бесчисленное количество свидетельств о таких знаках. Я не стану утверждать, что они все приемлемы и правильны. Может быть, я поспешил или воспринял кое-что слишком эмоционально. Тем не менее остается очень много хороших и трудно опровергаемых свидетельств. Они могли бы нам серьезно помочь в поисках объективных доказательств посланий «богов».

К сожалению, проект SETI (поиски внеземного интеллекта) до сих пор положительного результата не дал, но одновременно с ним планировался проект SETA (поиски внеземных артефактов). Роберт Фрайтас в статье, опубликованной в журнале «Journal of the British Interplanetary Society», предлагает начать поиски космических предметов в нашей Солнечной системе. Он полагает, что космические пришельцы, возможно, оставили следы на других небесных телах нашей системы. Я поддерживаю эту точку зрения, но проект SETA,

Реконструкция Бламричем космического корабля.

по моему мнению, должен включать также Землю. Мне кажется абсурдным предполагать, что космические пришельцы могли роиться в астероидном поясе или на другой планете нашей системы, а той планеты, где цветет жизнь во всех ее вариантах, всячески избегали. На Земле есть достаточное количество исходных точек для того, чтобы проект SETA осуществлялся и у собственного порога.

А как обстоят дела с таинственными листами соглашения изразлитов? Согласно мифологической традиции, они сейчас находятся глубоко в земле под кафедральным собором св.Марии в эфипском городе Аксум. А что такое Кааба, священный камень мусульман, который, согласно легенде, на землю принес архангел Гавриил? А загадочное «металлическое зеркало», которое в 660 году до нашей эры подарила богиня Солнца Аматерасу, основателю японской империи? Зеркало, завернутое в материю в несколько слоев, и сейчас находится внутри хранилища города Исе на острове Хонсю.

О чем говорят таинственные мегалитические культуры Англии, Шотландии и Мальты? Какое послание несут в себе тысячи и тысячи менгиров, строгими рядами возвышающиеся во французской Бретани? Какая сила древности построила ги-

гантские мегалитические подземные лабиринты, так называемый Чинканас, под перуанским городом Куско? Известен, по крайней мере, один из входов в это сложнейшее подземелье под церковью Санто-Доминго, тем не менее ничего не предпринимается для его исследования. Какие загадочные, могущественные постройки возвышались когда-то над крепостью инков возле Куско? Сегодня мы там находим на холмах только шлифованные и полированные или прорезанные скалы необычной структуры. Об этом я писал в книге «Путешествие в Кирибати».

Зачем создавали люди разных культур, которые не контактировали между собой, гигантские наземные рисунки, которые целиком можно увидеть только с воздуха? Широко известная равнина Наска с рисунками и образованиями, напоминающими взлетные полосы, далеко не единственное место на планете, где люди создали «знаки для богов». Существует множество рисунков на побережье Чили и Перу. Начинаясь недалеко от южноперуанского города Мольендо (400 километров воздушным путем от Наска), тянется внутрь пустыни и продолжается дальше в горном массиве чилийской пустыни Антофогаста серия знаковых рисунков на скалах, значение которых остается до сих пор не ясным. Под ними изображены фигуры, подобные роботам, высотой 121 метр. Юго-восточнее Лос-Анджелеса, недалеко от го-

рода Блайт, у реки Колорадо, есть большие изображения людей и животных. От реки Колорадо на юг до границы с Мексикой, на восток до Скалистых гор и Аппалачского плато рассеяны тысячи так называемых Indian Mounds — индейских курганов в виде бизонов, птиц, змей, медведей и ящериц. Некоторые из этих искусственно созданных курганов иногда были и захоронениями. Но что самое главное, их форма, как целое, могла быть определена только с птичьего полета, с определенной высоты. Есть также курганы, чаще всего насыпанные из гравия в форме человеческой фигуры, к примеру, фигура в провинциальном парке Уайтшелл, в двухстах километрах северо-восточнее Виннипега (Канада, штат Манитоба). Гигантскими знаками, обращенными к небу, покрыты также обширные лавовые поля в пустыне Сонора в Мексике.

Знаки такого типа обнаружены не только на Американском континенте. Создается такое впечатление, будто по континентам путешествовал какой-то цех рисовальщиков.

В Англии, в графстве Беркшир, возле Аффингтона, есть рисунок «белая лошадь» длиной 110 метров. Он был создан путем устранения дерна на вершине мелового холма. Рисунок возник в конце I тысячелетия до нашей эры. В графстве Суссекс есть рисунок длиной семьдесят метров — «длинный мужчина из Уилмингтона» и еще пятидесятиметровый «гигант из Керн Аббас», в графстве Дорсет. Но на этом перечень подобных рисунков не кончается. В Саудовской Аравии, в двухстах милях южнее Табука, в каменистую почву пустыни врезан и обложен камнями гигантский рисунок треугольника в форме пирамиды, переходящего в своей вершине в сооружение типа дымохода, разделенного на пять одинаковых секторов. На «дымоходе» помещен большой черный круг, диаметр которого больше основы пирамиды. В центре круга помещена большая черная точка. Никто не знает создателя этого загадочного образования и для чего он нужен был в этой выжженной пустыне. И только одно бесспорно: рисунок этот целым можно обозреть только с птичьего полета.

А как объяснить многочисленные легенды, мифы и священные книги разных народов, которые рассказывают о явлении «небесных существ»? Почему мы игнорируем эти свидетельства? Почему их не замечают ученые, исследующие древнюю историю, и оставляют их теологам?

Из всей неисчерпаемой кладовой мифов и легенд я хотел бы в качестве примера взять только один, из которого можно сделать весьма далеко идущие выводы.

Одной из частей Библии является Книга Еноха (Енох в переводе с древнееврейского означает «посвященный», «ведающий», «знающий»). Согласно Моисею Енох является одним из прародов, патриарх эпохи до потопа, сын Яреда. Енох уже тысячелетия находится в тени своего сына Мафусаила, который прожил согласно писанию 969 лет.

Этот Енох является моим другом, иду по его следам. У меня особый нюх на всякие загадочные личности, тем более что эта личность упоминается в Ветхом завете только мимоходом. В первой книге Моисея, в главе 5, стих 21, 22, 23 говорится:

«И жил Енох шестьдесят пять лет, и родил Мафусаила. И ходил Енох перед Богом, по рождении им Мафусаила, триста лет, и родил сынов и дочерей. И было всех дней Еноха триста шестидесять пять лет. И ходил Енох перед Богом; и не стало его, потому что Бог взял его». Это все, что мы знаем из Ветхого завета о Енохе. Но он не заслуживает того, чтобы просто так быть забытым, потому что является автором волнующей книги. Отцы церкви, которые включали существовавшие древние тексты в Библию («канонизировали их», как говорится), ничего не поняли из этих древних каракулей, и в результате Енох не был включен в Священное писание. Большинство современных библистов придерживается мнения, что книга Еноха существовала на древнееврейском или арамейском языке. Первоначальный текст был утерян и не найден до сегодняшних дней. Однако эфиопы в древности сделали перевод этого текста с греческого. Затем на начальном этапе истории христианства эта версия книги Еноха была включена в ветхозаветный канон эфиопской церкви и с тех пор считается одной из священных книг.

Сообщение о существовании книги Еноха пришло в Европу в первой половине XVIII века. Британский путешественник и зачинатель изучения Эфиопии Джеймс Брюс открыл не только истоки Белого Нила, но и привез в Европу три экземпляра книги Еноха.

Книга Еноха относится к апокрифам¹. Теологи-библисты считают, что ядро книги Еноха принадлежит одному автору, но относят ее возникновения ко II веку до нашей эры. Это вполне возможно, но установить же точную дату ее возникновения очень трудно, так как тексты непрерывно переписывались и перерабатывались в монастырях, где они хранились. Не-

которые теологи считают, что Енох никогда никаких книг не писал, а существующие тексты подложны. Я не знаю, чем руководствуются эти зачумленные головы, ибо Енох не оставил никакого сомнения в том, кто является автором книги:

«Когда мне исполнилось 365 лет, одного дня второго месяца я оставался дома один... Тут появились два великих мужа, которых я никогда на Земле не видел. Их лица светились как солнце, их глаза были как горящие факелы. Из уст их исходил огонь, их одеяние и пение были прекрасны, их руки были подобны золотым крыльям. Стали они у изголовья моего ложа и произнесли имя мое. Я проснулся и поднялся с ложа своего; поблднев от страха, глубоко поклонился им. И тут оба мужа произнесли следующие слова: «Успокойся, Енох, изгони страх свой! Вечный Господин послал нас к тебе, ты должен сегодня вознестись с нами на небо. Отдай приказания сынам своим и челяди своей, что они должны делать в доме твоём! Но никто из них пусть тебя не ищет, пока Господин не приведет тебя к ним...»

В религиозных толкованиях вновь и вновь повторяется, что нашему предку из эпохи до потопа было какое-то явление или видение. К вящему неудовольствию скептиков, сообщение Еноха слишком точно и потому опровергает такое толкование. Ведь Енох просыпается и в соответствии с пожеланием обоих мужей отдает распоряжения, что нужно сделать во время его отсутствия. После своих «видений» Енох возвращается веселый и активный к своим близким и живет с ними дальше, но однажды вместе со «стражами неба» таинственным способом исчезает. Однако, слава богу, он оставил нам книги, которые ему продиктовали пришельцы, и напутствовал своего сына Мафусаила (Книга Еноха, глава 82): «Господин сказал мне: «О, Енох, гляди на письма небесных скрижалей, читай, что на них написано, и запоминай все до подробностей». Вглядывался я в небесные скрижали, читал все, что там было написано, все запоминал и читал книгу.

Это целая наука о правде, написанная Енохом, писарем, которая заслуживает того, чтобы все люди ее восхваляли, и есть судья всей Земли.

А сейчас, сын мой, Мафусаил, я буду тебе все рассказывать и напишу все это для тебя: я раскрыл тебе все и передал тебе книги, которые всего этого касаются. Сохрани, сын мой Мафусаил, эти книги из рук своего отца и передай их будущим поколениям мира».

Что же написано в книге Еноха?

Перевели с чешского
И.ПОП и Ю.РАТЧИК

Продолжение следует

¹ Так называемые тайные или подложные сочинения христиан, созданные в первые века существования нового вероучения и не включенные церковью в число священных.

ИЗ ПАРИЖА В АСТРАХАНЬ

Свежие впечатления от путешествия в Россию

Следующий день был полностью занят. Я имел честь сделать третий удар по первой свае новой плотины на Волге: военный и гражданский губернаторы, естественно, сделали два первых. Этому торжеству предшествовали охота на островах и рыбалка на Волге. Адмирал Машин предоставил для этого в наше распоряжение судно. Это же судно должно было отвезти нас к князю Тюменю. Могли ли в Астрахани воздать нам большие почести?

... Назавтра, в 8 утра, мы погрузились на пароход со всем нашим снаряжением для охоты. Мы должны были, как нас заверили, найти на островах фазанов. Предстояла дорога примерно в 20 верст. Это было делом полутора часов, после чего мы предались охоте, так как церемония, связанная с плотиной, намечалась на полдень. Господа же губернаторы должны были торжественно прибыть с войсками и духовенством.

Охотились мы добросовестно два с половиной часа в камыше выше головы на 3-4 фута, он исхлестал лица и руки, но не спугнули мы даже жаворонка. Ровно в полдень мы вернулись с охоты к месту церемонии, настреляв из дичи 2-3 коршунов, ястребов-перепелятников. Эти птички позволили понять, куда делись фазаны, но заменить их не могли.

Алтарь установили на самом высоком месте берега. Прямо под ним лежала линия будущей плотины. Пушечный выстрел послужил сигналом к мессе, которую, вероятно, вершило значительное лицо из русского духовенства: облачение служителей культа было великолепно. Мы слушали мессу в кольце солдат и кольце, образованном обывателями. Второе кольцо состояло из калмыков, татар и русских. Большинство калмыков и татар пришли из простого любопытства, им нечего было делать на религиозной церемонии: татары — магометане, калмыки же — далай-ламысты¹. Лишь шестая часть зрителей, судя по тулупам, кумачовым рубахам, широким штанам, заправленным в сапоги, длинным волосам и бородам, были русские. У них был кроткий, терпеливый взгляд, красные лица и белые зубы. Татар отличали чудесные глаза, бритые головы, закрученные усы, белые зубы, на них были папахи, сюртуки с газырями на груди и широкие штаны с напуском на сапоги. Калмыки имели желтый цвет лица, подобранные уголком глаза, волосы и бороды — редкие и пучковатые, длинные передники с рукавами, как бы приклеенными к телам, и широкие штаны. В основном они носили гладкий, квадратный, желтоватый головной убор высотой с польский кивер. Что, в частности, выделяет калмыков из других народов, это покорная осанка, кротость облика. Русские только кротки, калмыки еще и покорны. Говорят о схожести некоторых близнецов, например, о схожести лионских братьев. Называем их, потому что их все знают. Так вот, Анатолю не так похоже на Ип-

полита, а Ипполит на Анатоля, как первый встречный калмык похож на всякого другого калмыка, хотя и не родственника¹. Вот вам факт, дающий понятие об их сходстве.

При вторжении 1814 года (русских во Францию. — *Прим. перев.*) князь Тюмень, двоюродный дедушка нынешнего правящего князя, прибыл в Париж в свите императора Александра. Ему захотелось иметь свой портрет, выполненный рукой Изаби. Очень ревнивый к тому, чтобы выполнить заказ хорошо, Изаби назначал для своих моделей по многу сеансов. На 12-м или 15-м сеансе он заметил, что князь Тюмень заскучал.

— Вы скучаете, мой князь? — спросил его художник через переводчика.

— Должен признаться, — ответил князь через того же переводчика, — что не очень-то развлекаюсь.

— Хорошо, — сказал Изаби, — пришлите мне любого из вашей свиты, кого хотите, и не с вас, а с него я закончу портрет: получится то же самое.

Князь Тюмень велел позировать за себя одному из своих калмыков и получил превосходный по сходству портрет.

Месса окончилась под грохот пушек, артиллерия смолкла, и грянул оркестр. Под музыку адмирал Машин сошел по склону и деревянным молотом нанес первый удар по свае, после него подошел г-н Струве и сделал второй, за гражданским губернатором — я сделал третий удар. Каждый удар молота сопровождал пушечный выстрел. В интервалах играл оркестр.

Присутствующим раздали хлеб, вино, соленую рыбу, и праздник плотины открылся большим братским пиршеством мужиков, калмыков и татар. Только русские и калмыки воздали почести вину: татары, будучи магометанами, спустились к самой Волге, вода которой не годилась для питья нам, но ничем не отталкивала потомков Чингисхана и Тамерлана.

Большие рыбные ловы на Волге, дающие икру и соленую рыбу всей России, а ими занимаются и русские, и люди Востока: татары, персы, грузины и армяне, — подразделяются на три отчетливых периода. Первый — с конца марта по 15 мая, то есть со времени ледохода до половодья. Называют его периодом нереста, потому что он действительно облен икрой, а также вязигой и клеем.

Второй охватывает июль — август, то есть время, когда воды вернулись к обычному уровню и рыба, исполнив долг, возвращается в море.

Третий — тот самый, ради которого мы приезжали, длит-

¹ Правильнее было бы сказать ламаисты, то есть последователи одного из направлений в буддизме. Калмыки исповедуют ламаизм школы гелугпа, часто называемый в литературе «желтошапочным ламаизмом» по цвету головных уборов священнослужителей — лам. Далай-лама — первоначально глава только школы гелугпа, в наши дни считается главой всего ламаизма. — *Прим. научного ред.*

¹ Оставим на совести великого писателя это наблюдение. Любой антрополог подтвердит, что в рамках каждого расового типа имеется практически один и тот же диапазон индивидуальных вариаций и монголоидные лица ничуть не менее разнообразны, чем европеоидные. Другое дело, что для непривычного к расовому разнообразию взгляда специфика типа отодвигает на задний план индивидуальные черты. Рассказывают, что среди материала фильма «Ми-мино», не вошедшего в окончательный монтаж, были кадры с японскими бизнесменами, которые, глядя на героев фильма в исполнении грузина Вахтанга Кикабидзе и армянина Фрунзика Мкртчяна, замечают: «Ну до чего же все эти русские на одно лицо». И этот эпизод не придуман, а взят прямо из жизни. — *Прим. научного ред.*

ся с сентября до ноября, в этот сезон Волга, кроме осетра, дает белугу и севрюгу.

Правда, есть и четвертый период, с января по февраль, но он очень опасен: берега Каспийского моря скованы льдом, рыбаки сидят без работы и рискуют жизнью в экспедициях по льду, удаляясь на 15, 20, 30 километров от берега. В таких случаях они отправляются вдвоем, в санях с одной лошадей, прихватив с собой 2500-3000 метров снасти, которую заводят под лед и берут любую рыбу и даже тюленей. Ну вот, иногда и случается, что сильный северный ветер отрывает и уносит льдины в открытое море: тогда несчастные рыбаки, пусть даже с продуктами в достаточном количестве, неизбежно пропали, так как, попадая в широты, где Каспий никогда не замерзает, то есть на широту Дербента или Баку, они попадают в ситуацию моряков, чье судно идет ко дну в открытом море. Вспоминают, однако, случаи чуда, когда ветер, изменив направление, вновь пригонял к берегу оторванные льдины, которые были уже к югу за тысячи миль. Между прочим, рыбаки утверждают, что несчастье происходит только с неосторожными или новичками. Инстинкт лошади предупреждает хозяина об угрожающей опасности: расширенными ноздрями, повернутыми в сторону, откуда ожидается ветер, благородное животное улавливает атмосферные изменения и, вовремя запряженное, само берет направление к берегу полевым галопом.

Мы посетили одно из самых значительных в крае заведенных рыбной ловли: одинокие обиталища рыбаков образовывали небольшую деревню из сотни домов. Рыбаков предупредили с утра, так что они подождали поднимать снасти с рыбой, ожидая нас.

Огромные заграждения из свай, забитых в 10 сантиметрах одна от другой, препятствовали рыбе подниматься по Волге. Поперек реки были натянута канаты, отгораживая пространство 3х3 метра: с канатов, удерживаемых кольями, свисали цепи с очень острыми крючками. Крючки были без наживки, о которой я подумал было вначале: они лишь висели в воде на разной глубине. Проходя, рыба пронзается одним из крючков и после нескольких рычков в стремлении продолжить свой путь замирает, обезжизненная болью.

Протягивают канаты и поднимают цепи с помощью судна; если рыба попала на крючок, то это чувствуется по весу: тогда ее поднимают на поверхность, что довольно легко, но дальше начинается борьба. Когда имеешь дело с белугой на 7-8 сотен фунтов, требуется иной раз 5-6 лодок и 8-10 человек, чтобы овладеть таким монстром.

Менее чем за полчаса часа мы выбрали 120-130 рыбин разного размера. Ловля окончена, рыбу подали на своего рода скотобойню и приступили к заготовке икры, жира и нервов (вязиги)¹.

Год лова, которым занято 8-9 тысяч рабочих и 250 охотников на тюленей при 3 тысячах малых шлюпок, в среднем дает 43-45 тысяч осетров, 650-660 тысяч севрюг, 23-24 тысячи белуг. Такая масса рыбы — даже при неточном расчете — дает приблизительно 375-380 тысяч килограммов икры, 18-20 тысяч килограммов вязиги и 20-21 тысячу килограммов клея.

Нет ничего более омерзительного, чем видеть извлеченные из бедных существ икры, нервов и жира. Известна стойкая воля к жизни у этих больших рыб: те, что достигают 8-10 футов в длину, еще подсакаивают, когда вскрыто брюхо и извлечена икра, и делают последнее усилие, когда из них вытягивают спинной мозг, до которого русские — большие лакомки. Наконец, и это сделано, рыбы становятся неподвижными, хотя их сердца продолжают трепетать более получаса, после чего прощаются с телом. Каждая операция с каждой рыбиной длится минут 12-15. Все это просто страшно видеть.

Для нас приготовили икру самого большого осетра из пойманных: бедняга мог весить 300-400 килограммов: его икра заполнила 8 бочонков примерно по 10 фунтов. Половину икры засолили, другая половина, подлежащая употреблению в свежем виде, была законсервирована и служила для подарков на всем пути до Тифлиса: засоленная икра попала во Францию, где была роздана, в свою очередь, но не вызвала такого же энтузиазма, с каким была встречена в виде наших подарков в Кизляре, Дербенте и Баку.

Есть два объекта внимания, ради которых даже русский — самый скупой русский всегда готов совершать безумства: икра и цыганки. О цыганах я должен был бы говорить в связи с Москвой, но признаюсь, что эти обольстительницы, с жадностью поглощающие состояния отпрысков русских семей, оставили в моей памяти такой блеклый след, что, говоря об особенностях Москвы, я про них напрочь забыл.

В 4 часа вечера нам просили пароход; мы возвратились на борт, обогащенные 10 бочонками икры, взамен которых нечего было предложить, и сытые самым гнусным спектаклем, какой можно увидеть, спектаклем ее приготовления. День выдался утомительный, потому, несмотря на настойчивое приглашение г-на Струве, поехали прямо в дом Сапожникова, где нас ожидали обед и постели, ибо поиск начальника полиции увенчался успехом: у Муане были матрас, подушка и простыня. Вторая простыня, чтобы ею накрываться, с самого начала была признана лишней. Дело в том, что первая у Муане была сшита мешком со сквозными верхом и низом для большей свободы движений головы и ног. Слуга, который мне стелил, и мою вторую простыню считал такой же бесполезной, так что каждый вечер я находил ее аккуратно сложенной под подушкой.

На следующий день, в 8 часов утра, нас ожидал пирскаф (пароход) «Верблюды». Едва подошла к нему наша лодка, как от берега отчалила другая, с четырьмя дамами, находящимися под покровительством г-на Струве. Одна из них была сестра княгини Тюмень — княжна Грушка, воспитываемая в астраханском пансионе, где она изучала русский язык. Она воспользовалась обещанным нам праздником, чтобы навестить сестру. Другие три дамы: мадам Мария Петриченко, жена офицера бакинского гарнизона; мадам Екатерина Давыдова, жена лейтенанта флота на звероловном судне «Группман», который должны были нам одолжить для путешествия в Дербент и Баку, если он когда-нибудь вернется из Мазендерана, и мадемуазель Врубель, дочь отважного русского генерала, прославленного на Кавказе и умершего несколько месяцев назад; она еще носила траур. Эти три дамы — мы их уже встречали на вечеру у г-на Струве — говорили и писали по-французски как француженки. Как жены и дочери офицеров они были точны по-военному. Что же до нашей калмыцкой княжны, звонок в пансионе разбудил ее в 7 часов.

Итак, эти дамы, как я уже сказал, были очень образованны и находились в курсе дел нашей литературы, но они очень хорошо знали лишь произведения и очень мало об их творцах. Поэтому я должен был рассказать им о Бальзаке, Ламартине, Викторе Гюго, Альфреде де Мюссе и, наконец, обо всех наших поэтах и романистах. Невероятно, как справедливо, пусть инстинктивно, можно сказать, судили о наших замечательных людях молодые женщины, самой старшей из которых самое большое было 22 года! При этом я ничего здесь не говорю о княжне Грушке, едва знающей русский, еще меньше французский и остающейся при разговоре настоящей иностранкой.

Так как берега Волги мне были знакомы, а если их увидишь раз, то больше не тянет смотреть, я мог оставаться в каюте, где дамы оказывали мне честь меня принимать. Не знаю, сколько времени длилось плаванье, но когда крикнули — «Прибываем!», подумалось, что отошли от Астрахани не дальше чем на 10 верст. Поднялись на палубу. Берег Волги на четверть лье был усыпан калмыками, мужчинами и женщинами всех возрастов. Дебаркадер был осенен знаменами, а артиллерия князя, по-моему, из 4 пушек, палила. «Верблюды» отвечал на ее приветствие 2 малыми орудиями. Ожидающий нас князь находился на верху дебаркадера. Он был в национальном костюме: в большом белом рединготе, наглухо застегнутом на маленькие пуговицы, в желтом головном уборе типа польской конфедератки, широких красных шароварах и желтых сапогах¹. Меня ввели в курс

¹ Редингот — длинный сюртук простого покроя, первоначально предназначавшийся для верховой езды. Калмыцкий мужской костюм (бюшмюд), как верно подметил А. Дюма, действительно похож на редингот, ибо его изначальная задача та же: в нем должно быть удобно сидеть верхом на лошади. Белый цвет — священный в калмыцкой палитре цветов. Национальный костюм белого цвета могли носить только представители калмыцкой знати. Четырехугольный по форме убор калмыков, бархатный с меховым околышем, действительно похож на конфедератку — головной убор поляков, известный в Европе со времен 1-го раздела Польши (1772 г.) — *Прим. научного ред.*

¹ Так у Дюма. — *Прим. перев.*

этикета. Так как праздник устраивался в мою честь, я должен был пойти прямо к князю, обнять его и потерять свой нос о его нос, что означало: «Желаю вам всяческого процветания!»¹ Относительно княгини, если она протянет руку, то позволено к ней приложиться; но предупредили, что это было бы милостью, которую она даровала очень редко, и сделай я это без ее на то позволения, это было бы последним моим деянием перед собственными похоронами.

Судно остановилось в 5-6 метрах от дебаркадера, и я сошел с него среди огня двойной артиллерии. Предупрежденный о протоколе, я не стал отвлекаться ни на г-на Струве, ни на дам: я важно поднимался по ступеням дебаркадера, тогда как князь не менее степенно спускался навстречу. Мы встретились на полпути. Я обнял его и потерял своим носом о его нос, как если бы был калмыком всю мою жизнь. Хвастаюсь не без основания: нос у калмыков в общем-то не является выступающей частью лица. Князь посторонился, чтобы дать мне пройти, затем принял г-на Струве, но без трения носами, а просто пожав руку, после чего обнял сестру, отдавая остальное внимание дамам, которые ее сопровождали.

Как все восточные женщины, калмычки, похоже, не занимают слишком высокое место в социальной иерархии края.

Князь Тюмень был мужчиной 30-32 лет, толстоватый, хотя довольно высокий, с очень небольшими руками и ногами. Калмыки всегда на коне, их ноги почти не развиваются и почти одинаковы в длину и ширину. Несмотря на ярко выраженный калмыцкий тип, князь Тюмень даже на взгляд европейца выглядел довольно приятным. С черными гладкими волосами и черной редкососяной бородой, он производил впечатление человека мощного телом². Когда все сошли на берег, он пошел впереди меня с покрытой головой. На Востоке, как известно, чествовать гостя значит не обнажать головы в его присутствии; евреи даже в синагогах не снимают шапок. От берега до замка было не более двух сотен шагов. Дюжина офицеров в калмыцком наряде с кинжалами, патронташами и саблями, украшенными серебром, стояли по обе стороны дверей, обе половины которых были открыты. Пройдя через множество залов, князь и я, идущий рядом, со слугой вроде мажордома впереди, оказались перед закрытыми дверями. Мажордом легонько стукнул, и они открылись вовнутрь, не показав, кто повернул в петлях обе их половины.

Княгиня сидела как бы на троне; по шестеро справа и слева сидели на пятках дворцовые девушки-фрейлины. Все они были недвижны, подобно статуям в пагоде. Наряд княгини был великолепен и оригинален одновременно: расшитое золотом платье персидской ткани, сверху шелковая туника до колен; туника с вырезом на груди открывала корсаж платья, сплошь расшитый жемчугами и диамантами. Шею княгини закрывал скроенный по мужскому фасону багистовый воротничок, застегнутый спереди на большие жемчужины; голову покрывал колпак четырехугольной формы, верх которого казался сделанным из красных страусиных перьев, а низ был раздвоен вырезом, чтобы не закрывать лба; с одной стороны он доставал до шеи, с другой

Александр Дюма на тройне.

был поднят до уха, что женщине, которая носит такой головной убор, придает бьющий слегка на эффект и самый кокетливый вид. Поспешим добавить, что княгине едва ли было 20 лет, она была восхитительна со своими глазами, как у китаянки; что ниже носа, который можно было упрекнуть лишь в том, что он недостаточно выделялся на лице, приоткрывались алые губы, скрывающие жемчужины зубов, которые своей белизной могли вогнать в стыд жемчуг ее корсажа. Признаюсь, я нашел ее такой красивой, какой, на наш взгляд, и должна быть калмыцкая княгиня. Возможно, ее красота, близкая красоте по нашим понятиям, ценится в Калмыкии не так, как если бы она больше соответствовала национальному типу. Впрочем, об этом я совсем не думал, исходя из того, что князь очень любит свою жену. Рядом с нею находился одетый в парадный костюм ребенок пяти-шести лет от первого брака князя Тюменя.

Я приблизился к княгине с честным и простым помыслом ее приветствовать, но она протянула для поцелуя маленькую ручку в перчатке из белого кружева без пальцев. Не стоит говорить, что эта совсем нежданная милость переполнила меня радостью. Я почтительно приложился к коричневатой, но пленительно сотворенной ручке, сожалея, что этикет в отношении женщин был другим, нежели в отношении мужчин. Я умираю от нетерпения пожелать княгине Тюмень всяческого благополучия!

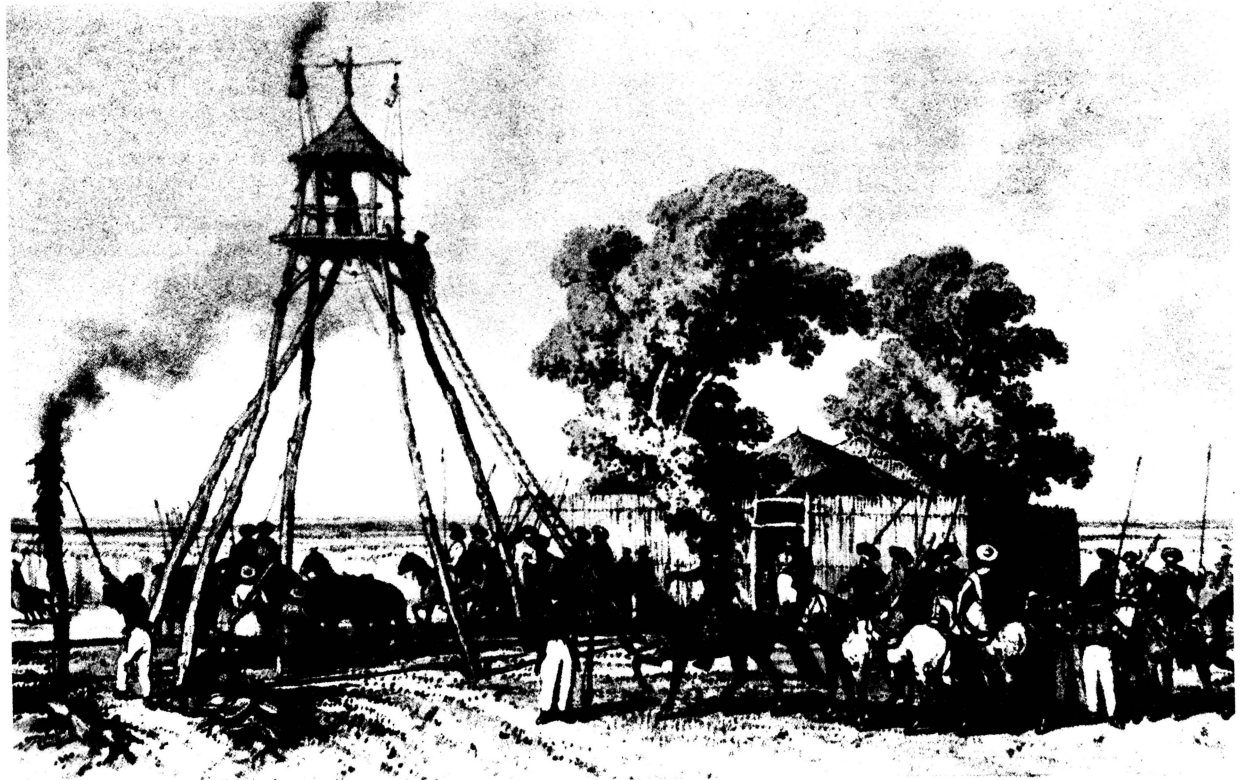
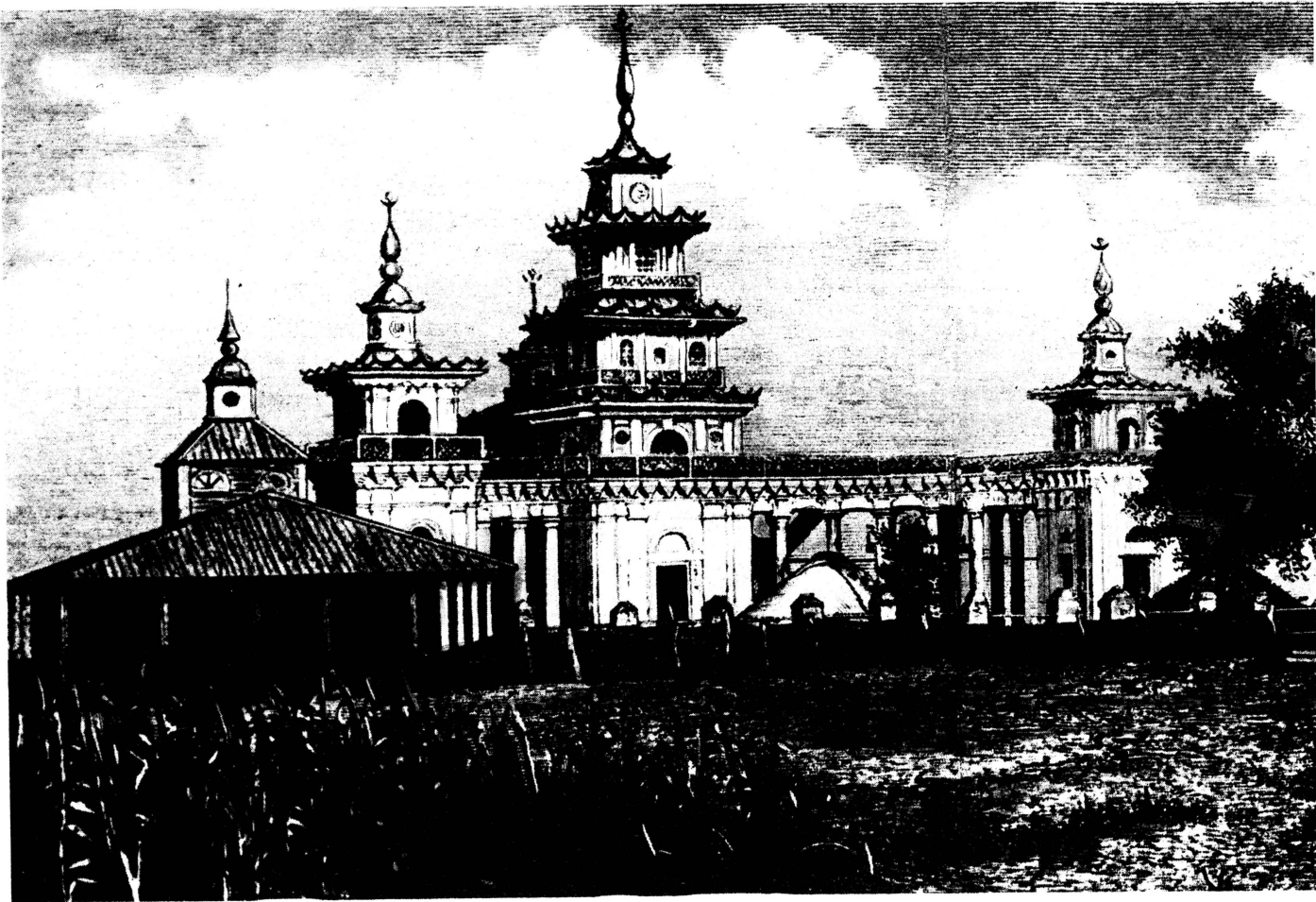
На виду у дам, которые следовали за нами, она поднялась, нежно обняла сестру и по-калмыцки обратилась к нашим спутникам с комплиментом, в переводе князя на русский звучащий примерно так: в небе вместе восходят и блистают во мраке семь звезд, но вот три женщины, такие же яркие, как семь их небесных соперниц. Не знаю, что ответили дамы, но сомневаюсь, что они нашли метафору, равную этой. Комплимент сказан, княгиня сделала трем дамам знак сесть на софу, а сестру удержала возле себя. Князь остался стоять и обратился к жене с короткой речью: просил ее оказать ему содействие в предстоящих трудах, чтобы достойно принять знатных гостей, посланных Далай-Ламой¹. Княгиня, приветствуя нас поклоном головы, кажется, ответила, что постарается исполнить роль хозяйки как можно лучше и что супругу нужно только приказывать, а она будет повиноваться. Тогда князь повернулся к нам и спросил по-русски, не угодно ли нам послушать *Te Deum* — молитву, которую он заказал своему главному священнику и которой тот должен будет просить Далай-Ламу распространить на нас сокровища своих милостей. Естественно, мы отвечали, что молебен доставит нам самое большое удовольствие. На это князь отозвался репликой, несомненно, чтобы успокоить:

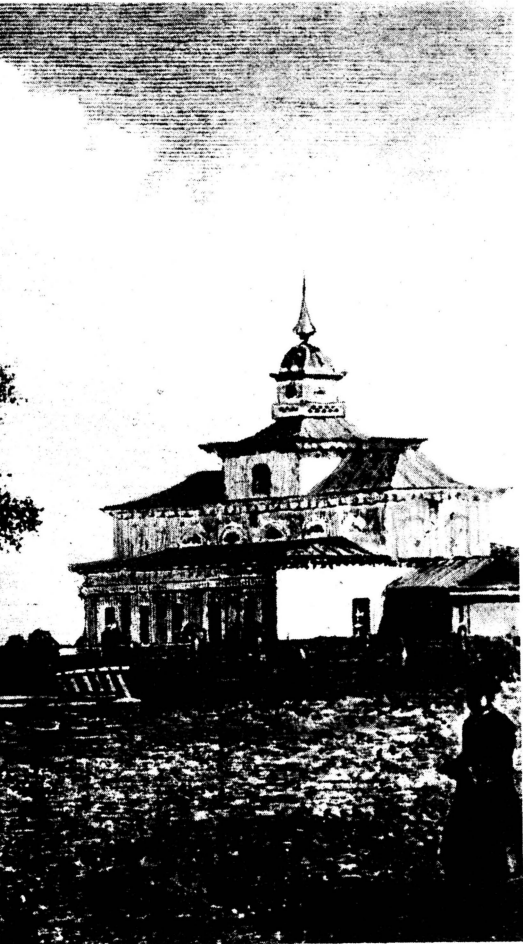
— Все совершится быстро, и мы немедленно позавтракаем.

¹ Здесь и далее титул далай-ламы А. Дюма употребляет как синоним верховного бога в буддизме, вероятно, по аналогии с Богом-отцом в христианстве. Это в принципе неверно. Буддисты в таком контексте ни имя, ни титул далай-ламы не используют. — *Прим. научного ред.*

¹ «Потереть свой нос о нос» (точнее — обнюхать друг друга) — древняя деталь этикета приветствия у монголоязычных народов (монголов, калмыков, бурят). — *Прим. научного ред.*

² Княжеский род Тюменей владел землями Хошеутовского улуса Калмыкии. Предок рода князь (по-калмыцки — нойон) Дегиш с супругой и подданными прибыл в Россию из Джунгарии после разгрома в 1758 году китайскими войсками Джунгарского ханства. Попросив подданства, он получил от императрицы Елизаветы Петровны разрешение поселиться в сибирском городе Тюмени. Здесь у нойона родился сын, названный в честь приютившего их города Тюмень Джиргаланом. Вскоре семья нойона переехала на Волгу, где с начала XVII века уже жило под властью русских царей большое число калмыков. Нойоны Тюмени построили усадьбу и поселение, со временем получившее название селцо Тюменевка. Представители этого рода известны как незаурядные личности, внесшие вклад в историю своего народа и России в целом. Сын Тюменя Джиргалана Серебджаб Тюмень командовал калмыцким полком в составе русской армии во время Отечественной войны 1812 года. Его брат Батур-Убаши Тюмень известен как историк и литератор... В родовом имении Тюменей имелась прекрасная библиотека с книгами и рукописями на тибетском, монгольском, ойратском, русском и европейских языках. — *Прим. научного ред.*

В годы, когда Александр Дюма путешествовал по России, фотография уже существовала, но привычки широко пользоваться ею еще не было. Книжки о дальних странах иллюстрировали обычно художники-документалисты. Спутник Дюма художник Муане — именно такой документалист. Рисунки его абсолютно достоверны во всем вплоть до мельчайших деталей утвари, костюмов, оружия.

Буддийский монастырь, построенный в честь налмынов, участников войны 1812 года. В проенте его чувствуется влияние Назанского собора в Санкт-Петербурге.

Казачий пост: приближаются чернесы.

Мужики в степи.

Чернесы и казаки.

После этих слов княгиня поднялась и направилась к выходу. Фрейлины, одетые почти так же, как их госпожа, все в накрахмаленных воротничках и в шапочках, как у нее, разом поднялись вместе с нею, словно подброшенные пружиной, и двинулись, подражая ей походкой, какая была у 12 фрейлин, изготовленных Вокансоном¹.

У ворот дворца ждали две роскошные коляски и два десятка лошадей, хотя до пагоды было сотни три-четыре шагов. Князь спросил, хотел бы я сесть в коляску княгини или сесть на коней вместе с ним. Я ответил, что честь остаться с княгиней настолько велика для меня, что отказаться от нее не могу, каким бы ни было удовольствие галоцировать с ним рядом. Княгиня пригласила одну из дам сесть около нее, а г-на Струве и меня — занять места в передней части коляски и поручила сестре оказать почести во втором экипаже двум дамам и Муане. Стражи из корпуса князя, Калино и Курнан сели в седла. Оставались 12 фрейлин, одеревенелых, как куклы на полке. Но одно слово княгини, которая, возможно, разрешила им передышку от чопорности, и они ликующе вскрикнули, подхватили парчовые платья между ног, схватили — каждая — повод лошади, вскочили на коней, как франконские наездницы и, не беспокоясь, показывают ли икры и подвязки своих чулок, пустились тройным галопом с дикими воплями, воспринятыми нами как высшее выражение их радости. Калино и Курнан, увлекаемые конями, которые не хотели отставать от коней фрейлин, один в 30, другой в 50 шагах от замка воткнулись в землю, как вехи, предназначенные обозначать проезжую дорогу. Я был изумлен в высшей степени: ну, наконец, встретились с неожиданным!

Двери пагоды широко распахнуты. Когда князь, спешившись, и княгиня, сошедшая с экипажа, ступили на порог храма, грянула небывалая какофония. Этот шум из оперы «Роберт Дьявол» производили примерно 20 музыкантов, размещенных лицом друг к другу вдоль главного прохода пагоды, ведущего к алтарю. Каждый исполнитель дул в полные легкие или ударял со всего размаха. Кто дул, дул в трубы, в морские двусторчатые раковины непомерной величины или в гигантские трубы длиной пять-шесть футов; кто ударял, бил в тамтамы, барабаны или цимбалы. Стоял кошачий концерт, своящийся с ума².

Относительно этих странных виртуозов статистика показывает следующие результаты: дующие в простые трубы в среднем выдерживают пять-шесть лет, дующие в морские раковины — от силы четыре года, дующие в большие трубы никогда не переходят границу двух лет. В конце каждого из этих периодов духовые музыканты харкают кровью; им устанавливают пенсию и переводят их на кобылье молоко; некоторые возвращаются в оркестр, но это случается редко.

Никто из исполнителей не имел ни малейшего понятия о музыке, что улавливалось немедленно. Все умение заключалось в том, чтобы ударить или дунуть как можно сильнее; чем больше дикости в звучании, тем больше оно нравится Далай-Ламе. Во главе музыкантов находился главный священник — весь в желтом и коленопреклоненный на персидском ковре, рядом с алтарем. В противоположном конце, у входных дверей, одетый в длинный красный наряд, с желтым капюшоном на голове и длинным белым железом в руке, как Полоний в «Гамлете», стоял церемониймейстер. Среди дребезжания колокольчиков, содроганий цимбал, вибрирования тамтамов, визга морских раковин и рева труб можно было уверовать, что присутствуешь на некоем шабаше под личным руководством Мефистофеля.

Длилось это четверть часа. Сидящие музыканты повалились без чувств; если бы они стояли, то попадали бы навзничь. Я подбил г-на Струве испросить пощады для них у князя Тюменя. Князь, по природе своей добрейший человек, который не осуждал своих подданных на такое истязание ради того, чтобы воспеть славу своим гостям, поспе-

шил удовлетворить мое ходатайство. Разумеется, первую роль в помиловании мы признали за собой. Но при попытке заговорить друг с другом оказалось, что перестали слышать себя, будто оглохли! Мало-помалу, однако, звон в ушах утих, и мы вновь обрели пятое чувство, которое считали утраченным.

Тогда же детально осмотрели пагоду; что меня поразило больше, чем экстравагантные фигурки из фарфора, бронзы, серебра или золота, а что мне показалось более искусным, чем стяги со змеями, драконами и хиимерами, это — большой цилиндр наподобие цилиндра огромной шарманки, весь усеянный божественными ликами и предназначенный для того, чтобы намалявывать молитвы. Правда, эта бесценная машина служит только князю, но суть в другом: предусмотрен случай, если по рассеянности или занятый земными заботами он забудет помолиться. Цилиндр повернут, молитва произнесена; Далай-Лама при этом ничего не теряет, и князю не обязательно молиться самому¹.

Калмыцкое духовенство подразделяется на четыре определенных класса: главные священники, или бако, рядовые, или гелунги, дьяконы, или гетцулы, и музыканты, или манчи².

Все подчиняется верховному священнослужителю далай-ламской религии Тибета. Калмыцкое духовенство, может быть, самое счастливое и самое ленивое из всех; в последнем качестве берет верх даже над русским духовенством. Оно пользуется всеми возможными льготами: избавлено от всякой повинности, не платит ни одной подати. Народ обязан следить, чтобы оно не нарушало границ дозволенного; священники не имеют права быть собственниками, но этот запрет становится средством к тому, чтобы у них было все: что принадлежит другим, принадлежит им; они дают обет целомудрия, но женщины чтят их до такой степени, что ни в чем не осмеливаются отказать ни гетцулу, ни даже манчи. Священник, у которого есть что сказать приватно женщине, приходит ночью драть войлок кибитки. Якобы некий зверь рыскает вокруг да около; женщина берется за палку и выходит его прогнать, а так как заботы по хозяйству лежат на ней одной, муж спокойно позволяет ей заниматься своими обязанностями. К тому же калмыцкий ад не предусматривает наказания за грех сладострастия.

Чувства время родов, калмыцкая женщина дает знать об этом священникам, и те спешат прийти и перед дверью молят Далай-Ламу о милости к ребенку, который должен родиться. Тогда за палку берется муж — часто за ту же, за какую бралась жена, чтобы прогнать зверя, дерущего кибитку, — и со всего маха лупит ею воздух, отгоняя злых духов. Как только ребенок увидел свет, родитель бросается вон из кибитки; ребенок будет носить имя первого же одушевленного или неодушевленного предмета, на который падет взгляд родителя, и станет, таким образом, Камнем или Собакой, Цветком или Козлом, Котелком или Верблюдом³.

Бракосочетанию — мы имеем в виду союзы в кругу людей

¹ Цилиндр, набитый текстами молитв, а иногда даже оклеенный ими снаружи — неперменная деталь храмов северного буддизма. Это механизированная форма молитвы. Человек, проходя мимо, поворачивает цилиндр по часовой стрелке, что соответствует разовому прочтению всех молитв, заложенных в цилиндре. Иногда такие цилиндры устанавливаются на перевалах и горных ручьях, где их крутят ветер и вода. Считается, что эффект от таких молитвенных мельниц выше, чем если бы эти молитвы просто произносил человек. — *Прим. научного ред.*

² В этом перечне А. Дюма почти точен. «Высочайше утвержденное положение об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 года установило ранги калмыцких священнослужителей: Лама калмыцкого народа — глава всего духовенства Калмыкии; бакша (а бако) — настоятель хурула; гелюнг — высшая монашеская степень (после 25 лет обучения); гецуль — низшая монашеская степень (после 10 лет обучения); манджи — ученики, послушники, исполняющие в процессе обучения роль монастырской прислуги. — *Прим. научного ред.*

³ Способы подбора имен новорожденным у калмыков гораздо разнообразнее: по дням недели и соответствующим планетам, по порядковому номеру рождения ребенка в семье (первый, пятый, седьмой и т.д.), это могут быть буддийские термины и предметы культа, географические названия, качественные прилагательные (красивый, крепкий и т.д.). — *Прим. научного ред.*

¹ Жак де Вокансон (1709 — 1782), французский механик, автор механического шелкоткацкого станка. Создал ряд автоматов с часовым механизмом. — *Прим. научного ред.*

² Буддийская храмовая служба построена на принципиально иной звуковой шкале, иных представлениях о звучании, чем европейская, и часто нетренированное ухо воспринимает ее как бессмысленный набор звуков. Не избежал такого впечатления и А. Дюма. — *Прим. научного ред.*

состоятельных или занимающих почетное положение в нации, — как всем восточным свадьбам, предшествуют предварительные переговоры, то есть покупатель жены тайком от отца торгуется о цене, самой подходящей из возможных. Обычно за жену платят семье половину верблюдами, половину деньгами; но не покупают наобум, так как полигамия и развод больше не практикуются у калмыков, и они хотят любить женщину, которую берут, а симпатия к женщине обеспечена, если она оплачена; остается похитить или, в крайней мере, разыграть похищение невесты у ее отца. Женinx во главе дюжины своих друзей совершает умыкание; семья сопротивляется столько, сколько нужно, чтобы муж заслужил славу завоевателя своей жены. С нею он садится на коня и бросается вскачь. Этим обычаем можно объяснить знание верховой езды фрейлинами княгини Тюмень; калмыцкая девушка должна быть всегда готова вскочить на коня: всякое может случиться. Раз девушка похищена, воздyx оглашается триумфальными криками, в знак победы гремят ружейные выстрелы. Ватага останавливается только тогда, когда прибывает к месту, где установлен таган (треножник); этот таган будет поддерживать котелок молодого хозяйства и, следовательно, займет центр кибитки. Двое вступающих в брак слезают с лошади, преклоняют колени на ковре и принимают благословение священника, после чего поднимаются, обращаются в сторону солнца и творят молитву, состоящую из четырех частей. Молитва окончена, конь, что помог домчать сюда девушку, освобожден от удилов и седла, отпущен свободным в степь; он будет принадлежать тому, кто с ним совладеет. Свобода, предоставленная коню, имеет символический смысл: это знак молодой супруге, что она перестала быть собственностью отца, чтобы стать собственностью мужа, и должна забыть дорогу к родимой кибитке. Все оканчивается установкой и оборудованием палатки двух супругов, на пороге которой молодая женщина снимает вуаль, с которой не расставалась до сих пор. Снятую вуаль муж бросает лететь по ветру, и первый калмык, который ее поймает, в свою очередь, становится супругом фрейлины, если невеста высокого ранга, или горничной, если невеста рангом ниже, похищенной за компанию.

Похороны у калмыков тоже особенные. Для них есть благоприятные и роковые дни. Если смерть случилась в добрый день, то покойного погребают, как в христианских странах, и на могилу водружают маленькое знамя с эпитафией; если же, напротив, смерть пришла на злосчастный день, то тело кладут на землю, накрывают войлоком или циновкой и оставляют диким зверям заботу о его погребении.

Мы вернулись в замок в том же порядке, в каком выезжали, разве только Курнан и Калино шли пешком, утратив былую доверчивость к калмыцким коням и освободив их, как если бы привезли на них невест. Фрейлины при возвращении были достойны фрейлин при отъезде, то есть — самих себя.

Когда мы въехали во двор замка, двор был полон народа; там собралось более трех сотен калмыков. Князь давал им пир в мою честь и велел забыть для них лошадей, двух коров и 10 баранов. Филейные части конины, рубленные с луком, перцем и солью, надлежало съесть сырыми, в виде закуски. Князь презентовал нам порцию этого национального блюда, уговаривая его отведать; каждый из нас снял с него пробу величиной с орех, и должен сказать, что оно показалось лучше, чем некоторые блюда, которыми нас угощали лучшие русские сеньоры. Князь, прежде чем мы сели за стол, лично позаботился о том, чтобы у его рядовых гостей было всего довольно; и как бы извиняясь передо мной за хлопоты, которые отодвинули наш завтрак, сказал:

— Это те люди, которые кормят меня. То малое, что я ем даю, это немного счастья.

Князя Тюменя можно назвать истинным человеколюбцем; он набирает пажей для себя и фрейлин для жены из сирот. Он очень богат, но его богатство ничуть не похоже на богатство в нашем понимании и не может быть нами оценено. У него примерно 10 тысяч крестьян; каждый крестьянин-кочевник платит ему 10 франков годового оброка или подати. Кроме того, у него 50 тысяч лошадей, 20 тысяч верблюдов и 8-10 миллионов баранов, по 600 тысяч из которых он продает на каждой из четырех больших ярмарок: Казанской, Донской, Царицынской и Дербентской.

Князь велел забыть для нас молодого верблюда; такое мясо калмыки считают самым лакомым и самым почет-

ным. Филе молодого животного пошло на жаркое к завтраку, поданное, между прочим, в неизмеримом избытке. Пока мы ели, три сотни калмыков тоже завтракали, и не менее обильно, чем мы. Во время десерта князь пригласил меня к окну со стаканом в руке — обменяться с ним тостами. Я подошел. Все калмыки встали с деревянной пиалой в одной руке и полуобглоданной лошадиной, говяжьей или бараньей костью в другой. Трижды прокричали «сура» и выпили за мое здоровье. Мой стакан тогда оказался князю слишком маленьким, чтобы достойно ответить на такие почести; принесли рог, отделанный серебром, опорожнили в него целую бутылку шампанского, и я, полагая, что за здоровье калмыков смогу одолеть 13-ю часть того, что Бассомьер выпил за процветание 13 кантонов, залпом опустошил рог, заслужив единодушные аплодисменты, которые не подвигнули меня, однако, это повторить. Трапеза и вправду представляла собой нечто гомерическое! Я никогда не видел свадебных пиров Гамаша, но не сожалел о них, присутствуя на пиру князя Тюменя.

Завтрак окончен; объявили, что все готово для скачек. Поднялись. Я имел честь предложить руку княгине. Ее ожидал помост, устроенный в степи во время завтрака; я сопровождал ее туда, где она села в окружении дам; мужчины расположились на стульях, поставленных полукругом внизу.

Скачки были на 10 верст (2,5 лье): приз оспаривали 100 коней и 100 всадников, женщины допускались к соревнованию наравне с мужчинами. Бедная Олимпия де Гуж, которая хотела, чтобы женщины имели право подниматься на трибуну, раз без осложнений поднимаются на эшафот, была бы довольна, увидев, что в отношениях между обоими полами в Калмыкии царит социальное равенство. Призом скачек были колленкоровый халат и годовалый жеребец.

Вихрем сорвался с места сотня коней и вскоре исчезла за бургом. Прежде чем они показались вновь, послышался приближающийся галоп; потом появились один, два, шесть и остальные всадники, растянувшиеся на расстоянии в четверть лье. Мальчишка 13 лет постоянно шел впереди и прибыл к финишу, на 50 шагов опередив второго соперника. Победителя звали Бука; он получил из рук княгини колленкоровый халат, слишком длинный для него, который волочился, как платье со шлейфом, а от князя — годовалого жеребенка. Как сразу надел халат, так же сразу, не теряя ни минуты, вскочил на конька и с триумфом проехал вдоль линии своих соперников — побежденных, но не завистливых.

Князь пригласил нас оставаться на местах и, не мешкая, дал спектакль переезда калмыков к новому месту жительства и перевозки вещей. Появились четыре верблюда, неся на спинах снаряжение к и б и т к и, которых вела крестьянская семья: отец, мать и два сына. Верблюды остановились в двадцати шагах от помоста и по команде хозяев преклонили колени, чтобы те, таким образом, смогли легко снять с них грузы. Едва с этой операцией было покончено, как четыре верблюда, словно понимая свою роль в представлении, поднялись на ноги и стали спокойно пастись. Тем временем кибитка устанавливалась и оборудовалась на наших глазах с чудодейственной быстротой. Через десять минут вся мебель была на местах. Один из сыновей подошел просить нас принять гостеприимство под кровом его отца. Мы приняли приглашение. Когда я входил под полог, глава семьи в знак радушия накинуд мне на плечи великолепную черную баранью шкуру. Это был подарок, который мне сделал князь Тюмень. Мы сели в кибитке, и тотчас хозяева предложили калмыцкий чай. Ах! Это совсем другое, нежели чай! Никогда я не подносил ко рту более отвратительного пойла. Подумалось, что отравлен. Это подхлестнуло любопытствовать, из чего составлен тошнотворный напиток. Главное — кусок плиточного чая из Китая; его кипятят в котелке и добавляют туда молока, сливочного масла и соли. Я видел, как готовят нечто подобное в разных варьете или в Пале-Рояле, но не имел удовольствия лицезреть мадам Поше, пробующей эту бурду¹.

¹ Калмыцкий чай с молоком, маслом, солью, а часто еще и с мускатным орехом, так же как и кумыс — слабоалкогольный напиток из забродившего кобыльего молока — с непривычки трудно усваивается европейцем. Не стоит спорить о вкусах. Просто следует помнить, что для кочевника это два основных напитка его жизни по калорийности, по частоте употребления и т.д. — *Прим. научного ред.*

Князь с наслаждением выпил две-три чашки, и я сожалею, что вынужден добавить: очаровательная княгинюшка, о которой хочется говорить лишь стихами, добровольно выпила чашку, верней деревянную миску калмыцкого чая даже без намека на гримасу. После чая появилась «вода жизни» из молока молодой кобылицы, но на сей раз я был предупрежден и лишь пригубил ее. Я дал знать о полном удовлетворении, чтобы не обидеть хозяина, и поставил чашку на пол, страстно желая опрокинуть ее первым же своим движением.

Чтобы калмык мог кочевать — а нравы племени таковы, что калмык больше всего стремится к кочевому образу жизни, — ему нужно быть владельцем четырех верблюдов; они необходимы, чтобы сниматься с места со своей кибиткой и многочисленной домашней утварью. Вместе с тем, как все пастушьи народы, калмыки живут весьма скромно; их основная пища — молоко, с хлебом они едва знакомы. Их питье — чай и «вода жизни» из молока кобылицы — роскошь. Без буссоли, без астрономических познаний они прекрасно ориентируются в своей глуши; и как все жители бескрайних равнин, обладают острейшим зрением; на огромном расстоянии, даже после захода солнца, они различают всадника на горизонте, могут сказать, конный или на верблюде, и, что самое удивительное, — вооружен ли он пикой или ружьем.

Через десять минут, проведенных под калмыцким пологом, мы поднялись, простились с хозяевами и направились к стульям перед помостом княгини. Тут же кочевая семья занялась свертыванием хозяйства для переезда на новое место жительства, что произошло еще быстрее, чем разгрузка с обустройством. Каждый перевозимый предмет занял свое место на спине терпеливого и неутомимого животного. Каждый член семьи влез на вершину одной из четырех подвижных пирамид и устроился там в равновесии; первым, введшим караван, — отец, следующая — мать, затем оба сына прошли вереницей перед нами, скрестив руки на груди, на восточный манер, удалились, благодаря скорому шагу верховых животных, и десять минут спустя люди и четвероногие, минутку помаячив силуэтами на фоне неба, исчезли за степным восхолмлением.

Как только кочевая семья скрылась из виду, со двора замка следом за двумя экипажами и 12-15 конями выехали два всадника, держа каждый на своем кулаке сокола с кожаным колпачком на голове.

Один из стражников князя только что сообщил, что в излучине малой волжской протоки, огибающей княжеский замок и образующей остров в два-три лье в окружности, опустилась стая лебедей. Мы заняли места в экипажах. Фрейлины, к моей великой радости, сели на коней. Было уточнено, как незаметно поддаться поближе к месту, где лебеди, и мы отправились туда. Степь тем удобна, что при езде по ней нет нужды в проложенной дороге; легкое волнение земной поверхности настолько плавное, что еле улавливается в экипаже на подъемах и спусках; экипаж катит по толстому слою вереска, и сотрясений не больше, как если бы ехали по турецкому ковру. Но на этот раз не было безудержной гонки, подобной утренней кавалькаде: сокольники, всадники, фрейлины даже удерживали коней, чтобы не обогнать коляски и позволить дамам полностью насладиться спектаклем охоты; все соблюдали тишину, чтобы не спугнуть дичь и чтобы соколы, беря ее внезапно, имели перед ней полное преимущество. Стратегические меры были настолько хорошо продуманы и удачно предприняты, а тишина соблюдена, что великолепная стая из дюжины лебедей поднялась лишь в двадцати шагах от нас. В тот же момент сокольничие сняли колпачки и подбросили птиц с подстрекательским криком, как делают доезжачие, спуская собак на белую дичь. В секунды две птицы, обратясь в черные атомы относительно их тяжелых и массивных врагов, оказались среди стаи, которая с криками ужаса разлетелась. Соколы, казалось, мгновение колебались; затем каждый из них избрал свою жертву и ожесточился против нее. Два лебедя сразу восприняли опасность и попытались уйти от соколов в высоту, но те, с их длинными остроконечными крыльями, хвостом веером и упругим корпусом, тотчас оказались выше стаи на десять — двенадцать метров и отвесно пали на добычу. Лебеди тогда, похоже, попробовали найти спасение в собственной массе, то есть сложили крылья и

Старая крепость в Назанской губернии.

стали падать всю тяжестью своего тела. Но инертное падение уступало в скорости падению, усиленному порывом; на середине спуска они были настигнуты бедными соколами, которые прилипли к их шеем. С этой минуты бедные лебеди почувствовали себя обреченными и не пытались больше ни увернуться, ни защититься: один летел, чтобы упасть в степь, другой — в реку. Тот, что упал в реку, использовал это, чтобы отстоять хоть минуту своей жизни; он окунулся, освобождаясь от врага, но сокол, почти брея воду крылом, ждал и всякий раз, когда лебедь показывался на поверхности, когда несчастный перепончатопалый поднимал голову над водой, бил его сильным ударом клюва. Наконец, оглушенный и окровавленный, лебедь вошел в агонию и пытался ударить сокола своим костистым крылом, но тот осмотрительно держался вне досягаемости, пока жертва погибала. Потом он опустился на неподвижное тело, которое плыло по течению, издал триумфальный крик, позволяя течению нести себя на плавуем острове, где он оставался до тех пор, пока два калмыка и сокольничий с лодкой не подобрали мертвого побежденного и полного жизни и гордости победителя. Охотники сразу же в награду за прекрасное поведение дали своим соколам по куску кровотокающего мяса, извлеченного из поясных кожаных мешочков.

Признаюсь, эта живописная охота, которая благодаря ряду наших калмыков приняла очаровательный средневековый облик, уже была мне знакома: ею я часто занимался в Компьенском лесу с одним из приятелей, который держал великолепный сокольничий двор, и раз-два в замке Лу с королем и королевой Голландии.

Князь Тюмень владеет изумительным сокольничим двором из двенадцати отборных соколов, которые были взяты молодыми и выдрессированы сокольничими. Так как охотничьи птицы не плодятся в неволе, их добывают дикими; поэтому, кроме дюжины дрессированных, всегда есть пять-шесть обучаемых соколов, пополняющих комплект. Хорошо дрессированный сокол стоит три-четыре тысячи франков.

Перевел с французского
Вл. ИЩЕЧКИН

Окончание следует

Галопом по ЕВРОПАМ

В путешествии по Дании Питер Кнудсен вызвался быть моим гидом, тем более что для него передвижение по собственной стране автостопом тоже было в диковинку. Прикинув примерный маршрут, мы стартовали одним, как говорится, прекрасным утром с окраины Копенгагена.

Вообще начинать движение из крупного города довольно трудно из-за одной психологической детали — водителя, не успев покинуть шумный, назойливый центр, видит на дороге «голошующего» попутчика и в принципе рад бы взять его по доброте своей, да уж больно надоели ему людишки в городе и очень уж хочется побыть одному. Другое дело — на трассе, где после многочасовой езды в одиночку всякому хочется поболтать с кем-нибудь. Одним словом, пришлось изрядно повертеться на шоссе, прежде чем мы покинули Копенгаген.

Счет машин «размочили» в «фордике» веселого небритого паренька и домчали с ним до Роскильде, городка в тридцати километрах от столицы. Затем еще машина, и снова отрезок пути в 20 километров. После нескольких очередных посадок на микрорасстояния я стал постигать специфику Дании: в этой чересчур компактной стране нет больших дистанций по прямой. Сухожилия дорог разбегаются по карте во все стороны, и если ты стремишься в определенное место, то приходишь пересаживаться через каждые 20 — 30 километров.

Вежливый архитектор из Оденсе, родины знаменитого Андерсена, взял нас на шоссе, ведущем к парому между островом Зеландия, где и находится Копенгаген, и островом Фюн. Почти не снижая скорости, он влетел на паром. Архитектор закрыл машину и позвал нас на верхнюю палубу насладиться морской прогулкой.

— Видите эту насыпь на берегу, — показал наш водитель, — это строится мост между двумя частями Дании. Дорогая штука получается, все-таки почти 15 километров мостик. А по мне — зря они все это затевают: хоть и дорого пользоваться каждый раз паромом, а все же такое удовольствие для тех, кто может за рулем посидеть вот так на палубе, подышать воздухом. Особенно любят паром водители грузовиков, которым днями приходится гонять без остановок...

На окружной дороге в Оденсе мы сели к словоохотливому работнику Красного Креста, который с огромным удовольствием демонстрировал свое прекрасное знание английского, расска-

зывая о многочисленных поездках по всему свету.

Следующий водитель, владелец бара из Вайле, доставил нас в свой городок и не отпускал до тех пор, пока мы не отведали по бокалу прохладного пива в его заведении. Хозяин, подавая пиво, что-то громко произнес по-датски, и посетители — несколько игроков в бильярд — сгрудились у стойки: «Русский? Да ну? Откуда?»

Ой, как бы не зазнаться!

К вечеру прибыли в Хорсенс.

— Сейчас я отвезу тебя в уникальное место, — объявил Питер после разговора с кем-то по телефону, — гордись тем, что даже не всякому датчанину позволено побывать там.

В полной темноте мы добрались на автобусе до малюсенькой деревеньки, а затем долго шли между домишками и полянами, пока не натолкнулись на молодого парня, ожидавшего нас на берегу моря.

— Еспер, — представился он. — Добро пожаловать на остров Ворсё.

ОСТРОВ И ОСТРОВИТАНЕ

Ворсё отделен пятьюстами метрами береговой отмели от материка. Во время отлива добраться до острова можно в обычных сапогах, однако нас отвезли как почетных гостей на тракторе — единственном виде транспорта хозяев острова.

Их двое — Еспер и Нильс, оба орнитологи, занятые изучением экзотических птиц-коморанов, обитающих на Ворсё с ледникового периода. Кстати, в Европе это единственное место, где их можно встретить, поэтому, видимо, вход в заповедник строго воспрещен.

По дороге Питер рассказал об Еспере.

Учились вместе на журфаке, где Еспер не отличался кротостью поведения — пил, наркоманил, безобразничал.

Потом дороги их разошлись, и вдруг Питер узнает, что с парнем произошла странная перемена. Он навсегда расстался с дурными привычками, оборвал все старые связи, устроился работать на этот остров и занимается только своими подопечными.

Весь следующий день мы бродили по острову, наблюдали за коморанами из замаскированной среди деревьев башни.

СТРАННАЯ ДЕРЕВНЯ

Через день мы стартовали на запад Дании к побережью Северного моря. Первая остановка — деревня Фельтрин, куда прибыли довольно рано. Что-то особенное связывало Питера с этим местечком, оттого и хотелось ему побывать здесь лишний раз.

Деревня и впрямь стоила внимания. Начать хотя бы с весьма своеобразного состава ее жителей: старые фермеры, бывшие хиппи и гренландцы. А еще в Фельттрине есть театр, да не простой, а национальный гренландский, в котором ставятся психоделические пьесы с элементами пантомимы и шаманских ритуалов. Свободных мест в театре не бывает, и среди зрителей не только местные крестьяне, но порой и ценители со всего света — так популярен театр «Тукак».

В местном «сельпо» Питер столкнулся с несколькими знакомыми, среди которых был и Рейдер — режиссер театра. Хозяин лавочки обрадовался встрече со старыми приятелями и угостил всех присутствующих выпивкой.

— Хороший он парень, — сказал Питер о хозяине, — но бизнесмен никудашный. Всегда угощает знакомых, а в деревне ведь нет знакомых.

Рейдер, стремительный и экстравагантный, схватил нас в охапку, отвез на машине к себе домой, угостил вином, познакомил со своим другом из Сингапура и тараторил все это время без умолку.

Потом завопил, что страшно опаздывает, у него решаются глобальные проблемы, сунул ключ от соседней фермы, где нам предлагалось переночевать, и уехал в неизвестном направлении.

На следующий день я увидел человека, без которого немисливо датское благосостояние. Питер привел меня к самому старому фермеру деревни Ивару. Ему 87 лет, последние десять лет живет совершенно один и по-прежнему трудится. А работы — ой как хватает! — огромное поле зерновых и свиноводство на сто голов.

— Неужели даже помощников не нанимаете? — с сомнением спросил я, глядя на сухонького, но еще крепкого старика.

— Вот еще, — фыркнул Ивар, — тут и одному делать нечего.

И он продемонстрировал, как загружается обмолоченная пшеница в кузов трактора, а затем автомат разбрасывает зерно в лотки свиньям.

В доме Ивара фотографии и гравюры его родичей последних шести поколений. Больше всего старик любит собирать вещи, выброшенные морем. В одной из комнат он хранит иллюминатор, компас и прочие останки немецкого парусника, затонувшего у берегов Фельцтрина в 1907 году.

— Кажется, будто вчера это было, — вспоминает он. — Мы с мальчишками стояли на берегу и ничем не могли помочь этим людям. Неласковое море-то в наших краях.

На прощание я предложил Ивару остаток русской водки, прихваченной с собой на всякий случай.

Он пригубил стакан и мечтательно произнес:

— Да-а. Сколько я в этой жизни пережил — две войны, три кризиса, двух жен, а вот такой штуки пробовать не приходилось. Должно быть, хорошая у вас страна, коли такую водку выпускаете.

Прощаясь с Фельцтрином, мы заскочили к еще одной знаменитости — писательнице Ютте Борберг, хорошо известной по всей Дании. Господи, как они только существуют, западные литераторы — без Союза писателей, без Литфонда и Домов творчества, да еще и забираются жить непременно в глухомань, а не в столицу!

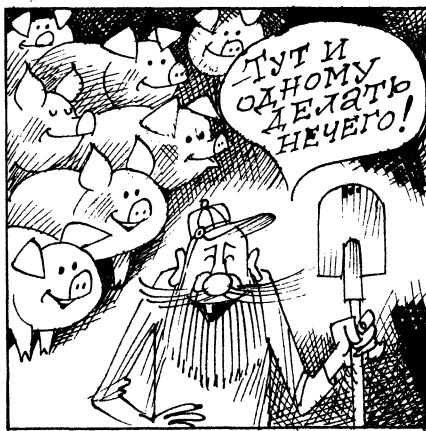
По масштабу своего творчества Ютте считается датским Борхесом в юбке. Ей 73 года, что явно не вяжется с молодой внешностью. Среди ее привычек — ежедневное купание в море нагишом вне зависимости от времени года. Еще любит принимать душ во дворе, на глазах у всей деревни, и любит, когда дом полон молодых людей. Новому другу Ютте, как сообщил по секрету Питер, что-то около тридцати.

Дом писательницы выстроен без особых излишеств, разве что гостиная сделана полностью из стекла. По-видимому, главный девиз Ютте Борберг — «Никаких тайн!».

ДАТСКАЯ ОДЕССА

Из Фельцтрина мы двинули на восток в родной город Питера Орхус. Ехали очень быстро. Водители попадались все люди молодые, легкие в общении. Запомнилась последняя машина перед Орхусом. В салоне — две девушки, студентки артистического колледжа. Машина — настоящая студенческая — старенький «фольксваген» — букашка букашкой. Пришлось немного пофантазировать, пока мы уместились в ней вчетвером, плюс мой рюкзак. Наши попутчики возвращались в Орхус из города Рандерса, где проходила выставка Йоко Оно — вдовы Джона Леннона. Всю дорогу они щебетали о своих впечатлениях, а в конце резюмировали: «И все-таки она выпендривается».

Орхус — второй по величине город Дании, однако понравился куда больше, чем столица. Если проводить анало-

гию, то его можно назвать «датской Одессой». Живописная морская бухта, веселые нарядные улицы, на которых встречается меньше пьяниц, чем в Копенгагене, зато больше симпатичных девочек. В центре города остался кусочек действующего средневекового Орхуса, не стилизация, а по-настоящему древние дома, улочки, мастерские, лавочки, и все это открыто для доступа.

На следующий день я попал в городскую гимназию на урок русского языка. Преподаватель, датчанин, сам изучавший язык всего два года, страшно нервничал, узнав, что на уроке будет «настоящий» русский. Впрочем, урок прошел очень мило, и мне необычно было глядеть на 15 — 16-летних школьников, нетвердо повторявших хором: «Это стул. А это стол. Где стул? Та-ам».

— Раньше у нас на русский записывались лишь те ребята, кто готовился к военной карьере, а теперь очень многие заинтересовались вашим языком благодаря перестройке, — рассказывал преподаватель.

«Дай-то Бог, — подумал я, — чтобы у всех нас никогда больше не было милитаристских стимулов для изучения чужого языка».

Побывал я и у своих коллег — студентов высшей журналистской школы. Конечно, неинтересно сравнивать оборудование в компьютерных классах, в типографии и на телестудии, зато датские студенты позавидовали мне, узнав, какую мощную программу по языку и литературе проходят у нас на журфаке.

Возвращался я из Орхуса в одиночку — Питер выехал на день раньше из-за неотложных дел в редакции. Начиная от Хорсенса, дорога была уже знакомой, наверное, поэтому и двигался я быстрее и увереннее...

Любопытное наблюдение: в Скандинавии нет резкого различия между физическим и умственным трудом. Люди запросто меняют работу, совершенно не заботясь о ее престижности. В конце концов, а стоит ли стесняться профессии рабочего, если его труд оплачивается более, чем хорошо. Один из водителей, бывший джазовый музыкант, рассказал, что лишился работы из-за того, что оркестр распался. Пока что безработный, но едет к брату жены помогать

строить дом, а на вырученные деньги собирается лететь в Канаду — там у него уже есть договоренность поработать лесорубом. И абсолютно никаких комплексов — какая разница, барабанные палочки или бензопила? Главное — делать свое дело на совесть.

Под Одессе опять неприятности с «хайвэем». Пришлось два часа «позагорать» на примыкающей дороге. Впрочем, терпение, как всегда, вознаграждается: притормозил роскошный черный «форд» — за рулем девчонка лет девятнадцати.

— Быстро в машину, у меня 18 минут до отхода парама! — буквально скомандовала она. Уже тронувшись, узнаю, что она едет в Копенгаген. Ну, повезло!

— В машинах что-нибудь понимаешь? — спросила девчонка.

— Разве что могу отличить колесо от баранки.

— Жаль, мне надо, чтобы кто-то взглянул со стороны на переднее правое. Понимаешь, царапнулась тут с одним чудиком — заклинило колпак. На технической станции сделали за 20 минут, но боюсь, отец все равно заметит и больше не даст машину.

— Слушай, — говорю ей, — а ты не боишься подвозить незнакомого молодого человека?

— Еще чего! Что, я сама не «голосовала» и не знаю, каково торчать на солнцепеке у дороги?

Кстати, еще одна общая черта у водителей — почти все упоминают о своем «автостоповском» опыте. Вот он, наглядный пример цепной реакции добра. Кто-то подвозил эту девчонку, она — при случае — меня, и, кто знает, может быть, и у меня тоже когда-нибудь появится... автомобиль.

На паром мы успели. Снова палуба со свежим ветерком. Снова та же дорога. Слово спутник, совершивший полный оборот вокруг крохотной страны величиной в Московскую область, я возвращался в точку старта...

Проведя неделю в Копенгагене и насладившись вволю всеми прелестями стационарного бытия, я внезапно почувствовал безотчетную тоску. Нет, то была не хрестоматийная русская ностальгия «по березкам» — деревьев этих и в Дании хватает, — просто душа требовала перемен, движения, и, когда, прогуливаясь по улицам датской столицы, я ощутил странный тик: рука машинально стала приподниматься в автостоповском жесте, стало ясно, что пора двигаться дальше.

Первоначально поездка в Норвегию не входила в мои планы. Желание это возникло спонтанно: как-то вечером я рассматривал карту Скандинавии и, глядя на очертания Норвегии, подумал, что не так уж она далеко и что глупо не посетить эту довольно большую и, как говорят, очень даже красивую страну.

— Норвегия? — спросил Питер. — Да, там действительно красиво. Одна лишь проблема — всегда идет дождь.

Но я не обратил внимания на последнюю фразу — мысли уже были там, в скалистом краю Ибсена, Грига и Гамсуна. Однако эта фраза и оказалась тем знаменитым чеховским ружьем,

которое должно неизменно выстрелить.

Получить визу оказалось пустяком... Сборы провел основательно — приготовил арендованную для этого случая палатку, консервы, сухой спирт и все необходимое.

Стартовал ранним утром, надеясь к вечеру добраться до границы Норвегии. Но не тут-то было: два часа потратил на то, чтобы выбраться из Большого Копенгагена. Еще два часа добирался до парома между Хельсингером и Хельсингборгом. Шведскую границу пересек обычным пассажиром парома и тут только впервые столкнулся с пограничником — видимо, подозрительным показался мой рюкзак. Впрочем, не один я привлек внимание, все остановленные пассажиры оказались не скандинавы. В этом и заключается высокий профессионализм шведской погранслужбы — безошибочно определять «чужаков» в толпе. Проверив визу, пограничник отпустил меня с богом.

ЙОРМА

Кое-как начал выбираться в сторону Норвегии. На одной стоянке напросился к водителю огромного грузовика «вольво». До этого еще не приходилось ехать с «дальнобойщиками», поэтому было интересно поболтать с настоящим пролетарием трассы.

Йорма, как звали водителя, очень любит свою работу за то, что все время в новых местах, за то, что сам себе хозяин, да и платят прилично — после вычета налогов остается 12 тысяч крон.

Налоги — большая тема для всех скандинавов. Средняя ставка подоходных — 50 процентов, да прибавить 25 процентов переплаты за все товары, а налог на табак и алкоголь вообще под 100 процентов. Психологически нелегко работать полдня на себя, а полдня «на дядю». Впрочем, это для нас кажется грабежом такие поборы, а местный народ знает, за что платит.

— Посмотри на мои зубы, — Йорма показал великолепные костяные зубы на золотом мосту — пришлось вставить после аварии. Им цена 14 тысяч, я же не платил ни кроны. После таких примеров охотней платишь налоги.

Шведы — как за каменной стеной со своей социальной защитой. В Швеции вообще не принято обижать трудящихся, и правительство тщательно следит за их здоровьем. Иногда даже слишком тщательно: Йорма показал внутри спидометра бумажный диск, где особый прибор регистрирует количество часов за рулем.

— Я могу ехать только шесть часов без перерыва. Затем я должен встать на отдых. Нас часто проверяют полицейские в штатском, и если я кручу баранку больше шести часов, могут влететь штраф две тысячи. Медики открыли, что после шести часов езды внимание падает вдвое. Кому нужен убийца за рулем?

Мы проехали знакомый мне Хальмстад, и Йорма свернул на проселок, чтобы покороче добраться до своей базы, куда он вез партию сыра. Снова пошла шведская глубинка — уютные до-

мишки и абсолютно пустые улочки с наступлением сумерек.

— Йорма, а почему так мало света в окнах, ведь непоздно еще? — спросил я.

— Шведы рано ложатся спать. А что еще делать? Баров у нас нет — сам знаешь, какое к алкоголю отношение. В ресторан сходить слишком дорого. Одна радость вечером — телик и в кровать.

— А почему такие строгости с выпивкой?

— Правительство считает, дай нам волю — будем пить до поросычьего визга и нация вымрет.

До базы мы так и не добрались. Решили заночевать в кабине и поутру продолжить путь. Кабина «вольво» не «Хилтон», конечно, но для нормального отдыха в ней все предусмотрено: две откидывающиеся кровати, светомаскировка, холодильник, телевизор — жить можно.

Утром отвезли сыр в порт Линкопинг, затем расстались в Трольхёттане, откуда мне оставалось 30 километров до шоссе на Осло. Однако эти километры оказались роковыми. На трассе шел ремонт, поэтому транспорту останавливаться запрещено, а дальше шел огромный мост через реку, по которому нельзя ходить пешеходам. Ловушка для «стопщика». Выход оставался один — делать крюк через проселки.

«НЕНОРМАЛЬНЫЕ» ШВЕДЫ

Уже вечерело, когда в деревушке Лилла Эдет меня подобрал среднего возраста швед на стареньком «фиате». По пути, чуть больше ста километров, за это время разговорились по душам.

Матти живет в крохотной приморской деревушке в семидесяти километрах от норвежской границы. У него редчайшая профессия — спортивный картограф. Тема близкая для меня, поскольку сам когда-то занимался спортивным ориентированием. Очень приятно было узнать, что этот вид спорта один из самых популярных в стране, есть целые династии «ориентировщиков». Соревнования бывают часто, так что в заказах недостатка Матти не испытывает.

Он очень обрадовался, узнав, откуда я, и предложил остановиться у него на ночь:

— Представляю, как жена удивится, увидев русского в нашей глухомани...

Хелли, жена Матти, действительно удивилась и обрадовалась — гости в их доме появляются нечасто. Оба они — в своем роде «чудики»: живут обособленно, безумно любят спортивное ориентирование и свою кошку, оба вегетарианцы. Для этой цели выращивают на огороде всевозможные овощи и даже дыни (это — на широте Чукотки!).

— За этот огород, — улыбается хозяйка, — соседи прозвали нас «ненормальными» — в Швеции не принято сажать что-нибудь, кроме цветов: все есть в магазине. Даже районная газета о нас писала и фото огорода опубликовала.

Хозяева устроили роскошный вегетарианский ужин, закончившийся огромным блюдом с мороженым. Неплохо быть вегетарианцем в стране, где нет надобности держать огород.

После ужина Матти повел меня на второй этаж в свою мастерскую. И вот тут-то я ахнул: полкомнаты занимала коллекция компакт-дисков — зрелище невыносимое для меломана. Я бросился перебирать коробки и подивился изящности вкуса хозяина: Чайковский, Боб Дилан, «Битлз», Мусоргский, «Флитууд Мэк» и даже Борис Гребенщиков.

— Что желаешь послушать? — предложил Матти.

Я долго пытался над коробками и наконец выбрал:

— «Пер Гюнт» Грига — пора настраиваться на норвежскую волну.

Утром Хелли торжественно вручила мне коробку с бутербродами, а Матти отвез меня на трассу. День начался с движения.

ПОСЛЕДНЯЯ ГРАНИЦА

Норвежскую границу проскочил, не снижая скорости, едва успев полюбоваться изумительным фьордом, который разделяет две страны. К обеду я был уже в Осло.

Осло встретил непривычной суетой и напряженным движением. Сразу как-то пропало желание задерживаться тут надолго. Но куда дальше? Помудрил над картой Норвегии, оставленной мне Йормой, и решил — еду, куда будут попутки, лишь бы в конце концов добраться до побережья.

Скоростная дорога на север начиналась в самом центре — опять головная боль, как попасть на машину. Решил встать у примыкающего виадукта и ждать до победного — больше вариантов не было. Совсем забыл, что здесь широты ближе к северу: в шесть вечера уже смеркалось. Положенце — кругом ревут машины, солнце с каждой минутой исчезает, водители крутят пальцем у виска. Возможно, они и правы.

И вдруг ставшее закономерно чудом — тормозит небольшая легковушка. За рулем — совсем молодые парень с девушкой:

— Ты что, очумел? Нашел место для «стопа». Тут сроду никто не остановится!

— Но вы же остановились, — отвечаю.

— Ладно, — улыбается парнишка, — садись. Далеко тебе?

— Прямо по шоссе.

Эти брат с сестрой (как оказалось) довели меня до ближайшей заправочной

станции километрах в пятнадцати от Осло. И за то спасибо, главное — вырвался из города.

Ребята повернули вправо, а я остался у заправки. Еще немного «поголосовал» и понял, что пора ставить палатку, пока совсем не стемнело. Недалеко от станции нашел заросли кустарника между дорогой и какими-то огородами. Там и устроил ночлег.

Заправочная станция — это оазис цивилизации на трассе. Здесь можно умыться, побриться, перекусить, а главное — здесь легче поймать машину. Утром я быстро привел себя в порядок — и быстро на дорогу. Через минуту подъехал... вчерашний парнишка.

— А-а, привет! Скорей садись, я в школу (!) опаздываю.

Школа его находилась в пятидесяти километрах от места моей ночевки.

— И так каждый день приходится ездить? — спрашиваю.

— Да, но это не самое плохое. Дело в том, что сестра учится в другом направлении, поэтому мы вынуждены держать две машины. (Их нравы, что поделилась.)

Потом проехал километров сто с владельцем фирмы модной одежды.

— Из России? — заинтересовался он. — А как там у вас с одеждой?

— Знаешь, — говорю, — никак. Если даже вся Европа начнет нас обшивать, то лишь лет через двадцать пять скажем: «Хватит».

— Фантастическая страна! — загорелся он. — А в Европе нынче совсем невозможно торговать. Господи, скорее бы у вас деньги появились нормальные, мы бы завалили всю страну тряпками.

Расстались у пункта оплаты за дорогу. Кстати, только в Норвегии я увидел подобные пункты, где водители должны платить 10 крон, чтобы проехать в следующий район. Спросил, с чем это связано, мне ответили, что дороги обходятся государству недешево — страна горная, много мостов, туннелей, — вот и приходится помогать, однако никто не возмущается этим налогом: всем же хочется ездить по нормальному шоссе.

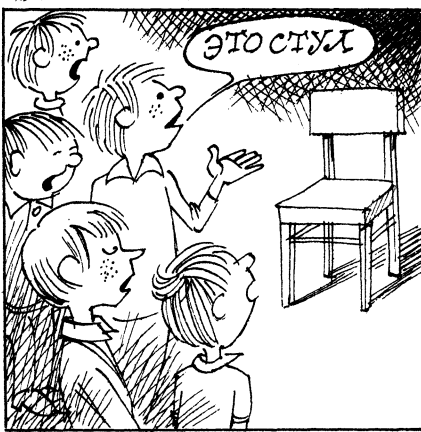
Следующий водитель — молодой владелец малярной фирмы из Осло. Только что отслужил в морской пехоте, начал свое дело и разбогател за счет своего трудолюбия и изворотливости.

Парень оказался разговорчивым. Я смотрел на мелькавшие за окном речушки, долины, холмы, а он, не закрывая рта, рассказывал о своих успехах, о новой машине, о том, как он дурачит налоговое управление, скрывая часть доходов.

— Может, это и не совсем честно, — оправдывался он, — но ты пойми, я и так им отдаю 150 тысяч в год! И знаешь, что обидно — я вкладываю, а потом государство забирает половину, чтобы платить пособие всяким ублюдкам, наркоманам, бездельникам. Видел я в Осло всю эту молодежь, да из них никто и кроны честно не заработал, и никто их не заставит этого сделать!

Что же, логично. Даже в самой совершенной системе есть свои огрехи.

Он продолжал самодовольно рассказывать, что за обед в ресторане платит

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

600 крон, а вчера его оштрафовали на тысячу, и все ему нипочем. И вдруг, словно какое-то прозрение — он задумался и вполне серьезно сказал:

— А может, я и не так живу. Порой мне кажется, что самый нищий студент гораздо богаче меня.

Мы въехали в горный район. Пошли умопомрачительные скалы, озера. Дорога шла неуклонно вверх. Погода начала стремительно портиться. На перевале шел снег. Машина проскакивала один за другим длиннющие туннели — один из них тянулся километров на десять.

Когда мы расстались на крохотной дороге по направлению к морю, на улице хлестал дождь. Дальше начались испытания.

Два часа я провел на шоссе под дождем. С каждой минутой шансы попасть в машину уменьшались — очень редкие машины, да и народ за рулем провинциальный — не очень доверяет случайному попутчику. Всего в сорока километрах находился город Молёй, откуда можно было выбраться на катере из этого потопа.

Наконец притормозил мальчишка на «тойоте». По-английски говорит плохо, но ситуацию понял: включил обогреватель на всю катушку.

В Молёй — новый удар: все катера уже ушли, следующий только утром. Писал наличность — негусто, на гостиницу не хватит, если собираюсь ехать на катере. Узнал адрес самой дешевой ночлежки, но там разместились участники какого-то детского музыкального фестиваля. Выход один: ставить палатку возле города. Задача оказалась не из легких — вся земля частная, к лесу не подойти. Бродил между коттеджей, пока не встретил маленькую речушку, бегущую с гор через чей-то участок. В отчаянии поднялся прямо по берегу речушки и в надвигающейся темноте поставил палатку почти в чьем-то саду.

Утром быстренько встал, пока хозяева не обнаружили «постояльца», бросился к пристани — и... опоздал на первый пароход, который по цене был вполне доступен. Следом подходил катер на воздушной подушке, до Бергена, крупнейшего города побережья. Узнал о цене на билет и ужаснулся — не хватало 10 крон: были датские кроны, но на

размен не было времени — катер стоит пять минут. Стою у кассы и вдруг слышу:

— Проблемы? — вопрос задал изысканно одетый улыбающийся мужчина.

— Видите ли, — начал я, — дело в том...

— Я все понял, — сказал он, доставая бумажник, — сколько не хватает?

— Десятки, — выпалил я, чувствуя, что начинаю краснеть.

Он достал ассигнацию в сто крон:

— Держи.

— Подождите, — заспешил я, — я дам сдачу.

— Не валяйте дурака, молодой человек, с меня не убудет.

Уже на борту катера разговорились. Мой спаситель Райдер живет в Молёй, работает в рыбной промышленности.

— Должно быть, тебя удивил мой поступок, — сказал он, — просто я с первого взгляда понял, что парень в беде, и слава Богу, что все так просто разрешилось. Подумай о том, скольким людям на земле не поможешь стокроновой бумажкой.

Катер вилял между могучими скалами. Вот она — Норвегия фьордов. Теперь я понимаю старину Грига. Эти каменные арабески по берегам — готовая музыка. Остается только записать ее.

А потом был веселый яркий Берген — столица фьордов, как значитесь он в рекламных проспектах. Мы расстались с Райдером на пристани как старые друзья, пообещав писать друг другу.

К вечеру отъехал на 75 километров от Бергена. Снова проблема с местом для палатки — от дороги невозможно ступить в лес. Места курортные — все вокруг чье-то, все перегорожено. Пора привыкнуть: здесь нет ничьей земли, оттого и цветет все вокруг.

Пришлось совершить прогулочку в десять километров, пока не нашел удобную неогороженную полянку. Здесь и остановился.

Первая машина с утра — роскошный «фиат». Водитель, итальянский бизнесмен, страшно обрадовался, что я тоже иностранец в этой стране. Оказывается, чужбина сближает. Он ехал в Осло, и я решил — так тому и быть.

— Мне очень нравится ваш президент, — признался Марио, — он очень умный человек, потому что мой ровесник. Наше поколение очень умное.

Аргумент неоспоримый. Вообще Марио оказался неисправимым оптимистом.

— Попомни мое слово, — прорицал он, — не более чем через пять лет ваш рубль будет конвертироваться. Мы, европейские бизнесмены, просто не позволим, чтобы такой гигантский рынок существовал в вакууме. Это же какая прорва финансов вращается безо всякого смысла!

Дорога шла по берегу гигантского фьорда Харденгер, километров на двести врезавшегося в материк. В одном месте пришлось пересечь его на пароме, потом снова подъем на перевал, снова туннели. После перевала начался совершенно фантастический ландшафт, чем-то напоминающий лунный — рыхлее плато с причудливыми зелеными камнями. Совсем рядом сверкали ледники, играли на солнце бьющие отов-

сюду ручьи и речушки. Интересно, а кто-нибудь считал, сколько в этой стране водопадов?

В Осло я решил провести один день, так сказать, цивилизованно. Устроился в студенческую гостиницу, чтобы отмыться и отоспаться. В комнате шесть человек, компания подобралась интернациональная — два француза, американец, австралиец, немец и я.

К вечеру отправился на трассу. Пора домой.

Дождь усиливался, однако с машинами везло: третья машина шла через Пенгаген. Даже неинтересно стало.

Водитель — молодой фермер из Гамбурга по имени Энрик. Когда он сказал, что из Германии, я ради хохмы спросил: «Восточной или Западной?», хотя по марке машины все было понятно. Однако ответил он с достоинством: «Из Северной».

Энрик вел машину с ужасающей пунктуальностью, выполняя требования каждого знака.

— Мне надо быть к семи утра в Гамбурге как штык, — сказал он. — Дело в том, что я сейчас на военной службе, вернее, служба-то гражданская, но порядок есть порядок.

Совсем забыл, что в Европе существует альтернативная служба на благо гражданского населения. Обычно предлагают несколько профессий на выбор. Энрик выбрал место воспитателя детского сада. Полтора года с детьми, решил он, лучше девяти месяцев в казарме бундесвера.

Разговорились о его основной профессии, и оказалось, что фермер он непростой.

— Ты Рудольфа Штайнера читал? — спросил неожиданно он.

— Приходилось.

— Я закончил школу идей Штайнера, и очень многое оттуда мне пригождается в ведении хозяйства.

Вот тебе и раз — оказывается, лидер немецких теософов вдохновляет на выращивание люцерны. А мы все спорим — нужна крестьянам земля или нет, в то время как немецкие крестьяне уже ищут смысл своей работы в масштабе космоса.

Промелькнула шведская граница без остановки. Мы мчались по ночной Швеции, и словно на отматываемой назад киноленте появлялись памятные мне места: здесь простились с Матти, тут меня высадили Кристоферсен, а тут «голововали» вместе с поляками. А вот и ставший почти родным Хельсингборг.

Заканчивалась моя скандинавская Одиссея. Немного грустно было расставаться с этим милым полуостровом, похожим на застывшего в прыжке тигра. Я пытался сосчитать, сколько же километров я накатал за эти три недели. Получалось, что-то около четырех тысяч. Да разве дело в бухгалтерской отчетности, главное — этот край стал ближе, понятней, и очень хотелось, чтобы люди, живущие здесь, почувствовали такую же близость и к нашей многострадальной Родине, по рекам которой наши предки когда-то сообщали водили корабли «из Варяг в Греки».

ВЕЛИКАЯ АРМИЯ ИМПЕРАТОРА ХАНЬ

Китайцы, всегда интересовавшиеся своим имперским прошлым, могут гордиться новой находкой. Об этом сообщила английская газета «Обсервер». В марте 1990 года в 25 милях от города Шань, в Центральном Китае, во время дорожных работ на участке, равном приблизительно площади десятка футбольных полей, археологи обнаружили ряд склепов — часть погребального комплекса императора династии Хань-Цзынь, который правил с 157 по 141 год до нашей эры. Склепы оказались заполненными огромным количеством терракотовых фигурок¹.

Первая династия Хань, правившая в Китае с 210 года до нашей эры до 6 года нашей эры (вторая династия правила на протяжении следующих двухсот лет), и сегодня почитается в Китае как одна из величайших династий, и многие китайцы с особой гордостью продолжают называть себя «людьми Хань». То был период, когда укрепилась централизованная власть и самые образованные люди стремились стать государственными служащими — мандаринами, и на протяжении 200 лет это считалось делом чести. Императоры Хань неуклонно вводили культ Конфуция и пропагандировали его учение, что нашло отражение в системе государственного управления, литературе, искусстве, социальной структуре, определяло возрастной ценз правителя и закрепляло неравенство мужчин и женщин. Хань изобрели новую систему экономического давления, основой которой был жесткий контроль из центра за налогообложением и чеканкой денег. Императоры поощряли постепенное расселение своих подданных на юг, где они частично вытесняли неханьское местное население.

Правители Хань боролись с пограничными племенами, чтобы за-

щитить «шелковые пути» на запад и обезопасить от набегов внутреннюю часть страны. Джинга победил тех независимых правителей, которые угрожали центральной власти, и распространил влияние Хань вплоть до моря, омывающего полуостров Шаньдун, и дальше в центр Китая.

Между 155 и 145 годами до нашей эры Цзынь посадил на тропы побежденных царств четырнадцать своих сыновей. В международной политике император продолжал действовать так же, как и его предшественники — выдавал замуж своих принцесс за свирепых пограничных властителей. После его смерти закончилась и политика примирения, которой правители Второй династии Хань уже не придерживались.

По мнению английской газеты «Обсервер», в склепах находится более 10 тысяч терракотовых воинов. «Они около двух футов высотой, — сообщает газета. — Это обнаженные мужские фигуры, без рук, высеченные из красного камня. Работа весьма тонкая, и все фигурки разные: одни привлекательные, с легкими улыбками на губах, у других — высокие скулы и серьезный взгляд, некоторые смотрят с вызовом, иные — спокойно и удовлетворенно. Можно подумать, что когда-то они были живыми». Менее торжественные, чем знаменитые фигуры из Шаня, эти воины напоминают сегодняшних жителей Северного Китая.

Исследователи предполагают, что такие погребальные фигурки создавались для того, чтобы напоминать во время траура живущим о богатстве и силе покойного и о том, что с его смертью мощь правящего клана не уменьшается. Но что еще важнее — эти фигуры указывают на право первых императоров собирать огромное войско для распространения своей власти и как бы подчеркивают, что сами небеса покровительствуют армии императора.

¹ О более ранней находке глиняной армии «ВС» писал в 1987 г. в № 8: И.Можейко «Миг истории».

Карл МАЙ,
немецкий писатель

РОБЕР СЮРКУФ

Повесть

Э то было в день Рождества Пресвятой Богородицы¹ 1793 года. Уже несколько недель благословенные нивы Прованса жгло беспощадное солнце. Однако в этот день горизонт с самого утра затянуло плотными фиолетовыми тучами, желтые подбрюшья которых то и дело озарялись сверкающими зигзагами молний. Грозовые раскаты сотрясали прибрежные скалы, тысячекратным эхом отражаясь от вспененных гребней волн.

Хлынул проливной дождь, никакой плащ не продержался бы против него более минуты. Одна надежда — спасительный кров, и все живое давно попряталось под крыши. Лишь одинокий путник, промокший до нитки, отважно шагал по дороге, ведущей через виноградники и оливковые рощи к городку Боссе. Пропитанная дождем легкая летняя одежда плотно облепила его стройную крепкую фигуру, но это, казалось, ни в малой степени не смущало путника. Его молодежавшее лицо то и дело расплывалось в довольной улыбке, а танцующая походка была, ни дать ни взять, как у праздничного гуляки, которому вовсе незначителен куда-то торопиться.

На самом краю городка, у дороги, стоял небольшой дом. Над дверью его красовалась вывеска с полустертыми буквами: «Таверна дю руссийон». Не обращая внимания на дождь, путник не спеша подошел к дому, сдвинул шапку на затылок и внимательно стал разглядывать надпись.

— «Таверна дю руссийон», ишь ты! — воскликнул он. — Зайти, что ли? Может, там и в самом деле подадут настоящий руссийон²? Да нет, больно домишко-то неказистый. Пойду-ка я лучше дальше, мокрее все равно не буду. Вода — чудесный дар небес, только бы вино ею не разбавляли. Итак, решено, рулю дальше и якорь бросаю не раньше, чем на рыночной площади.

Не успел он, однако, повернуться, чтобы продолжить свой путь, как дверь отворилась и на пороге появился человек, в котором сразу можно было угадать хозяина таверны.

— Куда же это вы? — прогудел из-под сизого носа сплывший пропитой голос. — Хотите захлебнуться в этом ливне?

— Ничуть, — ответил путник. — Непогода меня не одолевает, разве что ливень из ваших бочек...

— Тогда заходите скорее, потому как, похоже, у нас одинаковые вкусы, а я не из тех, кто тревит добрых граждан дрянным вином.

— Ну что ж, поверю вам на слово и лягу в дрейф на пяток минут. О-ля-ля, а вот и новый парень на борту!

Последние слова он произнес, уже вступив в помещение и отряхиваясь, словно мокрый пудель. Хозяин придвинул ему стул, и путник уселся в ожидании обещанного вина.

Маленький зал таверны выглядел в высшей степени воинственно. Он был битком набит солдатами Конвента. Не считая последнего гостя и самого хозяина, там был один-единственный штатский — миссионер ордена Святого Духа. Священник тихонько сидел в уголке и, казалось, целиком ушел в свои думы, не замечая окружающих. Маленький и скромный, был он, видимо, наделен недюжинным мужеством: появиться в сутане среди дикой солдатни — для этого требовалась отвага. Во Франции в те дни все духовные ордена были упразднены, и от всех лиц духовного звания требовали присяги на верность республике. С теми, кто эту присягу отвергал, поступали как с мятежниками. И не приходилось сомневаться, что храбрость маленького миссионера при подобных обстоятельствах в любую минуту могла обернуться для него крупными неприятностями.

К столику еще не успевшего обсохнуть незнакомца, слегка пошатываясь, подошел пышноусый тамбур-мажор³.

— Эй, гражданин, откуда путь держишь?

— С верховьев Дюранса⁴.

— И куда же?

— В Боссе.

— Что тебе там надо?

¹ 21 сентября.

² Руссийон — сорт вина.

³ Старший полковой барабанщик в унтер-офицерском чине.

⁴ Река на юге Франции, впадающая в Рону.

— Навестить друга. Ты что-нибудь имеешь против этого?

— Хм-м-м! Может, и так, а может, и нет.

— О-о-о! — с едва скрываемой иронией протянул незнакомец. Он положил ногу на ногу, скрестил руки на груди и устремил на тамбур-мажора взгляд, в котором можно было прочесть все, что угодно, кроме восхищения. Этому молодому человеку было никак не более двадцати двух — двадцати трех лет, но высокий лоб, густые брови, властный взгляд, орлиный нос, энергично очерченный рот, крепкая загорелая не привыкшая к воротничкам шея, широкие плечи при гибком телосложении — все это произвело впечатление независимости, некоей необычности и невольно внушало уважение.

— Чему ты удивляешься, гражданин? — спросил унтер-офицер. — Уж не полагаешь ли ты, что к главной штаб-квартире в Боссе может пройти любой, кому заблагорассудится?

— Нет, не полагаю. А вот ты, гражданин тамбур-мажор, похоже, полагаешь, что тебе дозволено лезть к любому со своими расспросами?

— Молчать! Каждый солдат обязан охранять безопасность своей армии! Как твоя фамилия, гражданин?

— Сюркуф, — ответил спрошенный с легкой ухмылкой в уголке рта.

— Имя?

— Робер.

— Кто ты?

— Моряк.

— А-а-а, так вот почему ты, словно утка, столь беззаботно плескался там, на улице! Кто тот друг, которого ты хочешь навестить?

— Гражданин гренадер Андош Жюно.

— Андош Жюно, адвокат?

— Да, тот самый.

— Да это же мой добрый приятель! Откуда ты его знаешь?

— Мы встречались с ним в Бюсси-ле-Гран, где он родился.

— Точно! Ты не врешь, гражданин Сюркуф. Жюно служит в нашей роте. Я провожу тебя к нему. Но прежде ты должен выпить с нами.

— А что вы пьете?

— Здесь только один сорт, как на вывеске — руссийон. Вино крепкое, хотя и очень мягкое. Попробуй-ка!

Хозяин притащил большой кувшин своего фирменного напитка, и все солдаты дружно протянули стаканы, предвкушая удовольствие выпить за счет моряка.

После первого тоста Сюркуф предложил всем наполнить еще по стакану и снова выпить. Однако, заметив постную физиономию усомнившегося в его платежеспособности хозяина, он вытащил из кожаного бумажника пачку ассигнаций и швырнул ее на стол. Жест этот был встречен всеобщим ликованием: денег хватало с лихвой, и хозяин еще раз наполнил кувшин. На сей раз не обошлось вниманием и миссионера, которому до этого не перепало еще ни глотка. Тамбур-мажор подошел к его столику и потребовал:

— Встань, гражданин, возьми стакан и выпей за здоровье Конвента, выкинувшего папу римского из страны!

Священник поднялся и взял стакан. Однако вместо требуемого тоста тихо, но твердо сказал:

— Не для богоульства дал нам господь эту благодать. В вине — истина, и я не хочу произносить слова лжи. Я пью за здоровье святого отца в Риме, да хранит его небо!

Не успел он, однако, поднести вино к губам, как кулак тамбур-мажора вышиб стакан из его руки, так что осколки брызнули по полу.

— Что ты это себе позволяешь, гражданин святоша? — взревел унтер. — Ты что, не знаешь, что в нашей прекрасной Франции прежние святые отцы упразднены? Еще немного, и всех вас вышвырнут отсюда вон со всей вашей ерундой, в которую вы заставляли нас верить! Я приказываю тебе отказать от своего тоста!

— Погоди-ка, старина, — перебил тамбур-мажора другой солдат. — Зачем ты разбил его стакан? Гражданин хозяин, дай ему новый, да налей поплотнее! Этот поп явно из тех, что отказались от гражданской присяги. Вот мы и устроим ему сейчас проверку, и пусть он пеняет на себя, если ее не выдержит!

Хозяин принес требуемое. Тамбур-мажор втиснул в ладонь священника полный стакан и приказал:

— А теперь пей, гражданин, и кричи громко: «Да здравствует республика! Долой папу!»

Лицо миссионера побледнело, но глаза его сверкали. Он поднял стакан и крикнул:

— Да здравствует святой отец! Долой врагов Франции!

Полупьяная орава разразилась дикими криками, и десятка два рук потянулось к мужественному приверженцу своей веры, чтобы жестоко проучить его. Но не тут-то было: в ссору вмешался незнакомец. Никто и не заметил, как он подошел, только вдруг Сюркуф оказался перед священником, прикрыв его своим телом и крикнул с веселой улыбкой:

— Граждане, не сделаете ли мне одолжение?

— Какое?

— Будьте так добры, выжмите, пожалуйста, воду из моего бушлата, прежде чем посягать на этого божьего человека! Усмешка в глазах моряка и дружелюбность тона сбивали с толку, однако в глазах этих и в его тоне было нечто, что настораживало.

— Твой бушлат? — слегка растерянно спросил тамбур-мажор. — Что ты выдумал? Нам-то какое до него дело? Отойди-ка в сторонку, гражданин Сюркуф. Мы хотим вдолбить этому ханже литанию, да так, чтобы он до последних своих дней ее не позабыл!

— Разрешите мне, по крайней мере, хотя бы выпить с ним по доброму глотку.

Моряк взял из рук священника стакан и спросил:

— Как тебя зовут?

— Я зовусь братом Мартином, — ответил тот.

— Отлично, брат Мартин. Позволь мне выпить с тобой — за твоё здоровье, за здоровье всех мужественных людей, которые не боятся стоять за правду, за процветание прекрасной Бретани, моей родины, за здоровье моего отечества и здоровье всех достойных уважения служителей церкви!

Сюркуф поднес стакан к губам и осушил его до дна. Несколько секунд в комнате царила мертвая тишина, а потом разразился шторм. Все глотки орали, все кулаки сотрясали воздух, к моряку протискивались разъяренные солдаты, но долговязый тамбур-мажор широко расставил руки и отгеснил их назад.

— Стой, граждане! — прокричал он. — Этот человек, назвавший себя гражданином Сюркуфом, сдаётся мне, вовсе не моряк, а тайный эмигрант папы. Потому разложим-ка его на скамейке и расспросим хорошенько с помощью палки. А ну-ка — взять его!

Два дюжих солдата протянули было руки, чтобы схватить Сюркуфа, но тут же один из них отлетел в ближайший угол, другой — в противоположный, да так быстро, что никто и не понял, как это произошло. Крики ярости слились в один устрашающий рев, и вся осаневшая команда ринулась на приступ. Вдруг раздался громкий треск. Это Сюркуф отломал ножку от стола и принялся орудовать ею с таким проворством, что тотчас же двое нападавших с разбитыми головами повалились на пол, а остальные в беспорядке попятнулись.

— Ну, теперь убедилась, что я — моряк? — спросил Сюркуф. — Нам, корабельным парням, с вымбовкой¹ обходиться — дело привычное! И это ваша благодарность за то, что пили мое вино? Эх вы, трусы: отважились навалиться на двоих, когда вас больше трех десятков! Ну, подходите же и разложите Робера Сюркуфа на скамейке, если сумеете!

— Взять их! — вновь взревел тамбур-мажор.

Сюркуф снова пустил в ход ножку от стола, однако задние солдаты напирали на передних, и дела обороняющихся, пожалуй, сложились бы печально, если бы чей-то голос — резкий, повелительный — не прокричал вдруг с порога:

— Сейчас же прекратить! Что здесь происходит?

Снаружи, под окном, остановилась небольшая группа всадников, а в дверях таверны стоял тот, кто задал вопрос. Ростом он был невелик и сложением на первый взгляд довольно хрупок. У него было худощавое, резко очерченное лицо бронзового отлива, на широкий лоб надвинута обшита галуном треугольная шляпа, с плеч свисал мокрый плащ. Завидев этого человека, солдаты испуганно попятнулись и с глубоким почтением приветствовали его. На вид

¹ Деревянный или металлический рычаг, служащий для вращения шпилья (корабельного ворота) вручную.

этому человеку было не более двадцати пяти, безусое лицо его было неподвижно, как маска, только глаза властно сверкали из-под насупленных бровей, оглядывая теплую компанию, пока не задержались, наконец, на старшем по званию:

— Гражданин тамбур-мажор, доложи!

У того от страха на лбу выступили капли пота.

— Здесь поп, мой полковник, и еще папский эмигрант. Они нас оскорбили... — слегка запинаясь, начал тамбур-мажор.

— И на это вы ответили дракой! Который из них эмигрант?

— Тот, что с ножкой от стола.

— Откуда ты знаешь, что он эмигрант?

— Я подозреваю его в этом.

— Довольно, гражданин тамбур-мажор. С тобой все ясно. Теперь поговорим с эмигрантом.

Сюркуф сделал шаг вперед и бесстрашно посмотрел офицеру прямо в глаза.

— Мое имя Робер Сюркуф, гражданин полковник. Могу я попросить назвать и себя?

— Меня зовут Наполеон Бонапарт, — холодно и гордо прозвучал ответ.

— Итак, я — Робер Сюркуф, моряк, хотел пройти в Боссе, чтобы навестить своего друга Андоша Жюно, адвоката и гражданина гренадера. Я зашел сюда, велел подать вина за мой счет этим гражданам солдатам, и мы спокойно угощались, покуда они не потребовали от этого достойного священника, чтобы он выпил за погибель своего начальника, папы римского. Священник отказался, и тогда все решили его побить. Брат Мартин — человек мирный и защитить себя не может, поэтому я отломал ножку от стола и решил постоять за него. Вот граждане солдаты и посчитали меня за эмигранта. Но ведь каждый честный моряк всегда выступит в защиту того, кто без всякой причины подвергся нападению превосходящими силами: здесь есть еще много ножек от столов!

По лицу полковника¹ скользнула легкая улыбка, тотчас же, впрочем, погасшая.

— Гражданин тамбур-мажор, марш сейчас же со всеми остальными под арест! — приказал он солдатам.

Солдаты дружно отдали честь и потопали к двери. Затем полковник вновь обратился к оставшимся.

— Кто ты? — строго спросил он священника.

— Я — брат Мартин из ордена миссионеров Святого Духа, — скромно прозвучало в ответ.

— Все ордена упразднены. Ты принял гражданскую присягу?

— Нет. Моя присяга — едино на верность святой церкви.

— Ну, ладно, разберемся... — сказал полковник и, повернувшись к моряку, продолжил: — Сюркуф? Я уже где-то слышал это имя! Ах да, тебе знакомо название «Бегун»?

— Знакомо. Это английский посыльный корабль, который я должен был провести через рифы, имея, однако, умысел посадить его на мель, что мне и удалось.

Полковник окинул молодого человека беглым просветленным взором.

— Так, значит, это был ты? В самом деле? А знал ли ты, гражданин Сюркуф, что твоя жизнь висела на волоске?

— Да, знал. Но не вести же мне было врага в нашу гавань! Едва «Бегун» ткнулся в скалу, я тут же перемахнул через борт и благополучно добрался до суши, хотя пули вокруг моей головы жужжали, как пчелы. Англичане плохо стреляют, гражданин полковник, очень плохо!

— Ну что ж, не далее как через день мы выясним, правду ли ты сказал. А почему ты вступился за священника, который не пожелал принять гражданскую присягу?

— Потому что это был мой долг. Я — католик. Я даже выпил с ним за здоровье святейшего папы.

— Какая неосмотрительность! И зачем тебе это понадобилось? А что еще ты мне расскажешь, гражданин Сюркуф? Я вижу, ты тут покалечил несколько солдат.

— Да, ножкой от стола.

— Ну ладно. Дело будет расследовано, и виновные наказаны. Но вы оба — пока задержаны. Вас доставят в Боссе. А с другом своим Жюно, гражданин Сюркуф, ты увидишься, я обещаю.

¹ Звание «полковник» указано автором. Наполеон Бонапарт к моменту штурма Тулона был в звании капитана. (Прим. ред.)

Маленький офицер круто повернулся на каблуках и вышел из комнаты. Минуту спустя он скакал вместе со своими спутниками дальше: рекогносцировка продолжалась.

Меж тем в маленький зал вошли трое военных, объявившие, что будут сопровождать Сюркуфа и брата Мартина в Боссе.

— Не возражаю, — сказал Сюркуф. — Боссе — так и так — цель моего путешествия.

— А моего — нет, — отозвался брат Мартин. — Мне надо в Систерон.

— Ты сможешь пойти туда и завтра. А пока будешь моим гостем в Боссе. Но сперва мы выпьем с этими тремя храбрыми гражданами по стаканчику доброго вина. Этот русский мне определенно нравится. И потом, должен же я расплатиться за поломанный стол.

Боссе еще и сегодня¹ — маленькое местечко, насчитывающее едва ли три тысячи жителей. Там занимаются выделкой шерстяных тканей, а в окрестностях производят доброе оливковое масло и отличное красное вино.

После непродолжительного марша по расквашенной под дождем дороге обоих задержанных привели к дому, где расположился со своим штабом главнокомандующий, генерал Карто, и заперли в узкой темной камерке, единственное окошко которой было закрыто ставнями.

— Ну вот, тут мы и бросим якорь, — сказал Сюркуф. — Жаль только, что нет здесь ни подвесной койки, ни перины. Впрочем, не стоит расстраиваться — ведь все равно нам на этих коечках не поваляться: надо думать, нас скоро выпустят.

— Я на это не надеюсь, — вздохнул брат Мартин.

— Нет? Почему?

— Ты что, не знаешь, гражданин Сюркуф, что сейчас во Франции нет большего преступления, чем противиться воле Конвента? Я вижу, что настали для меня черные дни, но все равно останусь верен своему обету.

Сюркуф схватил своего товарища по несчастью за руки и горячо, взволнованно, совсем иным тоном, чем до сих пор, сказал:

— Господь да воздаст тебе, брат Мартин! Нашему отечеству нужны такие люди, которые идеи свои чтут выше, чем сиюминутные политические выгоды. Не за горами время, когда Франции потребуются сильные души и крепкие руки, чтобы наш народ занял достойное место среди других наций. Будут великие битвы, прольются реки крови, будет титаническая борьба одного против всех. Не вешай нос, брат Мартин! Надо быть бодрым и веселым, надо заранее готовиться к боям, чтобы каждый знал, где его место, когда придет время померяться силами. Я — сын отечества, и мой долг оставаться верным ему во всех бедах и опасностях. Поэтому я предложил родине свои услуги, но мне отказали. Теперь я еду в Тулон, чтобы сделать последнюю попытку. Я поговорю с этим полковником Бонапартом, может, и добьюсь здесь того, что в других местах у меня не получилось.

Священник удивленно посмотрел на моряка. Этот молодой человек прямо на глазах стал совсем иным: веселый, беззаботный юнец превратился вдруг в зрелого мужчину, чьи глаза пророчески всматривались в даль, чьи вдохновенные слова зажегали душу, чьи помыслы были направлены к великой цели.

Дверь отворилась. Вызвали Сюркуфа, чтобы отвести его к генералу. Вернулся он не скоро. Потом увели брата Мартина. С ним разобрались быстро. Его спросили, готов ли он принять гражданскую присягу, и, когда он решительно отказался, сообщили, что вынуждены поступить с ним, как с изменником. И Сюркуф поинтересовался, что он намерен теперь предпринять.

— А что я должен предпринимать? Я — человек слова, но не меча. К сожалению, сейчас слово пресекается мечом. Со мной будет то же, что и со многими другими — меня отправят в Париж, а там, сам знаешь...

— Этого не случится, не будь я Робер Сюркуф!

— Как ты сможешь мне помочь? Ты ведь и сам — арестант!

— Теперь уже ненадолго. Генерал хотел только удосто-

вериться — эмиссар я или нет. Стоило ему выяснить, что я честный моряк, речь пошла лишь о тех легких тумачах, которыми я сдерживал натиск добрых граждан солдат. Об этом, однако, как мне дали понять, должен еще высказаться полковник Бонапарт. Итак, я скоро буду на свободе.

— Ни один человек не может с уверенностью ничего сказать даже о завтрашнем дне... — начал было брат Мартин, но договорить не успел.

Дверь снова отворилась, и в камеру вошел гренадер, в котором Сюркуф узнал своего друга Жюно. В этот день он был еще простым солдатом, но вскоре станет уже сержантом. При обстреле Тулона Наполеон диктовал ему приказ, и рядом с ними о землю ударились пушечное ядро и обдало грязью бумагу.

— Великолепно! — вскричал Жюно. — Теперь не надо присыпать чернила песком!¹

Эти слова понравились Наполеону, и он никогда больше не упускал Жюно из вида. В 1804 году Жюно стал уже дивизионным генералом и комендантом Парижа.

Гренадер этот, и не помышлявший даже о том, что будет некогда носить герцогскую корону, очень обрадовался встрече со своим другом Сюркуфом. Он узнал, что тот хлопотал о должности на военном флоте и что генерал Карто тоже отказал ему в этом. Жюно не мог сделать для друга ничего, кроме как хоть немного скрасить его арестантское бытие: он позаботился о еде, питье и свечах. Затем он предоставил обоим своей судьбе.

Лишь к вечеру следующего дня пришел ординарец, которому было приказано доставить моряка к Бонапарту. Полковник находился не в Боссе, а за пределами городка, на позиции, с которой обстреливали укрепления Тулона.

Этот город предательски капитулировал перед объединенной англо-испанской эскадрой под командованием адмирала Худа, и Конвент прилагал колоссальные усилия, чтобы отбить обратно этот крайне важный плацдарм. К сожалению, генералы Карто и Доппе оказались к этому не способны. И не удивительно — первый был художником, второй — врачом. Им бы в студию или в лазарет, там они были бы на месте, а не здесь, перед мощными вражескими укреплениями первоклассной крепости. Потому-то и послали им на помощь молодого Наполеона Бонапарта.

Когда привели Сюркуфа, маленький корсиканец был занят выяснением отношений с генералами.

— И тем не менее я не могу отказаться от своего убеждения, — настаивал он. — Если мы будем продолжать в том же духе, то и через пять лет все еще будем впустую топтаться у Тулона. Что стоят наши полевые пушки против огневых стволов крепости и флота! Нам совершенно необходимо как можно скорее доставить сюда мощные осадные орудия из Марселя и других гарнизонов. Мы должны не только обстреливать городские укрепления, но и, прежде всего, забрасывать вражеские корабли раскаленными ядрами. Стоит нам уничтожить или прогнать из гавани флот, городу долго не продержаться. Передайте мне всю полноту власти, и я ручаюсь, что Тулон через две недели будет в наших руках!

— Только без горячки! — надменным голосом ответил Карто. — Даже если флот уйдет, где мы возьмем средства для подавления таких оборонительных сооружений, как форты Мальбоскет, Баланье и Эгильет?

— Прежде всего необходимо доставить орудия и заряды, усилить осадную армию до сорока тысяч человек и обеспечить эти подкрепления необходимым припасом. Я еще не разведкал как следует местность, но уверен, что тыщью позицию, господствующую над вражескими укреплениями, с которой мы сумеем подавить неприятеля.

Услышав эти слова, Сюркуф подскочил к офицерам и радостно сказал:

— Простите, граждане, но такая позиция уже найдена!

Карто соорбил брезгливую гримасу, Доппе гордо отвернулся, Наполеон же, окинув моряка пытливым взглядом, заметил:

— Очень уж ты смел, гражданин Сюркуф! Когда говорят офицеры, все остальные молчат. Особенно если они — арестанты. Так какую позицию ты имеешь в виду?

¹ В те времена не было промокатальной бумаги, и вместо нее использовался сухой песок.

¹ Повесть написана в 1881 году. (Прим. ред.)

— Посмотри-ка вон на то место между двумя городскими гаванями, гражданин полковник. Если ты его займешь, то сможешь обстрелять любой вражеский корабль. А через два-три дня падет и город, стоит только разрушить оттуда из двадцатичетырехфунтовых орудий и мортир его передовые укрепления. Прикинь-ка, ведь с того места легко бомбардировать и форт Мальбоскет.

Бонапарт приложил к глазу подзорную трубу и внимательно осмотрел указанный Сюркуфом участок, потом опустил трубу и долго глядел на горизонт. Ни один мускул не дрогнул на его бронзовом лице. Затем он резко обернулся к обоим генералам:

— Этот человек прав, абсолютно прав. Я прошу вас, граждане генералы, как можно быстрее последовать его совету, который я и поддерживаю со всей убежденностью.

— Последовать совету арестанта! — воскликнул Карто. — Стыдись, гражданин полковник!

Это было явным оскорблением, но Наполеон и глазом не моргнул, только голос его зазвучал резче и энергичнее:

— Разумеется, я стыжусь, месье, но отнюдь не поданного вам совета, а того, что до сих пор сам не смог отыскать позицию, которую этот гражданин определил с первого взгляда. Я имею обыкновение принимать любой полезный совет, от кого бы он ни исходил, и прошу вас как можно быстрее занять указанную позицию и по возможности укрепить ее. Если англичане опередят нас, то осада будет стоить нам колоссальных жертв.

— Полковник! — вспыхнул Карто. Он пытался еще что-то сказать, но Дюппе схватил его за рукав и потянул прочь. Бонапарт мрачно смотрел им вслед.

— И все-таки будет так, как я хочу, — пробормотал он себе под нос и, обернувшись к Сюркуфу, продолжил: — Твой план хорош, гражданин, я благодарю тебя. Но откуда у тебя, матроса, такая прозорливость?

— У матроса? — рассмеялся арестант. — Вернее сказать, у моряка. Что ж, моряк должен разбираться в стратегии и тактике не хуже сухопутного офицера. Рад, что имею возможность поговорить с тобой, гражданин полковник. Я твой арестант, и, вероятно, ты накажешь меня за то, что я набил шишки несколькими вздорным парням. Я приму это наказание, но когда его отбуду, хотел бы снова встретиться с тобой, чтобы обратиться с просьбой.

— Говори сейчас.

— Сейчас — нет. Сначала я должен отбыть наказание.

Бонапарт слегка нахмурил брови:

— В твоем возрасте ведут себя скромнее, особенно если имеют намерение начать достойную жизнь.

— Эх, гражданин, — не давался моряк, — ты-то, выходит, начал ее прямо с полковника: ведь мы с тобой, похоже, почти ровесники.

Наполеон оставил реплику без внимания и продолжил дальше:

— Ты, разумеется, заслуживаешь наказание за то, что поднял руку на солдат Конвента. Однако за добрый совет, который подал, тебя следует простить. Ну а теперь ты, надо полагать, не замедлишь высказать свою просьбу, гражданин Сюркуф.

— Благодарю, гражданин полковник. Моя просьба кратка: дайте мне корабль.

Маленький корсиканец удивленно посмотрел на моряка.

— Корабль? — с сомнением в голосе спросил он. — Для чего тебе корабль и где я его возьму?

— Прочти сперва эти бумаги!

Сюркуф вытащил свой бумажник, достал из него несколько снабженных печатями документов и подал их Наполеону. Тот прочел их один за другим и с задумчивой миной протянул обратно.

— Отлично! — кивнул он моряку. — Немногие люди твоего возраста могут похвастаться такими аттестациями. Ты умен и отважен. Конвенту нужны такие люди, и он, определенно, должен держать тебя на примете.

— Ха, Конвенту нет до меня никакого дела.

— Ты был в Париже?

— Да, я там был. Еще я был в Гавре, в Нанте, в Ла-Рошели, в Бордо и Марселе. Я был у всех морских властей, вплоть до министра. И везде слышал только одно: «Ты нам не подходишь».

— Значит, твои аттестации показались им сомнительными.

— В них все верно, но люди, у которых я был, плавают в тумане, не желая раскрыть глаза. Я делал все, чтобы они прозрели. Я рассказывал им о своих замыслах, всячески пытался приподнять завесу над будущим — они предпочли остаться слепыми.

Теперь смеялся Бонапарт. Смеялся как великан, слушающий рассказ пигмея о великих делах.

— И что же это за планы, которыми ты пытался их захватить? — спросил он.

— Это — соображения простого человека, не желающего обманываться иллюзиями. Республиканская форма нашего правления находится в противоречии с формами правления окружающих нас стран. Наши интересы враждебны их чаяниям, и мирным путем компромисса здесь не достигчи. Да и внутри самой республики имеются еще тысячи неукротимых сил, и одна-единственная такая сила в мгновение ока может снести еще незаконченную постройку. Франции предстоят великие битвы, битвы с внешними врагами и битвы — с внутренними. Стране нужны сухопутные и морские силы, которые могли бы не только обеспечить надежную оборону, но и перейти в случае необходимости в наступление. У нас есть смелое войско и хорошие генералы, но вот чего мы не имеем, так это сильного флота. Моряков во Франции достаточно, одна республике не хватает военных кораблей и морских офицеров, способных проучить наших воинственных врагов.

— И ты, разумеется, именно такой офицер? — прервал его Наполеон.

— Да, — без ложной скромности ответил Сюркуф. — Дайте мне корабль, и я докажу, на что способен.

— Ты слишком заносчив, и я полагаю, что те, к кому ты обращался, сочли твои слова за бахвальство. Умеющий управлять лодкой далеко еще не гений морских батальи.

В голосе Наполеона звучало легкое пренебрежение. Сюркуф почувствовал это и заговорил резче, чем прежде:

— Гражданин полковник, ты говоришь со мной так, потому что видишь: я слишком молод, чтобы заседать в совете старейшин. Плох тот человек, который мнит о себе больше, чем он есть. Но еще хуже тот, кто не знает, на что способен. Если художник или врач может стать генералом, почему моряк не может вести корабль? Мы живем в такое время, когда все рушат, чтобы создать новое. Битвы, навстречу которым мы идем, потребуют молодых сил. Я чувствую в себе такую силу. Почему же мне отказывают?

— Потому что ты должен сначала заслужить то, чего домогаешься. Что ты совершил для государства? Возможно, ты и в самом деле хороший моряк, но морским властям ты неизвестен, а потому и не можешь ожидать, чтобы тебе доверили корабль, не познакомившись с тобой предварительно как следует.

— Гражданин Бонапарт, я француз и останусь им, хотя мне и передавали предложение англичан, обещавших исполнить мое желание. Но я всегда буду сражаться только за мое отечество, и никогда — против него. Однако, если мне не дадут корабль, я сам добуду его!

— Это всего лишь бесплодные мечты! — снисходительно улыбнулся Наполеон.

— Робер Сюркуф — не мечтатель, гражданин полковник! Ты — последний, на кого я возлагал свои надежды. Дай мне хотя бы маленькое суденышко. Я сделаю из него брандер, и ты увидишь, как я взорву вражеский флагманский корабль!

— Здесь, в тулонской гавани?

— Да!

— Ну вот теперь-то я уже доподлинно убедился, что ты мечтатель. Иди, гражданин Сюркуф: мы не нуждаемся в твоей службе.

— Это твое последнее слово?

— Последнее.

— Ну что ж, видит Бог, я хотел как лучше. А теперь я могу действовать только на свой страх и риск. Скоро настанет время, когда Франции потребуется человек, способный взметнуть над морями победоносный флаг, но этого человека не будет. Тогда вспомнят о гражданине Сюркуфе и позвонят ему, но он не придет на этот зов.

— Лихорадка переходит в бред! Никогда тебя не позвонят, никто о тебе не вспомнит. И будь у меня право решать, я не высказался бы в твою пользу. Франции нужны мужчины и

ясные головы, а не мальчишки и фантазеры. Сегодня с тобой еще говорят, а завтра — уже позабудут.

Сюркуф подошел к офицеру и тяжело опустил руку на его плечо.

— Гражданин Бонапарт, мне не хочется платить тебе той же монетой. Скажу откровенно, я считаю тебя человеком, которому предстоит великий путь. И на этом пути тебе еще повстречается Робер Сюркуф. Тогда ты и пожалеешь, что так быстро позабыл о нем.

ОТВАЖНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

Вечером того же дня священник сидел один в камере. Ему сказали, что его спутник — на свободе и назад не вернется. Снаружи доносились громовые раскаты оружейной пальбы — обстрел Тулона продолжался и в темноте. Со двора слышались мерные шаги часового.

В улочках Боссе, особенно перед штабом, собирались кучками солдаты и делились мыслями о ночной канонаде. Всем было ясно, что с приходом полковника Бонапарта в осадной армии воспрянул боевой дух. У людей появилась надежда на скорый успех.

Звеня шпорами, улицу пересек офицер. Он вошел в дом, протопал по коридору, ведущему во двор, открыл дверь и оказался прямо перед караульным.

— Как тебя зовут, гражданин солдат? — коротко и резко спросил он.

— Этьен Жерар, — ответил тот, отдавая честь.

— Ну так вот что, гражданин Жерар, отвори дверь, что ведет к арестанту, да поживее!

Солдат повиновался без всяких возражений. Офицер остановился у порога и приказал священнику:

— Гражданин Мартин, следуй за мной! Тебе выпала честь предстать перед генералом, он желает поговорить с тобой там, на позиции.

Арестант поднялся и послушно вышел из камеры. Офицер сунул солдату в руку запечатанный пакет:

— Здесь расписка, что я принял у тебя арестованного, гражданин Жерар. Ты отдашь ее в собственные руки гражданину полковнику Бонапарту, как только он вернется. А теперь можешь покинуть свой пост.

Офицер и священник вышли на улицу и, мимо собравшихся возле дома солдат, направились к городку. Однако, отойдя подальше, офицер сменил направление и повернул налево, в поле, где, наконец, и остановился.

— Гражданин Мартин, ты стоишь перед своим судьей, — сказал он тем же, что и прежде, строгим голосом.

Священник сверкнул глазами.

— Ты? — спросил он. — Ты хочешь судить меня?

— Да. Но я справедливый судья. Я отпускаю тебя на свободу, — ответил офицер и совсем уже другим тоном, смеясь, добавил: — Надо же, даже добрый брат Мартин, и тот меня не узнал!

Услышав этот голос, священник встрепенулся.

— Сюркуф, Робер Сюркуф! Не может быть! — воскликнул он.

— П-с-с-т, тише! — предостерег его тот. — Там же люди, они могут заинтересоваться нами.

— Но как ты добрался до меня? В этом мундире? Ты представляешь, сколь рискованна твоя игра?

— Рискованна? Ба-ба-ба! Эти господа — художник и врач, разыгрывающие из себя генералов, мне не опасны, а вот маленького полковника Бонапарта надо слегка остерегаться... Ты спрашиваешь, как я до тебя добрался? Ты что же полагаешь, Робер Сюркуф способен оставить в беде доброго приятеля? А-а-а, этот мундир? Ха-ха! Посмотри внимательно. Это же сюртук таможенного чиновника, который снял его, поскольку на эшафоте он ему не нужен. У меня много друзей и знакомых, на которых я могу положиться. Теперь я пойду в Тулон, чтобы поглядеть, что там творится.

— Не делай этого! Ты рискуешь жизнью!

— Не волнуйся за меня. Я и сам знаю, чем рискую. Сейчас речь идет о тебе. Ты — свободен. Куда думаешь теперь направиться?

— До встречи с тобой я имел намерение добраться до итальянской границы. Там бы обо мне позаботились.

— Ты должен действовать наверняка. У меня тут есть не-

сколько надежных парней, которые доведут тебя до Фрежюса и устроят на судно.

Сюркуф негромко свистнул, и тут же из темноты вынырнули две фигуры.

— Это брат Мартин, ребята. Я поручаю его вам и уверен, что с вами ему ничего не грозит... Давайте мою куртку, а этот сюртук заберите обратно. А теперь попрощаемся. Мы оба покидаем эту страну, и дороги наши скорее всего никогда больше не сойдутся.

— Господь да благословит тебя, сын мой. Я...

Он не успел договорить, потому что Сюркуф уже растворился в ночной темноте, услев, однако, прежде сунуть ему что-то в руку. Священник определил на ощупь, что это — деньги. Друзья Сюркуфа потянули его за собой, и он безропотно зашагал вместе с ними.

Полчаса спустя в штаб вернулся с позиции Бонапарт, и Этьен Жерар поспешил вручить ему пакет. Это и в самом деле была расписка. Она гласила:

«Гражданину полковнику Бонапарту.

Настоящим подтверждаю, что я действительно принял моего товарища по заключению брата Мартина. Я дал ему свободу, чтобы он мог избежать несправедливого суда и чтобы доказать полковнику Бонапарту, что гражданин Сюркуф способен не только на мечты, но и на поступки. Он пообещал добыть себе корабль, если ему не дадут, и он сдержит свое слово.

Робер Сюркуф».

Бонапарт велел солдату подробно доложить, как все произошло, а потом долго смотрел на четкие строки письма. Следует ли наказывать обманутого часового? Нет. Он молча кивнул, и Жерар, повернувшись кругом, удалился. Принимать меры к поимке беглеца? Не имеет смысла. У него, Бонапарта, много других дел, куда более важных, чем не сулящее никаких выгод водворение беглого арестанта обратно в камеру. Оба генерала на захват позиции, предложенный Сюркуфом, не согласились. Куда умнее оказались англичане: разобравшись наконец в значимости этой местности, они бросили туда четырехтысячный отряд, который немедленно возвел там оборонительные сооружения. Укрепления эти были столь сильны, что позиция тут же получила название Малый Гибралтар.

Разъяренный этим промахом, Бонапарт направил запрос Конвенту, в результате чего в ноябре верховное командование передало отважному и рассудительному Дюгомье. Тот понял, какого стратега обрел в маленьком корсиканце, и охотно прислушивался к его предложениям. В обстановке полной скрытности были проведены необходимые приготовления, на которые ушло добрых три недели. Затем началась трехдневная ужасающая бомбардировка Малого Гибралтара, завершившаяся успешным штурмом.

Жителей города охватила паника. Многие из них участвовали в восстании против Конвента и приветствовали англичан, когда их флот вошел в Тулон. Теперь, когда оборона города затрещала, они растерялись. Комендант Тулона О'Хара прилагал колоссальные усилия, чтобы отразить атаки осаждающих. Однако, когда Малый Гибралтар пал, он понял, что все его потуги тщетны. Невозможность удержать Тулон признал и командующий английским флотом адмирал лорд Худ, отдавший кораблям приказ покинуть гавань. Теперь флот стоял во внешнем рейде, принимая на корабли солдат и тех жителей, что скомпрометировали себя сотрудничеством с англичанами. Почти четырнадцать тысяч человек стремились покинуть город, чтобы избежать мести Конвента, от которого, как было известно, милосердия ждать не приходилось.

В узком переулке неподалеку от внутренней гавани разместилась таверна, посещаемая только чистой публикой. Всякий сброд хода сюда не имел: дядюшка Кардитон, так звали хозяина таверны, был человеком солидным и умел держать портовую голь на почтительном расстоянии. Вечером, накануне штурма Малого Гибралтара, в таверну вошел незнакомец. Одет он был в мундир английского матроса и

вел себя с присущей этим людям бесцеремонностью. Он уместил грязные ноги на покрытый белой льняной скатертью стол и, изрыгая многоэтажные проклятия, потребовал хозяина.

Дядюшка Кардитон приблизился к столику и вежливо осведомился о желании гостя.

— Вина! — рявкнул тот.

— У вас есть с собой посуда?

— Что? Здесь нет стаканов?

— Для гостей имеются. Но при продаже на вынос каждый приходит со своей посудой.

— И кто же вам сказал, что я хочу взять вино с собой? Я — гость и буду пить здесь.

— Если вы хотите выпить моего вина, вам придется все же взять его с собой, потому что выпить его здесь вы не сможете. Тот, кто желает быть моим гостем, должен вести себя так, чтобы мне за него не было стыдно.

— Та-а-а-к! А за меня вам, значит, стыдно?

— Разумеется. В моем доме ноги держат под столом.

— На что спорим: я оставлю ноги там, где они сейчас, а вы все же будете рады принять меня!

— И не подумаю. Прошу вас немедленно покинуть мой дом.

— Даже если меня пригласили сюда?

— Кто же это?

— Робер Сюркуф.

— Сюркуф? Англичанина? А-а-а, здесь что-то не то. Позвольте, я принесу вам стакан.

— Ну, кто был прав? — чужеземец рассмеялся. — Теперь я вижу, что пришел по правильному адресу, и буду вести себя более благовоспитанно. Не беспокойтесь, дядюшка Кардитон, я не англичанин, я — бретонец. Мне пришлось переодеться в этот мундир, чтобы пробиться сквозь вражеские посты. Сюркуф здесь?

— Здесь. Как мне ему вас назвать?

— Берт Эрвийяр.

— Эрвийяр! — радостно воскликнул хозяин. — Почему же ты мне сразу не сказал?

— Мне хотелось убедиться, действительно ли ты такой ворчун и брюзга, как о тебе рассказывают!

— Неплохо придумано, только очень уж я не выношу англичан... Где тебя отыскала наша шлюпка?

— В Тропэ. Сюркуф точно знал, что я там. У него есть какой-то план?

— Не знаю. Он очень скрытен, и я не стал бы порицать его за это.

— Насколько я его знаю, у него определенно есть что-то на примете. Я всего два часа здесь, но уже знаю, что буду делать. Я видел, к примеру, бригантину — стройную, нарядную, как голубка, и стремительную, как сокол. У нее двадцать пушечных портов, и, похоже, она только что сошла со стапеля. Вот это был бы приз, а?

Хозяин ухмыльнулся.

— Ты имеешь в виду английскую «Курочку», что стоит там на якоре? Да, чудесный корабль! Очень даже не худо было бы переименовать его по-французски. Впрочем, как знать... Сюркуф говорит, что ему это не составило бы большого труда, с твоей, конечно, помощью. Я думаю, он предложит тебе должность старшего офицера. Пойдем, я провожу тебя к нему.

Разговаривали они не таясь, потому что в таверне никого не было. Хозяин провел Эрвийяра вверх по лестнице, а когда вернулся в зал, его ожидали гости — пришла целая группа портовых рабочих. Немного спустя вошел еще один мужчина и, пройдя с гордым видом по залу, скрылся в задней комнате, предназначенной для капитанов и штурманов. Это был рослый кражистый человек с одутловатым лицом того «спиртного» оттенка, который частенько встречается у любителя крепких напитков. Был он здесь не иначе как завсегдатаем: не дожидаясь заказа, хозяин сразу же принес ему большой стакан коньяка. С гостем он был весьма уважителен, хотя внимательный наблюдатель заметил бы, вероятно, что в глазах его теплится какой-то плутовской огонек, наводящий на подозрение, что вся эта почтительность не более чем маска.

— Ну? — коротко спросил гость, высосав содержимое стакана.

— Я проверил, коммодор, и...

— Тихо! — рявкнул тот. — Совсем незачем кому-то знать, кто я такой. Так, значит, ты проверил?

— Да. Все идет как нельзя лучше.

— Так я и думал.

— Вам надо только позаботиться о рабочей силе. Пробрить стену очень трудно, а время у нас ограниченное.

— Это верно. Не знаешь ли ты кого, кто мог бы мне помочь?

— Нет. И вообще я хотел бы выйти из игры. Я ничего не знаю, и — все тут. Понятно вам? Ведь я остаюсь здесь. А не то — мне несдобровать.

— Тогда надо подумать. Где же мне взять людей? Эти граждане с палубы стреляют так метко, что я уже потерял часть своих атросов. Сколько человек потребуется?

— Думаю, десятка четыре хватит.

— А у меня всего двадцать! И вообще мне нужно пополнить палубную команду, а здесь никого не заманишь. Нет ли у тебя кого на примете, кто бы согласился ко мне наняться? Я заплачу за каждого по гинее.

— Гм-м-м... Есть тут один... так и норовит побыстрее убраться из страны. Может, его?

— Это мне нравится. С такими людьми дело иметь лучше всего. Где этот парень?

— Вообще-то он здесь, в доме. И, если не ошибаюсь, у него есть несколько приятелей, которых тоже можно уговорить.

— Так давай его скорей сюда, у меня мало времени. Только принеси-ка мне раньше бутылку коньяка: добрый глоток делает таких людей сговорчивее.

Хозяин принес коньяк, поднялся по лестнице на второй этаж и легонько постучал костяшкой пальца в потайную дверь. Дверь отворилась. В маленькой комнате были Сюркуф и Эрвийяр.

— Капитан здесь, — сообщил хозяин. — Считайте, он у нас на крючке. Ему нужны матросы, и он обещал мне по гинее за каждого, кого я ему раздобуду.

— Английская «Курочка» — самая нарядная бегунья по волнам из всех, какие мне довелось видеть, а потому она должна стать нашей, — сказал Сюркуф Эрвийяру. — Командует ею коммодор Уильям Хартон. Он допустил большие оплошности по службе, за что ему и доверили всего лишь бригантину. И вообще он не честный моряк, а жулик, которому мы должны дать по рукам. Он знает, что Тулон не выстоит и что весь флот через несколько дней покинет гавань. Перед этим он хочет отблать одно дельце, что нам очень кстати. Дом нашего дядюшки Кардитона опирается прямо в стену Восточного банка, в подвалах которого, как полагают, хранятся весьма значительные суммы. Так вот, этот самый почтенный коммодор осторожненько завел с дядюшкой Кардитоном разговоры, что неплохо бы, дескать, воспользоваться этими денежками, а то все равно пропадут во время штурма. Кардитон для вида согласился, и тогда они порешили проникнуть в подвалы банка из таверны. Это должно произойти в ночь перед уходом флота из гавани. У дядюшки Кардитона, разумеется, ничего не найдут, потому что полагающуюся ему долю коммодор обещал вывезти в Барселону. Что ты скажешь на все это, Берт Эрвийяр?

— Скажу, что все это — чудовищная глупость. Чтобы наш дядюшка Кардитон да пошел на такое дело!

— Верно. Я думаю, что этот коммодор пропил свой распуск, и это очень выгодно для нас. Чтобы одолеть стены, нужно много рабочих рук. Ему придется взять для этого всех своих людей, и на бригантине их останется, стало быть, совсем ничего. Тут-то мы и будем действовать.

— А наших-то достаточно?

— Не беспокойся. У меня есть brave парни, которые явятся сразу, как только потребуются. Хочешь записаться в команду, Берт? Попади ты с несколькими моими мальчишками на палубу бригантинки, и предприятие, считай, наполовину уже удалось.

— Я готов.

— Тогда не теряй времени. В этом английском мундире тебе к нему идти, понятно, нельзя. Скажи ему, что у тебя тут неподалеку есть кое-кто из приятелей, которые тоже с большой охотой имели бы несколько миль воды между собой и Францией. Лучше всего, если он примет вас за береговых крыс: меньше у него будет подозрений. Возьми у дядюшки Кардитона другую одежду и спускайся в зал.

Рис. Н. КРИВОВА

Не успел Сюркуф договорить, как над городом и рейдом раскатился орудийный гром: Бонапарт начал бомбардировку Тулона. Всю ночь не утихал обстрел, а наутро войска Конвента пошла на приступ. Еще не рассвело, когда Дюгомье и Наполеон повели свои колонны на штурм Малого Гибралтара. Ружейная пальба и картечь англичан наносили французам столь большой урон, что Дюгомье, слышавший дотоле неустрашимым, со словами: «Мы проиграли», — приказал трубнуть отступление. Наполеону все же удалось пробиться сквозь смертоносный свинцовый дождь и ворваться во вражеские редуты, и вскоре Малый Гибралтар был в его руках. Затем он столь же успешно штурмовал форты Баланье и Эгильет, и это произвело на депутатов Конвента столь большое впечатление, что они публично высказали ему свою благодарность. Этот день стал переломным в его карьере: со ступени, на которую он поднялся, было рукой подать до консульского поста, а оттуда — до императорского трона.

Адмирал Худ покидал Тулон. Сначала подняли якоря большие корабли, за ними последовали и меньшие. Рейды и море кишели шлюпками и разномастными судами, доставлявшими на корабли эскадры войска и удирающих из Тулона жителей. А обстрел крепости меж тем не прекращался. Земля содрогалась от орудийного грома, хлесткие удары тысяч весел вспенивали море, воздух раскалялся от бесчисленных выстрелов, без перерыва рвущих тишину со всех румбов. Город лихорадило. Ни на улицах, ни в домах никто не был в безопасности. Те, что боялись прихода республиканцев, удирали, остающиеся же забаррикадировались в своих домах из страха перед мародерами, в одиночку и целыми шайками вышедшими на свой разбойный промысел.

Корабли, все еще стоящие на внутренних гаванях, оказались против укреплений, находящихся теперь в руках французов. Часть из них артиллерия Наполеона пустила на дно. Остальные с нетерпением ожидали наступления ночи, рассчитывая уйти под ее покровом из-под губительного огня. Среди них была и бригантина «Курочка».

Когда наступил вечер, коммодор Хартон явился к дядюшке Кардитону. В таверне было пусто. Покидать своих близких ради привычного стаканчика ни у кого в этот час не было ни времени, ни желания.

— Ну как, все в порядке? — спросил хозяина Хартон.

— Как договорились.

— А там, в банке?

— В верхних помещениях поставили сторожей, но вниз они не спускаются. Впрочем, канонада столь оглушительна, что никому вашу работу все равно не услышать. Людей-то у вас достаточно?

— Да. Отпирайте подвал, они сейчас подойдут. А дальше уж не ваше дело.

— Вот ключ. И клянусь, что кто-кто, а уж я вам докучать не буду. Скажите мне только еще, как с теми парнями? Берете вы их на борт?

— Да, одиннадцать душ. Правда, очень уж они зеленые, в матросском деле вовсе не сведущие, в море идут только потому, что земля под ногами горит. Но я рад тому, что хоть таких получил. Другим из этого не досталось, а «девятихвостка»¹ — лучший учитель.

— На сегодняшнюю операцию вы их с собой, надеюсь, не взяли?

— Еще чего! Ненадежные они для этого, вот что я вам скажу. Иное дело — мои «смоляные куртки»². На этих я уж точно могу положиться.

Хартон взял ключ и направился к двери. Хозяин с довольной улыбкой покачал головой ему вслед, бормоча себе под нос:

— Будет тебе представление, старый мошенник!

Немного погодя с улицы послышался шум шагов, а еще минуту спустя в таверну вошел Робер Сюркуф.

— Готово! — засмеялся он. — Сидят, как миленькие. А теперь, дядюшка Кардитон, дай нам по доброму глотку, и мы тронемся.

— Прочно заперли?

— Мы привалили к дверям столько бочек, что назад из подвала Хартону и его людям ни за что не выбраться. А из банка их примут как полагается. Об этом я тоже позаботился. Их там более двух десятков, стало быть, «Курочка» осталась совсем голенькой, и я не сомневаюсь, что наша проделка удалась.

— Вы сразу же выходите в море?

— Нет. Сюркуф — не взломщик, орудующий под покровом ночи. Я покину гавань при свете дня, с французским флагом на мачте.

— Ну знаешь, это не отвага, а прямо-таки безумие!

— Тем надежнее все получится. Спасибо за помощь, дядюшка Кардитон. Скоро ты услышишь о нас!

В передней их ждало десятка три парней, еще днем собравшихся на верхнем этаже. Они выпили за удачу своего замысла и попрощались с хозяином.

Вся ватага во главе с Сюркуфом направилась к морю. У берега без всякой охраны стояли шлюпки, на которых пришел Хартон со своими матросами. Люди Сюркуфа сновисто заняли места на банках и погребли к бригантине. На борту ее кто-то насвистывал песенку. Сюркуф узнал условный сигнал.

— Эй, на бригантине! — крикнул он.

В ответ на корабле кто-то свесился через релинг, и голос Берта Эрвийяра спросил:

— Эй, на шлюпках! Что за люди?

— Свои! — ответил Сюркуф.

— Слава Богу! Спусти-ка трап, сынок. Капитан идет!

Прибывшие поднялись на борт и вытянули наверх шлюпки. Берту Эрвийяру удалось заманить оставшуюся часть команды Хартона в трюм и запереть там. Бригантина без боя оказалась в руках Сюркуфа. Подробный осмотр судна показал, что оно прекрасно снаряжено. Теперь оставалось решить труднейшую часть дела — вывести корабль в море.

Ночью несколько кораблей попыталось незаметно проскользнуть мимо французских батарей, но канониры были бдительны и не дали себя провести. Сюркуф, как и задумал, оставался пока на месте. От курьера, посланного им в таверну, он узнал, что англичанин при попытке взлома банка, как и предполагалось, был схвачен охраной.

Наконец, поздним вечером адмиральский корабль подал судам, все еще находящимся в гавани, сигнал немедленно уходить в море. И сразу же команды французских военных кораблей, принимавших участие в восстании против Конвента, начали покидать свои корабли, чтобы укрыться на английских судах. При виде этого у Сюркуфа сжались кулаки.

— Вероломные трусы! — сказал он своему лейтенанту Берту Эрвийяру. — Мы рискуем жизнью, чтобы отобрать у врага маленькую бригантину, а они бросают на произвол судьбы девять линейных кораблей и четыре фрегата — целый флот, с которым я пустил бы на дно всех этих англичан!

— На грота-рее бы их вздернуть — вполне заслужили! — ответил Эрвийяр. — Одно только утешение, что корабли остались целыми. Конвент быстро введет их в строй.

— Ты так думаешь? А я вот, напротив, уверен, что на каждом из этих кораблей уже горит фитиль.

— Неужели нельзя спасти хотя бы один из них?

— Этого я делать не стану, — покачал головой Сюркуф. — Для маневров на таком корабле у нас слишком мало людей, а наша маленькая бригантина куда больше подходит для моих целей. И я считаю, что в моем положении разумнее увести у врага этот кораблик, чем играть роль спасателя. К тому же за все старания никто мне и спасибо не скажет, а то еще, чего доброго, и нарвешься на неприятности. Я сказал этому полковнику Бонапарту, что французский флаг никнет. Он высмеял меня. Однако уже сегодня начинается траур по нашему военному флоту: морю достанутся тринадцать кораблей стоимостью в несколько миллионов.

Этот полковник увидит их обнятых пламенем и, может, тогда вспомнит меня и мои слова.

Сюркуф тяжело вздохнул и зашагал по палубе, торопясь до наступления ночи еще раз тщательно осмотреть все помещения и оснастку, потому что любая, даже самая незначительная оплошность могла оказаться для них роковой.

День близился к концу, и едва вечерние сумерки ступшевали четкие контуры площадей и улиц Тулона, как раздался

¹ Плеть, которой наказывали провинившихся матросов.

² Нарццательное название матросов.

оглушительный удар, содрогнувший землю и море. Это взорвали главный арсенал. Из цейхгауза взметнулись к небу пять огромных огненных столбов. И тут же вверх по мачтам тринадцати французских военных кораблей побежали, колеблемые ветром, языки пламени.

От жуткой этой иллюминации в городе и гаванях стало светло, как днем. Все, что имело весла и паруса, ринулось прочь, в открытое море, одна только бригантина оставалась спокойно на своем месте. Ее хорошо было видно с захваченного форта, можно было разглядеть матросов, забравшихся на реи и ванты, чтобы посмотреть на огненную панораму. Необъяснимое поведение корабля не осталось, разумеется, незамеченным, однако уразуметь, почему этот странный «англичанин» не думает о спасении, французы так и не смогли и держали его на всякий случай на прицеле, покуда несколько часов спустя не погасло пламя и тьма вновь не опустилась на море и землю.

Едва рассвело, как Наполеон был уже на господствующей над гаванью батарее. Спать ему прошлой ночью не пришлось, как и стоявшему рядом с ним генералу Дюгомье. Оба они смотрели в подзорные трубы, наблюдая за все еще не взятым фортом Ля Мальею. Он казался им покинутым, однако скорее всего был предварительно заминирован. Размышляя о своем, Наполеон случайно направил трубу на бригантину, едва проступившую сквозь кисею редющего тумана.

— Что такое? — воскликнул он. — Гражданин генерал, какое название было вчера на носу этой странной бригантинны?

— «Курочка», — ответил Дюгомье.

— Ночью это название перекрасили и заменили другим.

Генерал направил трубу на корабль, прочел надпись и покачал головой.

— Ничего не понимаю, — удивился он. — Там написано по-французски. Из английской «Курочки» корабль стал французским «Соколом». Что это значит?

— Какой-то трюк, хитрость против нас.

— Положим, этот маленький кораблик ничего худого нам сделать не сможет. Ага, теперь они поднимают паруса... Черт побери, французский выпел? Выбирают якорь, утренний ветерок надувает паруса, бригантина собирается выйти в море...

— Ну уж этого я ей не позволю! — воскликнул Наполеон. Он подошел к пушке, собственноручно направил ее и расмеялся, уверенный в успехе:

— Бригантина должна пересечь линию стрельбы. Посмотрим, не разучился ли гражданин Бонапарт вести прицельный огонь.

Генерал сделал рукой предостерегающий жест:

— Человек на шканцах не похож на англичанина. Впрочем, смотри, он тоже наблюдает за нами в трубу.

Бонапарт немного повозился со своей трубой, потом резко отнял ее от глаза, старательно протер стекла и снова навел на командира бригантинны. Он узнал его! А тот вскарабкался вверх по вантам и радостно замахал им шапкой.

— Он нас приветствует, — отметил генерал. — Не иначе, как он знает одного из нас.

— Тот, кого он знает, это я, — ответил Бонапарт.

— Ах, так! И кто же он?

— Гражданин генерал, это — история, о которой я расскажу подробно в более свободное время. Этот молодой человек хотел получить от Конвента корабль, но его услуги отвергли. И теперь он сам заполучил его, прямо из английско-го флота.

— Черт побери! Как ему это удалось?

— Представления не имею.

— Ну, об этом мы узнаем. Так или иначе, корабль ему достался без схватки с экипажем. Отважный парень! Жаль, что он идет навстречу своей гибели. Там, на выходе из гавани, английские корабли. Они потопят его.

— Да. Очень жаль! Хотя бы имя корабля он не менял так открыто, на виду у всех: тогда, может, и сумел бы проскочить.

Бригантина тем временем вошла в сектор обстрела батареи. Громко и отчетливо выкрикивая команды, Сюркуф послал своих людей на реи, и они выстроились на перках, как

на параде. На мачте взвился французский флаг, и из пушечных фортов грянули залпы приветственного салюта. Все происходило столь сноровисто и с такой удивительной точностью, что даже невозмутимый Бонапарт не мог скрыть своего восхищения. Он скомандовал огонь и ответил своими пушками на приветствие человека, которого собирался навсегда вычеркнуть из памяти. Разумеется, огонь был не прицельным и ядра шлепались в воду далеко от бригантинны, а она, грациозно покачиваясь, все дальше уходила из сектора обстрела.

Едва корабль миновал батарею, как на носу его появился человек, который начал какие-то манипуляции с надписью. К удивлению своему, оба стоявшие в укрытии офицера увидели, что первоначальное имя корабля не закрашено, а всего лишь заклеено бумагой. Бумагу удалили, и появились отчетливые буквы прежнего названия.

— Ах, дьявол! Этот парень обвел нас вокруг пальца, — воскликнул генерал Дюгомье. — Вся эта комедия ему нужна была для того, чтобы без опаски пройти мимо батареи. Ему не дали корабль, вот он и решил переметнуться к врагу.

— Нет, этому я не верю, — отозвался Наполеон. — Этот Сюркуф не способен на измену своей нации, ведь он, как ни странно это сейчас звучит, убежденный христианин. Такие люди незаменимы, надо только направить их на полезные дела. Я думаю, он собирается одурачить англичан.

— Что ж, посмотрим... Вот подойдет он к ним на дистанцию стрельбы, тогда и увидим.

Слегка накренясь, бригантина как на крыльях летела по рейду. Дальше в море крейсировали трехмачтовики англичан. Невооруженным взглядом можно было разглядеть каждый отдельный корабль. Бригантина устремилась прямо к флагману.

— Предатель! — сказал генерал Дюгомье.

— Не уверен, — возразил Наполеон. — Однако события и впрямь разворачиваются весьма интересно.

— Неужели он рискнул бы подойти так близко к флагману, не будь у него намерения продаться англичанам?

— Кажущиеся непреодолимыми трудности как раз и оказываются порой самыми пустячными. Однако что это?

— Ты о людях, вылезавших из люков?

— Да. Две минуты назад они ушли с палубы вниз французами, а теперь на них мундиры английских моряков. О-о-о... я, кажется, понял замысел этого дьявола Сюркуфа! Похоже, этому молодому бретонцу и впрямь можно было доверить любой корабль!

Щеки маленького корсиканца покраснелись: бригантина полностью завладела его вниманием. Он не думал ни о Тулоне, ни о предстоящих дальнейших делах, он видел только маленький кораблик, дерзко лезущий прямо в вражескую пасть.

— Что он, совсем с ума сошел? Попытаться прорвать линию в этой точке — чистое безумие! — снова заговорил генерал. — Ему бы держать подальше к осту, чтобы выйти на ветер...

— Кто знает, какие у него расчеты! Так, флагманский корабль ложится в дрейф... Сюркуф подает сигнал, что хочет поговорить с адмиралом...

Напряжение достигло предела. Флагман лег в дрейф: паруса свои он развернул так, что в часть их ветер дул прямо по ходу корабля, в другую — с обратной стороны, препятствуя ходу. Теперь оставалось ждать, что бригантина спустит свои паруса. Однако вместо этого Сюркуф круто взял к ветру и приказал намертво закрепить руль тросом. Бригантина развернулась носом в открытое море, и оба корабля стали медленно сближаться.

Наполеон видел в трубу Сюркуфа. Он стоял на шканцах в английском мундире с переговорной трубой в руке так, чтобы с флагманского корабля нельзя было разглядеть его лица.

Перевел с немецкого А. МАКОВКИН
Окончание следует

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ О ДИНОЗАВРАХ

РОГА, ШИПЫ И ПАЛИЦЫ

Среди творений эволюции тело человека едва ли не самое беззащитное. Возможно, именно эта уязвимость нашей плоти побуждает нас восхищаться немислимыми доспехами, в которые природа облекла три многочисленные группы клювоголовых динозавров — стегозавров, анкилозавров и рогатых динозавров. Мезозойская эра — время драматического соревнования между этими одетыми в броню гигантами, одни из которых были хищниками, а другие — их жертвами. Виток за витком хищники наращивали «наступательную» мощь, их потенциальные жертвы — оборонную.

Когда еще растительноядные животные имели такое страшное оружие, каким был хвост стегозавра? Этот чудовищных размеров могучий длинный хвост заканчивался подобием грозной боевой дубины, на конце которой торчали от четырех до восьми остроконечных шипов длиной до полутора метров. Чрезвычайно толстый слой прочной соединительной ткани в шкуре фиксировал эти костные выросты и направлял их концы в стороны, вверх и назад. Углубления, оставленные на поверхности этих костных выростов кровеносными сосудами, подсказывают, что у живого зверя выросты были спрятаны, как в ножи, в толстом слое рогового вещества — словом, великанский вариант рогов современных копытных. Именно рог являлся наилучшим покрытием для заостренного оружия, так как он намного гибче, чем кость, и не так ломок, следовательно, конец шипа мог быть максимально заостренным.

Для того чтобы с силой вгонять хвостовые шипы в тело врага, стегозавру был необходим мощный и гибкий хвост, и мы находим доказательства наличия такового. Для пущей гибкости хвоста естественный отбор направил стегозавров по пути совершенствования характерных особен-

ностей своих предков — системы тугих сухожилий. Большинство клювоголовых динозавров имели целую сеть костных сухожилий, отходящих по обе стороны от позвоночника на протяжении всего туловища — вплоть до хвоста. Уже самые первые примитивные клювоголовые динозавры отличались таким устройством двигательной системы. Эта система тугих сухожилий позволяла без мускульных усилий справляться с огромным весом тела. Но столь неэластичные сухожилия неизбежно лишили бы хвост стегозавра необходимой подвижности. Поэтому эволюция ликвидировала систему сухожилий, отходящих от позвонков хвоста. Среди клювоголовых динозавров только стегозавры полностью избавились от стесняющих свободу движений хвоста сухожилий. Но этого мало для превращения хвоста в грозную гвоздящую дубину. Коль скоро шипы находились у самого конца хвоста, то его позвонки должны были отличаться как крепостью, так и подвижностью вплоть до самого последнего. У большинства динозавров хвостовые сочленения по мере удаления от таза становятся все менее подвижными. Однако у стегозавров позвонки хвоста соединены настолько свободно, что допустим двойной изгиб, и в то же время позвонки даже у самого конца змеящегося хвоста были необычайно крепки.

Чтобы успешно орудовать подобной массивной дубиной, стегозавры обзавелись в ходе эволюции специальными выростами на костях — платформами для лучшей фиксации массивнейших мышц (подобные выросты на костях имели и такие большехвостые бронтозавры, как, скажем, диплодоки). Хвостовые мускулы стегозавра, зверя длиной до шести метров, были мощнее мускулов задней лапы слона! А это что-нибудь да значит! Когда хвостовые мускулы стегозавра сокращались в полную силу, шипы только мелькали в воздухе — и горе любому врагу, который не успевал от них увернуться!

Весьма полезно всегда иметь при себе увесистую палицу, если твои

враги — размером со слона. Самые распространенные плотоядные позднего периода, аллозавры и цератозавры, достигали девяти и больше метров в длину, а весили одну-две тонны. Еще крупнее был эпантериас (возможно, особенно крупный вид аллозавров). Этот четырнадцатиметровый хищник весил примерно четыре тонны — столько же, сколько шесть раскормленных львов. Если подобные колоссы охотились стаями (весьма вероятная тактика), то шанс выжить имели только самые оборонноспособные растительноядные. Хвостовые шипы стегозавров относились к наиболее страшным видам оружия для самообороны. Нетрудно вообразить, какие роковые последствия имели прямые попадания шипов в грудь или брюхо хищников. Даже эпантериас вряд ли мог выжить после того, как стегозавр вгоял в его тело метровые или даже полуметровые шипы-кинжалы.

Для надлежашего отпора противнику стегозавр должен был отличаться увертливостью, умением шустро вертеться, чтобы хвост-дубинка постоянно был нацелен на противника во время боя. Длинноногие и подвижные аллозавры и цератозавры кружили вокруг жертвы, поджидая момент для прыжка, когда стегозавр «откроется» на мгновение и можно будет вцепиться в его уязвимую шею или холку. Каким образом эволюция позаботилась о необходимой маневренности стегозавров, чтобы они использовали свои страшные хвосты «на все сто»? Ответ следует искать в неповторимых пропорциях тела этих зверей и в строении их коротких, но весьма мускулистых передних ног. На первый взгляд стегозавр кажется увальнем: передние ноги намного короче задних, а тазовый пояс располагается очень высоко по сравнению с плечевым. На самом же деле сочетание массивного крестца и тяжелого хвоста с короткими передними конечностями приводит к перемещению центра тяжести туловища далеко назад, почти к бедрам, а это позволяет зверю с легкостью крутиться

на задних лапах — описывать круги, ступая вбок передними лапами.

Во время схватки с хищником стегозавр переносил вес тела на задние лапы и затем, загребая передними лапами вправо или влево, вращался в нужную сторону и неизменно обращал свой смертоносный хвост против врага. Огромные дельтовидные мышцы были настолько сильны, что гигантская туша разворачивалась с легкостью.

И все же стегозавр знаменит не столько своей боевой палицей на хвосте, сколько впечатляющими треугольными костными шипами на спине, самые крупные из которых достигали метровой длины. Эти высокие и широкие шипы были тонкими в сечении и, подобно хвостовым шипам, находились в футлярах из рогового вещества. У живого зверя пластины были заглублены в кожу вдоль позвоночного столба. На большинстве музейных реставраций пластины стегозавров показаны торчащими прямо вверх. Однако это довольно странная ориентация. Какой биоинженерный смысл в подобном расположении костных треугольников? Некоторые палеонтологи утверждают, что пластины располагались вертикально, дабы защищать от укусов хищников позвоночник. Но спинной мозг стегозавров в подобной защите не нуждался — он и без того находился внутри чрезвычайно высоких массивных позвонков, под слоем жестких связок, которые в совокупности образовывали что-то вроде мозоли на хребте, как на спине современного борава. Случись какому-нибудь аллозавру опрометчиво вцепиться зубами в подобную крайину, он вмг переломал бы все свои зубы, но существенно вреда жертве не причинил бы, разве что прокусил шкуру на хребте. Что еще более странно, самые крупные треугольные пластины располагались над областью таза и у основания хвоста — там, где спинной мозг был отменно защищен специальными позвоночными шипами. Да и повсюду спинной мозг стегозавра был упакован в такой прочный позвоночный столб, что никакие пластины не могли представить дополнительной защиты. В таком случае, какой расчет прикрывать самыми высокими пластинами самые неуязвимые места тела?

Последние четыре поколения американских палеонтологов напрасно ломали головы над нелепым, нефункциональным расположением треугольных пластин стегозавров. Некоторые известные музейные исследователи пришли даже к выводу, что у этих громадных пластин не было никаких механических функций — они служили лишь декоративными элементами для устрашения врагов и разбивания сердец самок. Что ж, большая сексуальная привлекательность и грозный вид тоже недурной результат в смысле борьбы за выживаемость. Но пристальное изучение эволюции спинных пластин стегозавров подтверждает, что они предназначались все-таки для непосредственной защиты от нападения хищников.

Панцирь из пластин — способ защиты своего тела, характерный для динозавров на протяжении десятков миллионов лет. Крокодилы прикрывают костными бляшками шею, туловище и хвост — с тех пор как появились 220 миллионов лет назад. Все виды ныне живущих крокодилов одеты в прочный и гибкий панцирь из спинных щитков, покрытых слоем роговицы, стянутых сухожилиями, и связаны пластинами связок глубоко под кожей. Никогда у крокодилов не было треугольных пластин, как у стегозавров, но у большинства их видов имеются крупные овальные щитки на спине, которые, как правило, обладают выступающими, заостренными краями. Подобные же защитные приспособления мы находим у других родичей динозавров — тктокодонтов триасового периода.

Схватка стегозавра с хищником была, надо думать, потрясающим зрелищем: этакая пятитонная балерина в пачке из колышущихся треугольных пластин, да еще размахивающая великанской боевой палицей!

Можно представить, как стегозавр мирно пощипывает листочки с верхушек кустов, поднявшись на задние лапы и опираясь на хвост. Но его бдительные глаза уже заметили, что по заливному дугу к нему двигаются два исполинских аллозавра, которые охотятся на пару. На последнем отрезке пути они припускают и вот уже рядом со своей жертвой, нападают на нее сразу с двух сторон. Стегозавр не пытался убежать, это ему не по силам, а хищники более быстроногие. Теперь он опустился на все четыре ноги и занял оборонную позицию. Первый аллозавр прыгает ему на шею. Атакуемый зверь мгновенно разворачивается и накладывает пластины панциря. Аллозавр отскакивает ни с чем — только морду поранил об острые концы пластин возле шеи стегозавра. Тем временем его товарищ по охоте подбирается к жертве с другого бока, но там его настигает сокрушительный удар извивающегося хвоста с палицей на конце. Правда, палица с громким свистом проносится в нескольких сантиметрах от брюха аллозавра, но этого достаточно, чтобы хищник в испуге отпрыгнул. Оба аллозавра пятаются, а потом и вовсе удаляются восвояси. Стегозавр еще долго не может успокоиться: топают передними лапами, устрашающе размахивает хвостом. А посрамленные хищники отправляются на поиски более легкой добычи...

Внезапное вымирание прервало эволюцию панцирей в конце юрского периода, когда настоящие стегозавры исчезли полностью — или по крайней мере стали наперечет. Но на заре мелового периода миру явился новый динозавр, суший сухопутный дредноут — нодозавр. Этот исполин во многом походил на стегозавров: высоко поднятый тазовый пояс, хорошо развитые дельтовидные мышцы передних коротких ног — то есть способность к быстрым боковым движениям, верчению на задних лапах. Вся верхняя часть те-

ла нодозавра была вымощена гибко соединенными небольшими костными пластинами.

Некоторые палеонтологи предполагают, что нодозавры предпочитали пассивную оборону. Другими словами, использовали панцирь в качестве передвижного «бомбоубежища». При нападении хищника нодозавр якобы плюхался, поджав лапы, на брюхо, и нападающий волен был сколько угодно кружить вокруг него — ни укусить, ни опрокинуть бронированного гиганта было невозможно. Однако многое говорит за то, что нодозавры могли быть активным грозным противником и из обороны переходить в атаку. У них имелось смертоносное оружие — острые плечевые шипы. Эти длинные шипы, покрытые заостренной на конце роговой оболочкой, чуть загнутые вверх, были направлены вбок и по сокрушительной мощи и глубине проникновения в тело противника не уступали хвостовым шипам стегозавров. Сверх того, локтевые мышцы нодозавров отличались большой силой, что обеспечивало быстроту и эффективность выпадов вперед. В целом передняя часть тела нодозавра напоминала гигантского приземистого средневекового боевого коня — закованного в броню, со золотыми шипами-пиками пониже холки, готовыми с разгону нанести чудовищные раны любому противнику.

Боксерам и футбольным защитникам известны преимущества коротких тренированных ног — долговязые бегают быстрее, зато коротышки шустрее срываются с места и стремительно набирают ускорение. На нодозавров охотились как раз длинноногие тираннозавры, которые в два счета догоняли коротконогих жертв. Но как только завязывался ближний бой, умные быстро бегать утрачивало свою роль. Вцепиться в хребет или в хвост нодозавра не было никакой возможности — зубы встретили бы прочнейший панцирь. У тираннозавра оставался единственный шанс справиться с потенциальной жертвой — толкнуть и опрокинуть нодозавра, чтобы добраться до его уязвимого брюха. Но благодаря широкому туловищу и коротким ногам центр тяжести нодозавра располагался очень низко. А перевернуть зверя, который «поперек себя толще», дело непростое. Опрокинуть многотонного нодозавра было не легче, чем современного товарный вагон. Если хищник мешкал, то нодозавр переходил в контратаку. Сначала он вертелся вправо-влево на массивных задних лапах, чтобы противник не забрал с тыла или сбоку и особенно ловким ударом не перевернул его. Но при этом нодозавр выжидал удобного момента для ответного выпада, и как только тираннозавр «открывался» осторожно, могучие локтевые мускулы нодозавра швыряли многотонное тело вперед — тут-то и пригодились коротконогость нодозавра и способность к спурту. Метровые плечевые шипы в случае меткого выпада могли вонзиться в голень или бедро хищни-

ка, повалить тираннозавра, ударив в кость, или нанести ужасную рваную рану. Но скорее всего тираннозавры быстро сознавали опасность и, наученные горьким опытом, убегали по-доброму-поздорову до получения смертельных ран.

ГОЛОВОЙ РАБОТАТЬ НАДО!

Была группа динозавров, которые приспособились воевать своими головами.

«Самый крупный купологоловый динозавр!» — гласит табличка под скелетом в нью-йоркском музее. Под стеклом выставлен пахицефалозавр — «толстоголовый ящер» — типичный купологоловый динозавр, чей относительно небольшой череп увенчан двадцатисантиметровым костным наростом, прикрывающим лоб и темя.

Когда были найдены первые купологоловые динозавры, их встретили тем же сочетанием восхищения и насмешек, что и в свое время стегозавров. Реконструкция и этих диких динозавров была проведена произвольно, без глубокого проникновения в сущность биомеханического устройства их скелета. В начале века царила теория, согласно которой уже обреченные на вымирание динозавры достигли столь преклонного возраста как эволюционная группа, что стали потихоньку выживать из ума и впадать в маразм: обзавелись пышными нелепостями вроде гребней, щитков и шипов, которые не имели никакого видимого функционального значения и не помогали в борьбе за существование. Словно старушки в шляпках устаревшего фасона и в не по возрасту ярких платьях, динозавры больше не поспевали за эволюцией и щеголяли нелепыми, ненужными наростами и выростами на теле. Эта теория продержалась лет двадцать, но ее отзвуки то и дело обнаруживаешь в плохих книжках про динозавров.

В строении скелета купологоловых не было ничего необычного: длинные задние конечности, длинный неэластичный хвост, короткие передние конечности, бочкообразное туловище — явно для вмещения большого количества растительной пищи. Здесь разница с прочими перемешавшимися на задних лапах клювоголовыми незначительна. Даже устройство челюстей, зубов и рыла в целом не имеет ничего специфического. Свообразие исключительно в утолщении крыши черепа. У некоторых видов купологоловых это утолщение едва прослеживается. У других, особенно у пахицефалозавров, чудовищный размер черепа может навести на мысль о блестящем интеллекте. Но ученые не обманулись: ведь сам мозг, увы, ютился в самой маленькой комнатке этих «хором». Большую часть купола занимали окостеневшие клетки, расположенные в радиальном направлении — как волокна на поперечном разрезе грейпфрута. Костные клетки растут, как прави-

ло, в направлении наибольших нагрузок — и, значит, по их ориентации можно догадаться о предназначении всего купола над теменем и лбом этих динозавров. Такая ориентация подсказывает, что череп извне подвергался колоссальному давлению. Какому именно?

Все сразу разъяснится, если вспомнить новейшие образцы футбольных шлемов. Куполы служили купологовым динозаврам чем-то вроде по-

добных шлемов, охраняющих от сотрясения их крохотные мозги. Современные футбольные шлемы предназначены не столько для защиты головы от ударов, сколько для нападения — игрок, чья голова оберегается подобным шлемом, может безбоязненно использовать ее как таран. Превьюшие кожаные шлемы такой возможности не допускали, но тренеры давно сообразили, что человеческая голова — бес-

подобное оружие, и в конце концов родилась новая конструкция шлемов. Противоударный шлем с высоким сводом был придуман, чтобы игрок задней линии защиты бесстрашно таранил головой несущегося на него нападающего из команды противника. Природа, оказывается, еще миллионы лет назад избрала собственный вариант такого занятого приспособления — как оружие для купологоловых динозавров.

Питер Гэлтон, большой знаток купологоловых динозавров, высказал гипотезу, что купологоловые дрались головами, не щадя своих черепов. Со времени публикации этой идеи в 1971 году она успела получить широкое признание в научном мире. Гэлтон обратил внимание, что мышцы купологоловых, отвечающие за положение головы относительно шеи, чрезвычайно развиты. Они бы-

ли способны удерживать голову под прямым углом к шее — таким образом, во время атаки, когда динозавры опускали голову, утолщения на крыше черепа были направлены прямо вперед. Эти животные обладали всеми необходимыми свойствами, чтобы безжалостно сшибаться лбами: мощной буйволиной выей, способностью к характерному положению головы во время атаки, а также маленьким мозгом, надежно упрятым во внушительную черепную коробку.

В шестидесятых годах польские палеонтологи нашли в Монголии немало отлично сохранившихся скелетов купологоловых динозавров. Польские ученые усомнились в том, что эти звери бодались: черепа такого устройства не слишком ли опасное оружие для внутривидовых дуэлей? По их мнению, головами таранили исключительно хищников. А по-моему, тут не о чем спорить: головой-дубинкой можно было огреть и хищника, и своего брата купологолового — ведь в борьбе за выживание умение как следует садануть под ребра самца-соперника тоже не последнее дело!

В умении наступательно защищаться от всех прочих динозавров, несомненно, превосходил трицератопс. Бой с его участием запечатлен на сотнях рисунков и книжных иллюстраций, но по-прежнему волнует воображение. Тираннозавр против трицератопса. Исполинский тореадор против гиганта среди гигантских рогатых динозавров. Можно ли вообразить более впечатляющую схватку между хищником и его жертвой!

Вздыбившийся тираннозавр глядел на противника с шестиметровой высоты, и весил взрослый хищник не меньше слона — тонн пять. А уж таких чудовищных челюстей не было ни у какого другого динозавра, не говоря о прочих наземных хищниках. От нападения этого монстра могло спасти только наличие брони наподобие танковой — именно такая имела у анкилозавров, «ящеров-танков» — или же оборонительное «сверхоружие», которым обладали трицератопсы.

Телосложение трицератопса было рассчитано на стремительные броски и атаки. Короткий торс, грудь «колесом», широкий и прочный крестец. Передние и задние конечности были непропорционально крупны — толще, чем у слонов того же веса, а стопы — широкие и сплошные. Ни единая роговая пластина не прикрывала шкуры трицератопса — тактика выживания строилась исключительно на агрессивной, наступательной обороне. Трицератопсы и их сородичи носили на плечах головы невиданных размеров — полтора, два, даже два с половиной метра в длину, а в ширину — больше метра. При этом их черепа были чрезвычайно массивной конструкции. В местах прикрепления шейных мышц задняя часть черепа разрасталась в стороны и вверх и была крепче обычного, чтобы амортизировать внезапные сотрясения при мощных ударах расположенных на лбу рогов.

Рога трицератопса — замечательный образчик достижений в области вооружения в мезозойскую эру. Именно благодаря этому «сверхоружию» трицератопсы могли защищаться, не прибегая к помощи панциря. У некоторых видов метровой рог имел изысканный двойной изгиб, как у быков-лонгхорнов, которых выращивают на Диком Западе. Когда в 1880 году в Колорадо были найдены первые рога трицератопсов, профессор Марш, знаток из знатоков, принял их за рога исполинских ископаемых буйволов. Но в отличие от буйволиных рогов трицератопсов, при всей внешней схожести, располагались на голове под более опасным углом. Рога лонгхорнов и буйволов направлены в стороны, и поэтому они способны вонзиться в противника только один рог и то лишь боковым движением головы, который, естественно, слабее прямого удара. Трицератопс бил и сильнее и более метко. Его рога изгибались вперед и немного отклонялись в стороны над длинным рылом. Увесистая голова оказывалась тем не менее отлично уравновешена на шаровидном суставе между головой и шеей. Массивное рыло компенсировалось весом широкого костного воротника — продолжением задней части черепа, которое прикрывало шею, а порой и холку. В целом голова зверя была хитроумным сочетанием грациозно уравновешенных мускульных и костных элементов — это сложное сооружение природы выдерживало воистину «зверские» нагрузки, когда динозавр кидался на нападающего хищника и крушил рогами панцирь или ребра противника.

В отложениях конца мелового — начала палеогенового периодов находят ископаемые остатки множества других гигантских рогатых динозавров. Например, торозавров — «быков-ящеров», чьи воротники были размером почти с кухонный столик. Или пентацератопсов, имевших целых пять рогов: два на лбу, один в конце рыла и два над щеками — там, где у трицератопсов были только роговые шипы. Полчища разнообразных рогатых динозавров обитали за несколько миллионов лет до появления трицератопсов. Лучшая коллекция скелетов этих зверей хранится в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке. Там есть скелеты, на черепах которых короткие рожки на лбу и длиннейший рог на носу; на морде других видов только один длинный рог, зато сразу полдюжины почти таких же длинных и заостренных рогов торчат назад и вверх из заднего края воротника, где у некоторых видов имеются только короткие шипы. Хищник, прыгнувший на спину динозавра с рогами на воротнике, плюхнулся бы брюхом на острый часток.

В конце прошлого века находки все новых рогатых динозавров ставили ученых в тупик: набор рогов вкуче с беззащитным телом настолько явно свидетельствовал об активном способе самозащиты, что этих животных было затруднительно считать потом-

ками каких-либо других клювоголовых динозавров. Самые древние рогатые динозавры, найденные в Северной Америке, уже имели весь набор уникальных приспособлений для выживания: сложное рыло, рога, воротник, к которому крепились могучие мышцы, превращавшие челюсти с роговым клювом в «шипцы-кусачки». Возникло ощущение, что рогатые воистину возникли просто по велению Господа.

По сей день ранняя эволюция цератопсов — рогатых динозавров во многом неясна из-за отсутствия большого числа звеньев их развития. Но находки в Монголии в начале века, результаты польских, советских и китайских палеонтологических экспедиций в последние десятилетия все же прочертили пунктирную линию эволюции цератопсов. Будем надеяться на большее.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Эволюцию мозга ископаемых животных следует изучать отдельно. Изучение микроструктуры костей дает возможность высчитать интенсивность обмена веществ в организме ископаемого животного. Согласно данным такого исследования, даже самые примитивные динозавры триасового периода имели точно такой же уровень обмена веществ, что и современные млекопитающие! Теплокровность у динозавров появилась еще тогда, когда их мозг был ничтожно мал. Наш собственный класс млекопитающих прошел через те же этапы развития. Анализ микроструктур костей свидетельствует, что отдаленнейшие ископаемые предки млекопитающих — протомлекопитающие пермского периода — уже развили главнейшие составные механизмы теплокровности, а это было задолго до появления первых настоящих млекопитающих с большим мозгом. История эволюции как млекопитающих, так и динозавров наглядно показывает: сперва возникла теплокровность, и только потом ускоренно развивался мозг.

Если уже триасовые динозавры были теплокровны, то их потомки вполне могли приобрести значительные мыслительные способности. Канадец Дейл Расселл при раскопках в канадской провинции Альберта нашел верхушку черепа стенонихозавра — хищника размером с осла. На внутренней стороне черепной коробки отчетливо видны следы наличия пары выпуклых долей среднего мозга. Расселл сделал справедливый вывод, что орган мышления этого динозавра, по меньшей мере, сравним по размеру с мозгом современных птиц с таким же весом тела.

В монгольских меловых отложениях сохранились черепа мелких динозавров, похожих на стенонихозавров. Эти черепа, судя по всему, предназначались для мозга покрупнее, чем мозг аллигатора или ящерицы сравнимого веса. Находки на разных континентах заставляют думать, что подобные динозавры с большим мозгом

эволюционировали в самых разных средах обитания. И по смекалке они едва ли уступали позднемеловым млекопитающим, ископаемые остатки которых находят рядом, в тех же слоях почвы.

Отчего же эти замечательные динозавры не пошли дальше по пути развития еще большего мозга? Отчего они со временем не превратились в разумных существ, способных изготавливать каменные орудия труда, плавить руду, строить города, создавать компьютеры и защищать диссертации о своих динозаврских Дикенсах и Бальзаках?

Мой коллега Дейл Расселл полагает, что им попросту не хватило времени. К сожалению, история динозавров прервалась именно на этих, самых смекалистых из рода динозавров, которые разделили общую судьбу ящеров и погибли в конце мелового периода. Хотя можно сказать иначе: к счастью, история динозавров прервалась именно на этих, самых смекалистых из рода динозавров. К нашему счастью.

А кабы динозавры выжили? И эволюция тех же стенонихозавров не прервалась? По мысли Рассела, конечным продуктом подобной эволюции мог стать всеящий примерно сорок килограммов прямоходящий, покрытый чешуйчатой кожей динозавр с высоким лбом, цепкими пальцами, годными для изготовления орудий труда... Можно спорить о деталях внешнего облика гипотетического динозавра разумного, но главные мысли Рассела трудно опровергнуть. Для своего времени динозавры со столь большим мозгом, как у стенонихозавров, были умницами и, вероятно, успешно охотились на тогдашних млекопитающих. Я согласен с мнением Рассела, что они были весьма грозными хищниками и сдерживали появление млекопитающих размеров больше кошки. Развиваясь стенонихозавры дальше, млекопитающие и по сей день прозябали бы на задворках эволюции.

Но как выглядела бы современная экосистема в связи с допущением Рассела?

И вы, уважаемые читатели, и ваш покорный слуга были бы маленькими зверюшками, чуть побольше крысы, и жили бы мы в вечном страхе перед могущественными хозяевами Земли — мыслящими динозаврами. Автором этой книги был бы какой-нибудь предстательный динозавр с университетской степенью — венец эволюции, существо, говорящее на нескольких языках, потомок изобретателей печатного станка и многого другого, озабоченный охраной окружающей среды и ограничением охоты на нас с вами... А темой этой книги была бы достопамятная история рода динозаврского.

И уж конечно, будь автором такой книги динозавр, ему бы и в голову не пришло написать нелепость, вроде того, что его мезозойские предки были холоднокровными!

Перевел с английского
В.ЗАДОРЖНЫЙ

«ЗИМБАБВЕ» — КАМЕННЫЙ ДОМ

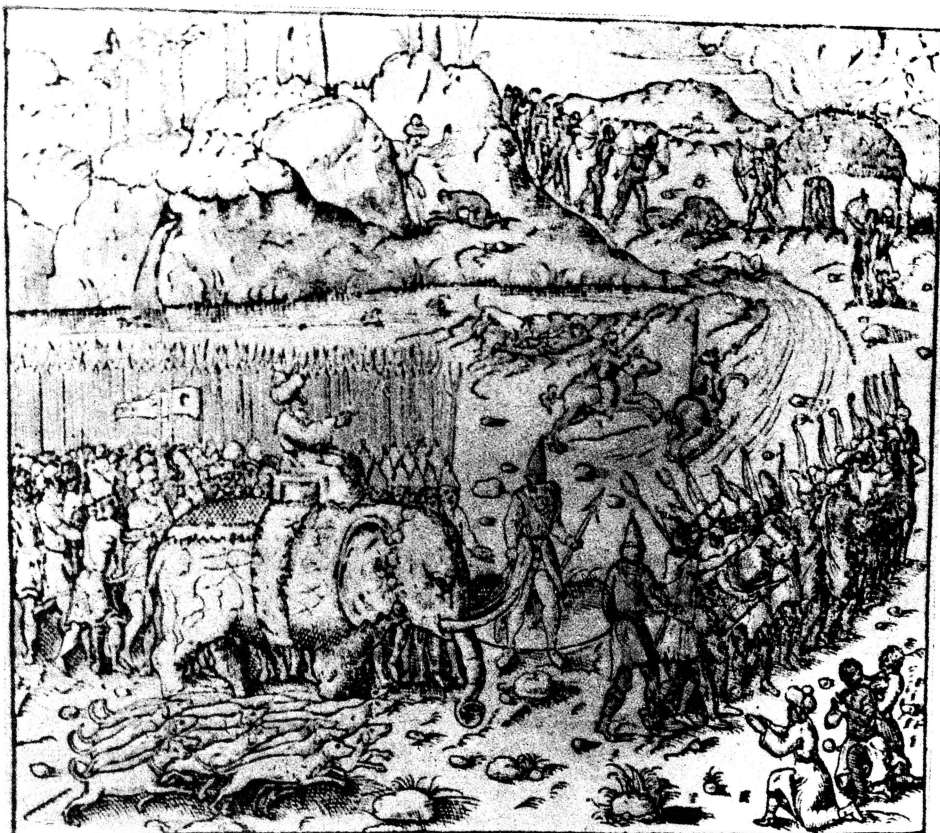
Эти руины давно уже не дают покоя исследователям Африки. Я впервые узнал о них из книги чешского путешественника прошлого века Эмиля Голуба: «На одной из многочисленных гранитных скал с круглой вершиной я обнаружил развалины, которые в дальнейшем помогут раскрыть историю прежних обитателей центральной части Южной Африки. Это была стена высотой от 0,2 до 2 метров и толщиной 30—50 сантиметров. Она окружала вершину скалы и была сложена частично из больших каменных глыб, частично из гранитных плиток, покоившихся друг на друге и ничем не скрепленных...»

...Сию, окруженный фолиантами с записками португальских путешественников разных веков в Центре африканских исследований при университете Мапуту, и пытаюсь понять: что за неведомая сила влекла первых европейцев в эти богом забытые места, где жара, болезнь, недоброжелательно настроенные жители, хищные звери... После нескольких часов работы в поле глаза отказываются видеть от ярчайшего солнца, руки изрезаны острой травой, все открытые места тела покрыты крохотными колючками «обезьяньей фасоли»...

Листаю хроники и в который раз убеждаюсь в том, что, наверное, уже много раз открывали для себя другие — влекло золото, которого у Верховного правителя Мономотапы, по слухам, было очень много. И еще — слоновая кость, железо и рабы. Читаю хронику Жуана ди Барруша и нахожу объяснение слова «мономотапа», а точнее, мвене мутапа — «владыка рудников». Да, золота здесь было много. Это знали и арабы, торговавшие еще до португальцев с внутренними районами континента через Софалу. Осведомлены были и жители более отдаленных районов тогдашней Ойкумены. Похоже, даже малайцы, индийцы, китайцы...

Но рудники рудниками, а откуда же взялись эти гигантские циклопические постройки, выросшие среди холмов к северу от Лимпопо?

Центральное место среди развалин занимает священный холм. На него взбирались по узкой лестнице, выходящей между скал. Лестница оканчивалась у квадратных ворот, пробитых в стене. Внутри ограды круговая тропа

вела к площадке, где плавляли золото и совершали обряды. С холма хорошо виден дворец правителя — Мономотапы, обнесенный каменной оградой.

Гипотезы о происхождении комплекса существуют уже более ста лет — с тех пор как руины обнаружил немецкий путешественник Карл Маух. Исследователи разделились на два лагеря. Одни считают, что сооружения построили пришельцы из-за моря, и в комплексе Большого Зимбабве они видят шумерские, индийские и малайские черты. Другие придерживаются гипотезы о местных корнях традиции каменного строительства. Ведь на языке языков банту «зимбабуэ» означает «каменные дома». Доказательств в пользу второй версии много. Взять хотя бы птиц из стеатита, мыльного камня, на каменных пьедесталах, найденных в разных уголках комплекса. Подобные находки неизвестны за пределами этого региона, зато птицы из дерева на деревянных же пьедесталах с древних времен считаются здесь защитниками от злого духа у басуто, бавенда и других народов Южной Африки. Только сами птицы разные — скопа, орел-стервятник и фламинго. А искусство каменного строительства до сих пор сохранилось у вангве Зимбии и у бавенда Северного Трансваала.

И все же... Сторонники заморского влияния продолжают отстаивать свои позиции. Только теперь гипотезы о культурной диффузии формулируются мягче и, надо сказать, довольно убедительно. Например, голландский этнограф ван дер Слин специально изу-

Правитель Мономотапы отправляется на войну.
Португальская гравюра XVII века.

чил бусы нескольких районов акватории Индийского океана. Внимательный анализ многих образцов бус из Софалы, Килвы и других пунктов восточноафриканского побережья убедил его, что они сильно отличаются от бус, которые он нашел в поездках по территории от Конго до Кейптауна. Но в то же время они имеют аналогии на Занзибаре, в Индии, Пакистане, на Суматре и Яве, а также в Китае. Получается своеобразная цепочка: Юго-Восточная Азия — Индия — Занзибар — Софала. А конец ее — в Зимбабве! Именно там найдены бусы, идентичные многим китайским и даже японским образцам. И ван дер Слин острожно высказывает предположение, что хотя культура Зимбабве и истинно африканское явление, все же «не обошлось без внимательного взгляда из Азии».

Еще интереснее формулирует гипотезу француз Раймон Мони: «Зимбабве построили африканцы, но африканцы, видевшие арабские поселения Софалы и других портов на Индийском океане».

Да, скорее всего истина где-то посередине: культура Зимбабве стала аккумулятором многих культурных черт региона, хотя основа ее несомненно африканская, ведь в основе каменных громад — все же древние африканские хижинки...

(Окончание см. на 4-й стр. обложки)

Брайан ОЛДИСС

ВНЕШНОСТЬ

Они никогда не выходили из дома. Обычно первым вставал человек по имени Харли. Иногда он предпринимал обход всего здания, будучи еще в пижаме, — температура в комнатах была умеренной и никогда не менялась. Затем будил Кальвина, красивого широкоплечего человека, в котором, по виду, таился добрый десяток разных дарований, никогда, впрочем, не проявлявшихся. Он один воплощал в себе все общество, в котором нуждался Харли.

Дэппл, черноволосая девушка с восхитительными серыми глазами, спала очень чутко, и слова, которыми обменивались мужчины, обычно будили ее. Встав с постели, она шла поднимать Мэй. Затем обе спускались на нижний этаж, чтобы приготовить завтрак. Тем временем просыпались два других обитателя дома — Джаггер и Пиф.

Так начинался каждый «день» — не тогда, когда появлялся проблеск чего-то, похожего на рассвет, а лишь тогда, когда все шестеро переходили от сна к бодрствованию. Они никогда особенно не напрягались в течение дня, но отчего-то, забравшись вечером в постели, крепко засыпали.

Единственным сколько-нибудь волнующим событием за весь день была минута, когда они впервые открывали дверь в кладовку. В этом маленьком помещении между кухней и голубой комнатой, у дальней стены, располагалась широ-

кая полка, от которой зависело самое их существование. Тогда «прибывали» все необходимые припасы и вещи. В это утро Дэппл и Мэй управились с завтраком раньше, чем четверо мужчин спустились в кухню. Дэппл даже вынуждена была подойти к лестнице и крикнуть — только тогда появился Пиф, — так что открытие кладовки пришлось отложить до окончания завтрака. И дело не в какой-то там церемонии, просто женщины нервничали, если им выпадало заходить туда одним. Были, были в доме кое-какие странности...

— Надеюсь, что там есть табак, — произнес Харли, открывая дверь. — У меня почти весь вышел.

Все шестеро вошли внутрь и уставились на полку. Там было почти пусто.

— Еды нет, — отметила Мэй, сложив руки на животе. — Сегодня придется урезать порции.

Такое случалось не первый раз. Однажды — когда же это было? — они не следили за ходом времени — еда не появлялась целых три дня, полка оставалась пустой, но обитатели дома спокойно отнеслись к урезанному рациону.

— Ну что же, Мэй, — сказал Пиф, — прежде чем умереть с голоду, мы съедем тебя... — И все рассмеялись, принимая шутку, хотя Пиф лишь повторил то, что сказал и в прошлый раз. Это был невзрачный маленький человечек — не из тех, кого выделишь в толпе. Бесхитростные шуточки, которые он время от времени отпускал, были его самым ценным достоинством.

Brian W. Aldiss, 1955. Пер. изд.: Aldis B. Outside: в сб. Aldis B. Space, Time, and Nathaniel. — London: Faber & Faber, 1957.

© Перевод с английского, «Вокруг света», 1991 г.

Рис. Е. Силиной

Здравствуй, дорогие читатели!

Нынешнее мое письмо — о Брайане Олдиссе. Трудно рассказать в нескольких строчках об этом человеке. В мире — известнейший автор, признанный классик английской научной фантастики, романист, блестящий рассказчик, мастер фэнтези, эссеист, поэт, издатель, составитель великолепных сборников, критик и историк научной фантастики... У нас — имя, знакомое только любителям НФ, сумевшим прочитать в «самопальных» переводах замечательные романы Олдисса или выудившим фамилию из нашего скучного фантастикоповедения. Хочется верить: рано или поздно Брайан Олдисс будет по-настоящему переведен и по-настоящему издан. Рано или поздно... Публикация новеллы «Внешность» в этом номере журнала никоим образом не восполняет пробел — тем более что и новелла-то старая, 35-летней давности. Но повод поговорить о большом писателе — наличен.

За неимением места рассказ пойдет в перечислительном духе. Брайан Уилсон Олдисс родился в 1925 году в Ист-Дереме (Норфолк, Великобритания). Учился в частных колледжах. Служил в британских войсках связи в Бирме. Первая гражданская профессия — книготорговец. Первый научно-фантастический рассказ опубликован в 1954 году. Написанный годом позже рассказ «Внешность» давно стал хрестоматийным. В дальнейшем вся жизнь Олдисса связана с научной фантастикой. В 1961 — 1964 годах — редактор научной фантастики в издательстве «Пенгуин Букс»... с 1960 по 1965 год — президент Британской ассоциации научной фантастики... Основатель и некоторое время председатель Мемориала Джона Кэмпбелла... Один из основателей Всемирной ассоциации писателей-фантастов (в 1982 году был избран ее президентом)... С 1983 года — вице-президент общества Герберта Уэллса... Обладатель бесчисленного множества литературных наград. Несколько раз мы встречались с Брайаном Олдиссом на ежегодных собраниях Всемирной ассоциации писателей-фантастов. Впечатление, не изменившееся с

момента первого знакомства: истинный английский джентльмен, обаятельная личность, остроумный собеседник, человек, обладающий бесценными качествами — умением слушать и умением рассказывать. Последнее утверждение требует подкрепления. Помимо предлагаемой новеллы, приведем здесь несколько строк, написанных Олдиссом о собственном творчестве.

«Человек по-настоящему пишет лишь тогда, когда он должен писать. Пока не закончен акт творения, я никогда не думаю о читателе. И лишь потом возникает надежда, что и на этот раз я смогу разжечь в людях искру творчества. Я воображаю людей, я воображаю человеческое воображение. Всю жизнь я страстно жажду свободы, которую может дать лишь писательство. Действие моих произведений разворачивается в разных мирах. Мои главные персонажи принадлежат к различным национальностям. Слова скоевывают (здесь Олдисс употребляет афоризм, который лучше всего перевести с помощью давно известного выражения: «Мысль изреченная есть ложь». — В.Б.). Уже в романе «Нон-стоп» я попытался изобрести нечто вроде возвышенного языка. В «Жизни на Западе» лишь горстка персонажей говорит на «стандартном английском». В «Хеллинии» языков — множество. Эти книги, хотя бы частично, о необходимости и великой трудности человеческого общения. Моя литература — это литература изгнания. Каждый написанный мною роман — признание в ксенофилии, любви к чужакам. Ярлык «научная фантастика» к ним не подходит».

«Нон-стоп», «Жизнь на Западе», прекрасная трилогия о планете Хеллиния («Весна Хеллинии», «Лето Хеллинии» и «Зима Хеллинии») — лишь пять из более чем тридцати романов, созданных Брайаном Олдиссом. Когда-нибудь мы прочитаем и эти книги. Когда-нибудь...

С неизменным уважением ко всем читателям,

Виталий БАБЕНКО,
ведущий рубрики

На полке лежали только два пакета. В одном был табак для Харли, во втором — колода карт. Харли с ворчанием опустил табак в карман и продемонстрировал всем колоду, сорвав с нее обертку и развернув карты веером.

— Во что играем? — спросил он.

— Покер, — заявил Джаггер.

— Не сейчас, — сказал Кальвин. — Скоротаем время вечером.

Карты заключали в себе определенный вызов: ведь чтобы играть, надо рассесться вокруг стола и оказаться лицом к лицу с остальными. Собственно говоря, эту шестерку ничто не разъединяло, но в то же время, кажется, не существовало силы, которая могла бы удержать их вместе после утренней процедуры открывания кладовки.

Джаггер пропылесосил холл рядом со входной дверью, которая никогда не открывалась, а затем потащил пылесос по лестнице на второй этаж, чтобы прибраться и там. Не то чтобы наверху было грязно, но ведь уборка — это некая операция, которую в любом случае надо делать по утрам. Женщины какое-то время сидели с Пифом и сумбурно обсуждали, как лучше распределить оставшиеся продукты, однако и они вскоре утратили интерес друг к другу и разбрелись по своим углам. Кальвин и Харли еще раньше разошлись в противоположных направлениях.

Дом был непонятен. Имелось несколько окон, но толку от них было мало, поскольку они никогда не открывались, а небьющиеся стекла не пропускали света. Повсюду царил мрак — свет из невидимого источника разгорался лишь в том случае, если кто-то входил в комнату, так что приходилось делать шаг в темноту, прежде чем можно было что-то увидеть. Комнаты были, разумеется, обставлены, но мебель являла собой странное зрелище — никакой связи между предметами не существовало, как будто помещения меблировали без всякого смысла. Возникало ощущение, что комнаты предназначались для каких-то совершенно бестолковых существ.

Ни малейшего замысла не просматривалось ни в первом, ни во втором этажах, ни в обширном пустом чердаке. Харли долгое время бродил по дому, засунув руки в карманы. В одном месте он наткнулся на Дэппл. Грациозно склонившись над альбомом, девушка срисовывала картину, висевшую на стене. Картина изображала ту самую комнату, в которой они сейчас находились. Обменявшись несколькими словами с Дэппл, Харли побрел дальше.

Какая-то мысль притаилась на краю его сознания, как

паук в углу своей паутины. Он шагнул в помещение, которое они называли фортепьянной комнатой, и только тут осознал, что же именно его беспокоило. Пока рассеивалась темнота, он украдкой огляделся, а затем перевел взгляд на фортепьяно. Время от времени на полке в кладовке появлялись весьма странные вещи, и их потом расставляли по всему дому, — одна такая вещь стояла теперь на фортепьяно.

Это была полуметровая модель космического корабля — тяжелая, приземистая, со сглаженными формами, острым носом и четырьмя стабилизаторами. Харли знал, что это такое, — модель грузовика класса «земля — космос», мощной машины, доставляющей на орбиту все необходимое.

В свое время появление этой вещи выбило их из колеи сильнее, чем даже возникновение в кладовке фортепьяно. Не сводя глаз с модели, Харли уселся на винтовой табурет и застыл в напряжении, сясь из извлек из глубин сознания *нечто*... нечто, связанное с космическими кораблями.

Что бы это ни было, оно было неприятным и ускользало всякий раз, когда Харли казалось, что он мысленно уже схватил *нечто*. Если бы только удалось хоть с кем-нибудь обсудить эту проблему, тогда можно было бы выманить *нечто* из его тайника. Очень неприятно — ощущать неясную угрозу и в то же время подозревать некую притягательную тайну, скрытую в этой угрозе.

Если бы только удалось добраться до *нечто*, смело встретиться с ним лицом к лицу, тогда Харли смог бы сделать что-нибудь определенное. А пока он не поймал его, то не в состоянии был даже выразить, в чем же заключалось бы это «определенное».

Звук шагов за спиной. Не оборачиваясь, Харли проворно откинул крышку фортепьяно и провел пальцем по клавишам. Лишь затем рассеянно оглянулся через плечо. Позади, засунув руки в карманы, стоял Кальвин, воплощение солидности и покоя.

— Шел мимо и увидел здесь свет, — непринужденно сказал он. — Вот и подумал, дай-ка взгляну.

— Я собирался немного поиграть на фортепьяно, — с улыбкой ответил Харли. *Нечто* не подлежало обсуждению даже с таким близким знакомым, как Кальвин, потому что... потому что это было в природе самого *нечто*... потому что надо было выглядеть нормальным, ничем не обеспокоенным человеком. Да, эта мысль была и здоровой, и понятной: надо вести себя как нормальный человек.

Успокоившись, Харли извлек из клавиатуры ряд мягких беспорядочных звуков. Он хорошо играл. Они все хорошо

играли — Дэплл, Мэй, Пиф... Как только у них появилось фортепьяно, они все стали хорошо на нем играть. Естественно ли это?

Харли еще раз бросил взгляд на Кальвина. Этот крупный мужчина стоял, облокотившись на крышку фортепьяно, спиной к будоражащей воображение модели, и ничто на свете не могло его обеспокоить. На лице Кальвина не отражалось ничего, кроме вежливой любезности. Да, они все были неизменно любезны друг с другом, и никто никогда не ссорился.

За скудным ланчем собрались все шестеро, и их оживленная беседа понеслась по наезженной колее. Затем последовал день — ничем не отличающийся от утра, от всех прочих дней — безопасных, уютных, бесцельных... Только для Харли эта одинаковость была уже чуть-чуть нарушена, картинка словно бы вышла из фокуса: он получил ключ к мучившей его проблеме. Крохотный ключик, но в мертвом покое однообразных дней он казался весьма большим.

Ключ подбросила Мэй. Когда она накладывала себе в тарелку желе, Джаггер, смеясь, обвинил ее в том, что она взяла больше, чем положено по справедливости. Дэплл, всегда защищавшая Мэй, тут же заявила: «Куда там, она взяла меньше твоего, Джаггер».

— Нет, — поправила Мэй, — у меня действительно больше, чем у кого бы то ни было. Таково мое внутреннее чувство.

Это было нечто вроде словесной игры, в которую они время от времени беззаботно играли. Однако Харли отнесся к словам Мэй серьезно и запомнил их, чтобы обдумать на досуге. Теперь он ходил кругами по одной из тихих комнат. Внутреннее чувство, внешнее чувство... Разделяли ли остальные беспокойство, которое ощущал он? Были ли и у них причины скрывать свою тревогу? А вот еще вопрос: что такое «здесь»?

Харли резко оборвал себя.

Решай проблемы по очереди. Продвигайся с максимальной осторожностью, иначе сорвешься в пропасть. Раскладывая свои знания по полочкам.

Первое. Земля постепенно втягивалась в наихудшую стадию «холодной войны» с Нэйтити.

Второе. Нэйтитяне обладали качеством, которое не могло не вызывать тревоги, — они умели принимать облик, не отличимый от внешности их врагов.

Третье. Это качество позволяло им проникать в человеческое общество.

Четвертое. Земля была лишена возможности изучать нэйтитянский цивилизацию изнутри.

Изнутри... Волна клаустрофобии захлестнула Харли, когда он осознал, что эти важнейшие факты ни в коей степени не были связаны с его маленьким внутренним миром. Знание пришло — неизменно каким способом — извне, из той колоссальной абстракции, которую никто из них в жизни не видел. Перед его мысленным взором возникла картина усеянного звездами пространства, в котором плавали или сражались люди и монстры, но Харли быстро стер ее. Такие видения никак не сочетались со спокойным образом мыслей его товарищей. Впрочем, тот факт, что они никогда не разговаривали о внешнем мире, еще не свидетельствовал о том, что они никогда и не размышляли о нем.

С нарастающим беспокойством Харли ходил по комнате, паркетный пол эхом отражал нерешительность его шагов. Он перешел в бильярдную и, мучаясь раздвоенностью, ткнул пальцем в один из шаров. Белые сферы столкнулись и раскатились по зеленому сукну. Точно то же самое произошло и с двумя половинками его сознания. Явное противоречие: он должен остаться здесь и смириться с действительностью, и... он не должен оставаться здесь (поскольку Харли не помнил того времени, когда его здесь не было, он не мог сформулировать вторую часть рассуждения более точно). Игра словами «здесь» — «не здесь» наводила еще и вот на какую мысль: судя по всему, это были не части единого целого, а два взаимоисключающих понятия.

Шар нехотя скатился в лузу. В этот момент Харли принял решение. Сегодня ночью он не будет спать в своей комнате.

Вечером они сошлись из разных концов дома, чтобы выпить перед сном. С общего молчаливого согласия карты отложили на потом: в конце концов, этого «потом» у них было очень много.

Они болтали о разных пустяках, из которых складывался день: о макете одной из комнат, что соорудил Кальвином и декорировался Мэй; о неисправном освещении в коридоре на втором этаже, где слишком медленно разгорался свет. К вечеру все бывали обычно подавленными, потому что приходила пора ложиться спать, а во сне — кто знает, какие сны приснятся! Тем не менее они должны были спать. Харли знал — интересно, знали ли остальные, — что с темнотой, наступающей, как только они забирались в постели, следовал неумолимый приказ спать.

Весь в напряжении, он стоял в дверях своей спальни, отчетливо осознавая необычность собственного поведения. В голове стучала кровь, и, чтобы унять гул, он прижал холодные ладони к вискам. Было слышно, как остальные один за другим расходятся по своим спальням. Пиф пожелал ему спокойной ночи, Харли ответил тем же. Наступила тишина.

Все. Сейчас!

Как только Харли, сильно нервничая, ступил в коридор, вновь зажег свет. Он возвращался в спальню медленно — как бы нехотя. Сердце в его груди заколотилось быстрее. Но Харли решился. Он еще не знал, что делать дальше, не представлял, что могло случиться, но главное — он решился. Уклонился от выполнения приказа спать. Теперь нужно было затаиться и выжидать.

Не так-то легко спрятаться, когда свет повсюду преследует тебя. Но, войдя в укромный закулок, ведущий к нежилой комнате, и слегка отворив дверь, чтобы встать в проеме, Харли обнаружил, что свет в коридоре начал тускнеть, и вскоре все погрузилось во тьму.

Харли не чувствовал ни радости, ни облегчения. Его сознание раздирали конфликт, суть которого он едва понимал. Мысль, что он нарушил порядок, сильно тревожила Харли, а темнота вокруг, населенная какими-то скрипачами, пугала до дрожи в коленках. Однако тревожное ожидание длилось недолго.

В коридоре опять вспыхнул свет. Джаггер вышел из своей спальни, нисколько не заботясь о соблюдении тишины. Дверь позади него громко хлопнула. Харли удалось на мгновение увидеть его лицо, — прежде чем Джаггер свернул и пошел по направлению к лестнице, — оно было невыразительным, но спокойным, как у человека, закончившего работу. Легкой, беспечной походкой Джаггер спустился по лестнице.

Как же так? Джаггер должен был спать в своей постели. Он нарушил закон природы!

Харли без колебаний последовал за ним. Он был готов к чему-то подобному, и вот «что-то подобное» произошло, но от испуга у него пошли мурашки по коже. В голову пришла бредовая мысль, что он может распасться на части от страха. Тем не менее Харли продолжал красться вниз по лестнице, бесшумно передвигаясь по толстому ковру.

Джаггер свернул за угол. Он шел, тихонько насвистывая. Харли услышал, как он отпирает дверь. Это могла быть только кладовка — ни одна другая дверь в доме не запиралась. Насвистывание стихло.

Кладовка была открыта. Оттуда не доносилось ни звука. Со всеми предосторожностями Харли заглянул внутрь. Дальняя стена была повернута вокруг центральной оси, и за ней открывался проход. Остолбенело уставившись в этот проход, Харли несколько минут не мог заставить себя двинуться с места.

Наконец, едва не задыхаясь от волнения, он ступил внутрь. Джаггер прошел здесь. Значит, Харли тоже пройдет. Тула, в неизвестности... тула, о существовании чего он и не подозревал... Куда-то туда, что уже не было домом. Проход был коротким. В конце обнаружили две двери. Одна — в торце, похожая на дверцу клетки (увидев впервые в жизни лифт, Харли не узнал его), вторая — сбоку, узкая и с окошком.

Окошко было прозрачным. Харли взглянул сквозь стекло и отшатнулся, задыхаясь. У него закружилась голова, и словно невидимая рука сжала горло.

Снаружи сияли звезды.

С усилием совладав с собой, он проделал обратный путь вверх, пошатываясь и хватаясь за перила. Они все жили в страшном заблуждении...

¹ Парaphраз строки из знаменитого монолога Гамлета: «Какие сны приснятся в смертном сне...» (Пер. М. Л. Лозинского).

Харли ворвался в комнату Кальвина. Зажегся свет. В воздухе ощущался едва заметный душистый аромат. Кальвин крепко спал, лежа на спине.

— Кальвин! Проснись! — кричал Харли.

Спящий даже не шевельнулся. Харли вдруг осознал свое полное одиночество перед лицом зловещего ужаса, который стал вселять в него этот огромный дом. Нагнувшись над кроватью, он яростно встряхнул за плечи спящего Кальвина и хлестнул его по щеке.

Кальвин застал и открыл один глаз.

— Дружище, вставай! — кричал Харли. — Происходит что-то ужасное.

Опираясь на локоть, Кальвин приподнялся. Передававшийся от Харли страх полностью разбудил его.

— Джаггер вышел из дома, — говорил Харли. — Выход наружу существует. Мы... мы должны выяснить, кто мы такие. — Его голос сорвался на истерическую ноту. Он опять начал трясти Кальвина. — Нам нужно понять, что здесь не так. Или мы жертвы какого-то жуткого эксперимента, или все мы — чудовища!

И пока он произносил эти слова, перед его широко открытыми глазами, под его судорожно стиснутыми руками Кальвин начал сморщиваться, сворачиваться, съезжаться, его большое тело словно бы дало усадку, а глаза сошлись вместе. Вместо Кальвина формировалось что-то иное — живое, полное жизненных сил.

Харли прекратил вопить только внизу, когда, сбегав по лестнице, сквозь маленькое окошко двери вновь увидел звезды. Это зрелище привело его в чувство. Он должен был выбраться наружу, какой бы ни оказалась эта «наружность».

Он распахнул дверь и ступил за пределы дома, омываемый прохладным ночным воздухом.

Глаза Харли не умели оценивать большие расстояния. Потребовалось некоторое время, чтобы оценить окружающую его обстановку, понять, что горы стоят вдалеке, выходясь на фоне звездного неба, что сам он помещается на какой-то платформе на высоте около четырех метров от земли. Поодаль сияли огни, свет от них яркими прямоугольниками ложился на покрытие шоссе.

К краю платформы была прислонена железная лестница. Кусая губы, Харли подошел к ней и неуклюже спустился на землю. Его бешено трясло от холода и страха. Как только ноги коснулись твердой почвы, Харли пустился бежать. Лишь один только раз он оглянулся — дом возвышался над платформой, словно лягушка, наживленная над крысоловкой.

Очувшившись в полной темноте, Харли внезапно остановился. От отвращения его едва не стошнило. Высокие, словно бы потрескивающие звезды и бледные зубцы гор завертелись вокруг него, и он с силой сжал кулаки, чтобы не потерять сознание. Этот дом, чем бы он ни был на самом деле, воплощал космический холод, поселившийся в его душе. «Я не знаю точно, что со мной сделали, — сказал себя Харли, — но меня обманули. Кто-то так искусно ограбил меня, что мне даже невдомек, что именно увели. Но все равно это обман, гнусный обман...» Он едва не задохнулся от гнева при мысли об всех украденных у него годах. Мыслей не было: мысли, обуглив нервные окончания, протекли, словно кислота, сквозь мозг. Действовать! Только действовать! Ноги Харли снова пришли в движение.

Над ним возвышались какие-то здания. Харли побежал на свет ближайшего дома и ворвался в первую попавшуюся дверь. Там он остановился, тяжело дыша и шурясь от резкого света.

На стенах комнаты висели схемы и диаграммы. В центре помещался широкий стол с видеозэкраном и репродуктором. Это явно был рабочий кабинет, о чем свидетельствовали деловой беспорядок и переполненные окурками пепельницы. Худой человек с тонкими губами напряженно следил за пультом.

В комнате находилось так же четверо хорошо вооруженных людей. Никто из них, казалось, не удивился вторжению Харли. Четверо стоявших были в форме, а сидевший за пультом — в аккуратном гражданском костюме.

Харли прислонился к косяку и издал всхлипывающий звук. Он не мог вымолвить ни слова.

— Вам потребовались четыре года, чтобы выбраться отсюда, — сказал тонкий человек. Голос у него тоже был тонкий.

— Подойдите ближе и взгляните, — сказал он, показывая на экран.

Сделав усилие, Харли подчинился — его негнущиеся ноги более всего напоминали расхлябанные костыли.

На экране было четкое изображение спальни Кальвина. Вместо наружной стены комнаты образовался большой проем, сквозь который два человека в форме тащили странное создание механического вида — похожее на конструкцию из проволоки существо, которое прежде называлось Кальвином.

— Кальвин — найтитянин, — тусклым голосом констатировал Харли. Его собственное замечание вызвало у него что-то вроде глуповатого изумления.

Худой одобрителем кивнул.

— Тайное проникновение врагов представляло собой кошмарную угрозу, — сказал он. — На всей Земле не было места, где можно было бы чувствовать себя в безопасности: убив человека и отделившись от трупа, найтитяне способны превращаться в точную копию жертвы. Борьба с этим сложно... В результате многие государственные тайны были нами утрачены. Однако космические корабли найтитяне должны все-таки приземляться на планете, чтобы доставлять новые партии нелюдей и забирать тех, кто уже выполнил задание. Это единственное слабое звено в их цепи... Мы перехватили один из таких транспортных кораблей и выловили найтитяна поодиночке уже после того, как они приняли человеческий облик. Мы подвергли их искусственной амнезии и в целях изучения разбили на небольшие группы, создав для каждой особые условия. Кстати, сейчас мы находимся в Военном институте по изучению нелюдей. Мы многое узнали... вполне достаточно, чтобы бороться с угрозой... Ваша группа была одной из тех, о которых я упомянул.

— А почему же вы меня зачислили в не... — скрипучим голосом спросил Харли.

Прежде чем ответить, худой сунул кончик линейки меж зубов и выбил короткую дробь.

— Несмотря на все телекамеры и сканирующие устройства, наблюдающие за найтитянами снаружи, мы включили в каждую группу по человеку. Понимаете, найтитянину требуется очень много энергии, чтобы сохранять человеческий облик. Обретя его, пришелец в дальнейшем поддерживает внешность с помощью самогипноза, который может дать собой только в случае стресса, а пороговый уровень стресса различается от одной особи к другой. Помещенный в группу человек способен ощущать эти психологические напряжения... Очень утомительная работа... Поэтому мы всегда держим на ней дублеров — каждый человек день работает, день отдыхает...

— Но я-то всегда находился там...

— В вашей группе человек — Джаггер, — отрезал худой. — Точнее, два сменяющих друг друга близнеца, которых вы считали за одного Джаггера. Одного из них, сменяющегося с дежурства, вы и подстерegli.

— Чувь какая-то! — выкрикнул Харли. — Вы хотите сказать, будто я...

Он подавился словами. Что-то мешало ему произносить звуки. Он почувствовал, как внешняя оболочка осыпается с него, словно песок, и увидел дула револьверов, направленные на него с противоположной стороны пульта.

— Ваш пороговый стрессовый уровень необычайно высок, — продолжал худой, отводя глаза от омерзительного зрелища. — Но там, где слабо, там и рвется. Так же, как у земных насекомых, имитирующих растения, ваше умение приспосабливаться губит вас. Вы можете быть только углеродными копиями. Поскольку Джаггер ничего не делал в доме, то и все остальные инстинктивно имитировали его поведение. Вам не было скучно, вы даже не пытались придумать за Дэппл — самой привлекательной из всех нелюдей, каких я встречал. Даже модель космического корабля не вызвала у вас сколько-нибудь заметной реакции.

Отряхивая свой костюм, он поднялся, глядя на скелетообразное существо, скорчившееся в углу.

— Отсутствие человеческого внутри всегда будет выдавать вас, — сказал он ровным голосом. — Какой бы человеческой внешностью вы ни обладали.

Перевел с английского
А.АГИШОВ

ПОЛЕТ ПОД ВОДОЙ

Этих птиц называют «клоунами Атлантики» или «арктическими братишками», существование их сегодня под угрозой.

Морские попугаи, или попугаи-ныряльщики — птицы семейства чистиков — величиной примерно с крупного голубя. Живут они колониями вдоль северных берегов Атлантики и Тихого океана. Южная граница распространения морских «клоунов» проходит в Европе примерно на широте Бретани, а в Америке — по восточному побережью США севернее Нью-Йорка. В Германии они встречались лишь на острове Гельголанд, но их истребили еще в 1830 году.

Морской попугай прекрасно приспособлен для жизни на суровых берегах Северной Атлантики. Это превосходный пловец и ныряльщик. Пищей ему служат мелкие рыбешки, в основном молодняк сельди. Во время охоты птица остается под водой до двух минут, ныряя на десятиметровую глубину. Однако при необходимости «попугай» легко может нырнуть и гораздо глубже.

Крылатые рыболовы сумели овладеть даже таким удивительным способом передвижения, как полет под водой. Правда, крылья при этом расправлены только наполовину; делая ими короткие, энергичные взмахи, «попугай» мчится, как торпеда. Яркие красные лапки, снабженные перепонками, вытянуты назад и используются в качестве универсального руля.

Начало года — период спаривания и высживания яиц. В это время «попугай» получает свадебное украшение: блестящие, словно лакированные, алые полоски на клюве. Именно из-за такой легкомысленной расцветки северного рыболова прозвали «пестрый весельчак» — вполне тропическое имя.

Морские попугаи проводят жизнь в воде и выходят на сушу лишь для кладки и высживания яиц. Живут они устойчивыми супружескими парами. Обычные места гнездовий — необитаемые острова и крутые скалы в открытом море. С помощью клюва, коготков и крыльев «попугай» роет для гнезда нору длиной до 5 метров! «Пестрый весельчак» доволен жизнью лишь тогда, когда находится в обществе себе подобных — чем больше родных и друзей галдит вокруг, тем лучше. Однажды эта не-

одолимая тяга к общественному образу жизни создала довольно курьезную проблему для американских зоологов.

В 70-е годы ученые решили восстановить популяцию морских попугаев на островке Эгг-Рок у берегов штата Мэн (когда-то там уже была колония «весельчаков», но разорение гнезд и хищнический сбор яиц местными жителями привели к быстрому вымиранию птиц). Ученые расставили на острове ярко раскрашенные деревянные муляжи — бутфорских попугаев, чтобы настоящие переселенцы видели — здесь не будет недостатка в хорошем обществе и не испытывали душевного дискомфорта. Но «весельчаки»-иммигранты кинулись приветствовать своих деревянных собратьев с таким бурным восторгом, что вскоре попопрокидывали все чучела до единого. Кропотливая работа пошла насмарку — разочарованные «попугаи», обманутые в лучших чувствах, улетели с острова.

Позднее, в 1980 году, ученые применили более изощренную хитрость. На острове выкопали гнезда-норы в полном соответствии со вкусами и требованиями «попугаев», и у входа в каждую укрепили несколько зеркал. Затем на Эгг-Рок привезли новую партию птиц. Подойдя к норе, чтобы познакомиться и подружиться с ее обитателями, «весельчак» убеждался сразу в двух приятных обстоятельствах: во-первых, нора свободна, и в ней вполне можно поселиться; во-вторых, он окружен зеркально-дружелюбными соотечественниками. Трюк сработал, и сегодня на острове живет уже несколько тысяч супружеских пар «весельчаков», не считая их бесчисленных зеркальных отражений.

В прошлом человек относился к этим добродушным, забавным птицам так же, как и ко всем другим диким животным — на них охотились, разоряли гнезда. Сбор яиц морских попугаев на отвесных скалах был весьма опасным делом и потому считался «спортом мужественных». В наше время поставлено под угрозу существование всего вида в целом. Человеческая деятельность неумолимо сокращает среду обитания «попугаев» даже в отдаленных северных областях. Когда в 60-е годы рыболовные флотилии выбрали почти всю сельдь в Северной Атлантике, миллионы птенцов умерли от голода в темной глубине своих нор. Правда, впоследствии популяция сельди восстановилась благодаря срочно введенным ограничениям объема улова. Но теперь «арктических братишек» (это прозвище соответствует их латинскому названию *fratercula arctica*) убивает новый страшный враг, от которого нет спасения — нефтяное загрязнение океана. Что-то надо придумать, чтобы спасти «братишек».

По материалам журнала «Вивн»
подготовил А.Случевский

В ЧЕМ СОЛЬ?

Дефицит поваренной соли в наших магазинах — это, конечно, результат бесхозяйственности, нерадивости и еще множества экономических и внеэкономических причин, никак не связанных с распространенностью в природе хлорида натрия. Однако с каменной солью на нашей планете дело обстоит действительно не так уж просто. Это касается и прошлых эпох, когда соль ценилась на вес золота, и нашего времени. Одни месторождения истощаются, другие становятся нерентабельными. В одних странах с солью густо, в других — пусто. Кто знает, может, наша общечеловеческая страсть к расходуванию невозобновимых ресурсов приведет (если ее не остановить) к тому, что в будущем поваренная соль — этот распространеннейший и не обойтись продукт — вновь станет цениться наравне с золотом и мехами. Симптомы тому налицо. Вот, например, Боливия — страна, не очень богатая галитом — каменной солью. Добыча ее ведется открытым способом, причем в основном, как и сотни лет назад, вручную. Рабочие в соляных копиях Колхани выламывают глыбы галита и грузят на тяжелые трейлеры, которые мчат обильно политую потом соль за двести километров — в столичный город Ла-Пас. Впрочем, почему «рабочие»? Правильнее сказать — работницы. Увы, по здешним, достаточно странным для нас традициям, большая часть этой непосильной работы ложится на плечи женщин. Недаром в Колхани существует малоизвестная в других краях поговорка: «женские слезы не соленые», имеется в виду, что вся соль уходит с потом и снова становится солью, только каменной.

ЛЮДИ ДЛЯ ПАРКОВ...

Приращение национальных парков и заповедников на нашей планете не может не вызывать радости. Каждый новый парк — это еще один сохраненный уголок природы, спасенные виды животных и растений, пример для современников и наследие для потомков. Однако не везде жизнь национальных парков протекает гладко — где свирепствуют браконьеры, а где и сама дирекция ведет себя не лучшим образом, забывая об интересах местных жителей, упуская из виду, что запо-

ведник — не просто участок дикой природы, но место обитания людей. Например, не легкая ситуация сложилась в Восточной Африке. Некоторые народы — в частности, масаи — все с большим скептицизмом относятся к национальным паркам, не без основания считая, что благородные природоохранные идеи порой вырождаются, и заповедники превращаются в охотничьи угодья для богатых европейцев и американцев, любителей сафари. Разумеется, валютные поступления, разумеется, оживление торговли, но... Вот мнение одного из масайских вождей: «Стратегию агентств по охране дикой природы вполне можно назвать античеловеческой, потому что они никак не могут осознать — выживание дикой природы прямо зависит от сохранения культуры и традиций коренных народов».

...И ПАРКИ ДЛЯ ЛЮДЕЙ

К счастью, все не так трагично, и коммерциализация национальных парков пока еще не повсеместна. Вселяющим надежды примером может служить Коста-Рика — страна, десять процентов площади которой занимают национальные парки или охраняемые территории. Насколько известно, конфликтов здесь между местными жителями и дирекциями парков до сих пор не наблюдалось, а программа сохранения дикой природы, принятая в Коста-Рике, считается самой эффективной во всем тропическом поясе. Крохотным свидетельством благополучия коста-риканского тропического леса может служить наша фотография, на которой запечатлена змея со звучным названием — цепкохвостый ботропс Шлегеля — красивое, опасное и весьма редкое пресмыкающееся.

СТРЕЛЫ ДЛЯ ОРАНГ-АСЛИ

Любопытное впечатление, наверное, оставляют у приезжего городки, затерянные в горах Малайзии. Вот, например, Тамах-Ратах, «главный город» нагорья Камерон, лежащего к северу от Куала-Лумпура. Весь Тамах-Ратах — это, в сущности, одна длинная узкая улица — дешевые китайские гостиницы, ресторанички, крепко пахнущие кэрри,

стенды с американскими журналами трех-четырёхмесячной давности, тесные лавочки, где можно купить индонезийский батик, коллекции умопомрачительных бабочек, наколотых на булавки, и, наконец, уникальное оружие — безобидные на вид духовые трубки с набором стрел, смоченных смертельным ядом...

А в нескольких часах ходьбы от Тамах-Ратах живут люди, которые до сих пор охотятся именно с такими трубками. Это оранг-асли, народ меланезийского происхождения, много столетий назад заброшенный в местные горы миграционными волнами с Суматры.

Оранг-асли живут в бамбуковых хижинах по берегам горных ручьев, торгуют помаленьку изделиями из ротанга, поклоняются деревьям (и ротанговой пальме в том числе), мужчины охотятся на мелких птиц и крысы, в которых безошибочно попадают короткими стрелами из духовых трубок. Иного оружия охотники оранг-асли не признают — оно дорогое, сделано из неприятного холодного металла, а привычные бамбуковые трубки всегда под рукой...

САФАРИ ДЖ. ШАЛЛЕРА

Северо-западная часть Тибетского плато — засушливое высокогорье, где нет пока ни особых населенных пунктов, ни явных примет цивилизации. Вид этот уголок имеет такой же, как и сто, и, наверное, тысячу лет назад.

Китайское правительство и Джордж Шаллер от души надеются, что это статус-кво сохранится и в дальнейшем. Джорджа Шаллера нет нужды представлять читателям: в «Вокруг света» появлялись его материалы, в нашей стране выходили книги; этот крупнейший биолог посвятил свою жизнь спасению слонов, снежных барсов, львов, горилл, гигантских панд и прочих животных. В последние годы Шаллер много ездит по свету (впрочем, он путешественник, что называется, по жизни), выясняя, какие уголки природы особо нуждаются в защите. Вот такой уголок и нашелся на Тибетском плато на высоте четыре с половиной километра — примерно 260 тысяч квадратных километров территории, служащей родным домом для диких яков, снежных баранов, тибетских антилоп оронго, диких ослов...

— Популяция слонов есть и в Африке, и в Азии, — говорит Шаллер. — Им весьма угрожает опасность, но если исчезнет одна, останется другая. Однако эта пустынная равнина — последнее прибежище на всем белом свете для многих тибетских животных...

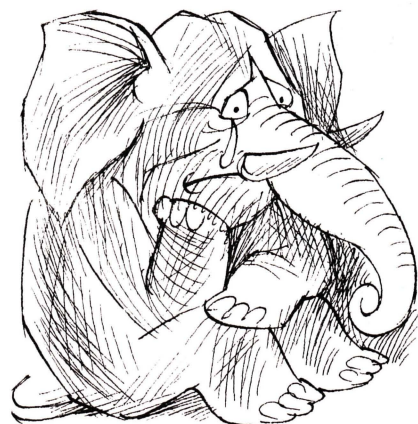

Рис. В. ЧИЖИНОВА

На первой странице обложки: Каноэ-катамаран «Хокулеа». Это гавайское имя самой яркой в Северном полушарии звезды Арктур дал своему судну американский ученый и путешественник Бен Финни. Воссоздав точную копию каноэ древних мореплавателей, он решил пройти от Гавайев до Таити. Продолав это путешествие на «Хокулеа», Финни доказал: предки современных полинезийцев могли наперекор стихии преодолевать огромные расстояния в открытом океане. (Очерк Бена Финни «Путешествие на Таити» читайте на стр. 1).

Пожилый человек, которого вы видите на третьей странице обложки, представитель весьма почитаемой в Корее, но довольно редкой профессии, — каллиграф. Во всех странах, где пишут или писали иероглифами: Китае, Японии, Вьетнаме, Корее, каллиграфические надписи обязательны были при всех торжественных случаях, не только написать, но и прочитать их нужно было учиться. Обычай остался, а письменность в обоих корейских государствах заменили на сложную алфавит, и мало кто уже умеет читать иероглифы, а тем более искусно их писать.

Ну что ж, тем ценнее работа каллиграфа.

**Главный редактор
А. А. ПОЛЕЩУК**

**Редакционная
коллегия:**

**В. И. АККУРАТОВ,
А. К. ГЛАЗУНОВ,
Ю. Ю. ЖИТКОВСКИЙ,
А. П. КАЗАНЦЕВ,
Н. В. КРИВЦОВ,
В. А. ЛЕБЕДЕВ**

**(заместитель
главного редактора),
Н. Н. НЕПОМНЯЩИЙ
(ответственный
секретарь),**

**Ю. А. СЕНКЕВИЧ,
А. В. ХЛЕБНИКОВ,
Л. А. ЧЕШКОВА,
А. Н. ЧИЛИНГАРОВ,
А. В. ШУМИЛОВ**

**Художественный редактор
Н. МАЛИНОВСКАЯ
Манет Н. ГЛЕБОВСКОГО
Технический редактор
О. БОЙКО.
Карты выполнены
К. УЛАНОВОЙ**

**Номер набран на машинах
«Бертольд» серии «Д»
Операторы ЭВМ
Ю. ВЕРШИНСКАЯ
М. НИКУЗАЙЛО**

**В номере использованы
иллюстрации из журналов
«Нэшнл джигорэфин»,
«Смитсонян», «Гео», «Гран
репортаж».**

**Цена по подписке — 95 коп.
В розничной продаже —
1р.50 коп.**

1 В. ЛЕБЕДЕВ

Хокулеа, путеводная звезда

2 Бен ФИННИ

Путешествие на Таити

8 Василий ГАЛЕНКО

Пропало море

14 В. ОРЛОВ

Умка — зверь свирепый

19 Рената и Ярослав МАЛИНА

Природные катастрофы и
пришельцы из космоса

23 Александр ДЮМА (отец)

Из Парижа в Астрахань

31 Сергей ФРОЛОВ

Галопом по Европам

36 Карл МАЙ

Робер Соркуф
Повесть

46 Роберт БЭККЕР

Легенды и были о динозаврах

51 Н. НЕПОМНЯЩИЙ

«Зимбабве» — каменный дом

52 Брайан ОЛДИСС

Внешность
Фантастический рассказ

57 «Пестрый мир»

59 Рафаэль САБАТИНИ

Колумб
Роман

Сдано в набор 19.02.91. Подп. к печ. 24.05.91. Формат 84x108 1/16. Печать офсетная.

Условн. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 28,56. Учетно-изд. л. 11,5. Тираж 1 800 000 экз. (1 000 001 — 1 800 000 экз.) Заказ 2068. Цена 95 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес: 103030, Москва, Н-30, Сушевская, 21.

— Черт возьми! — радостно выругался маркиз, хватив кулаком по столу.

— Теперь вас оправдают по всем статьям, — улыбнулась маркиза.

— По крайней мере, будет спасена моя честь, — ответил Колон.

— И все остальное.

— Едва ли. Слишком уж велико сопротивление. Если бы я представил карту комиссии, боюсь, ее члены сочли бы, что и этого недостаточно.

Над последней фразой маркиза задумалась, и плодом ее размышлений стал план, который она и намеревалась осуществить в тот же вечер.

После ужина паж, неся над головой ярко горящий факел, отвел их к павильону, над которым вздымался штандарт с гербами двух королевств.

Король играл в шахматы с епископом Авилы, а королева, сидя за небольшим столиком, слушала доклад капитана Рамиреса, командующего ее артиллерией, которого в армии прозвали Эль Артильеро. Речь шла о новых бомбардах, призванных усилить огневую мощь армии. Тут же, естественно, отирался и Фонсека, весь в черном и, как полагалось священнослужителю, без оружия.

Рамирес уже уходил, когда паж поднял портьеру, пропускающую в павильон маркизу Мойя. Ближайшая подруга королевы, она имела право приходить в любое время дня и ночи.

Ее величество оторвалась от списка орудий, оставленного Эль Артильеро, подняла голову, улыбнулась маркизе.

— Обычно ты не приходишь так поздно, Беатрис. Предпочитаешь остаться у себя.

— Сегодня я не могла не прийти. У меня новости для ваших величеств. Касательно Колона.

Она не могла удирать их более, даже если бы сбросила на пол канделябр. Король резко обернулся.

— Надеюсь, вы пришли сказать, что мерзавец Колон покинул Испанию?

— Ну что вы, сир, я не из тех, кто спешит сообщить дурные вести.

— Я вижу, что вы все еще благоволите к этому долговязому пройдохе?

— К его уму я отношусь с большим уважением, чем к росту, ваше величество, — ответила маркиза.

Епископ двинул вперед фигуру:

— Шах, сир.

— А мне кажется, лучшее, что у него есть, — это ноги, — рассмеялся Фердинанд. — Вот ими-то ему и следует сейчас воспользоваться. — И он снова склонился над доской.

Королева вздохнула.

— К сожалению, он не выдержал испытания, устроенного комиссией, в том числе и доном Хуаном.

— Мне повезло, что я застала у вас дону Хуана, — улыбнулась маркиза.

Фонсека поклонился, но и тени улыбки не мелькнуло на его круглом лице.

— Я лелею надежду, — продолжала маркиза, — что принесенные мною вести побудят его изменить свое отношение к сеньору Колону.

Король торопливо сделал ход и вновь обернулся.

— Что я слышу? Вы вновь защищаете этого лжеца?

Королева похлопала маркизу по руке, снова вздохнула:

— Никто не сомневается в твоих добрых намерениях, Беатрис. Но вопрос уже рассмотрен.

— Еще шах, сир. — вмешался епископ. — Боюсь, следующим ходом будет мат.

— Мат? — король уставился на доску. — К дьяволу этого Колона! Из-за него проиграл партию! — Фердинанд тяжело поднялся, хмуро посмотрел на маркизу: — Ради Бога, Беатрис, неужели вы не понимаете, что словами тут ничего не изменишь? Так что ты нам хотела сказать?

Маркиза не заставила себя упрашивать.

— Как хорошо, что при нашем разговоре присутствуют епископ Авилы, который был председателем комиссии, и

дон Хуан де Фонсека, оказавший немалое влияние на принятие решения.

Талавера встал из-за стола вместе с королем. И теперь молча сверлил маркизу холодным взглядом.

Королеву в немалой степени удивила настойчивость маркизы.

— Да, мы вас выслушаем. — Она откинулась на спинку стула. — Я не сомневаюсь, дон Хуан найдет, чем вам ответить.

Подошел и король в сопровождении епископа Авилы. На его лице играла улыбка.

— Послушаем и мы. Рыцарский поединок между женщиной и священником. Такое войдет в историю.

Маркиза всматривалась в круглое желтое лицо дону Хуана де Фонсеки.

— Вы убедили себя и других, не так ли, что сеньор Колон лгал, утверждая, что у него есть карта великого Тосканелли?

Фонсека принял бой.

— Моя убежденность идет от знания жизни. Как могло случиться, что человек, имеющий на руках неопровержимые подтверждения своих взглядов, не упоминал об этом до тех пор, пока наша настойчивость не заставила его признать, что они у него есть?

— Понимаю, — с видимой неохотой согласилась маркиза. — Это существенно.

— Слава тебе, Господи, — насмешливо воскликнул король. — Ее глаза открылись.

— Не совсем так, ваше величество. Кое-что остается неясным. Если выводы Колона представляются кому-то недостаточно убедительными, почему то же самое, сказанное другим человеком, уже не вызывает ни малейших сомнений. Я, разумеется, женщина глупая, но, убей Бог, не вижу, в чем здесь разница...

Ей ответил Талавера.

— Разница в том, кто высказывает эти выводы: невежественный моряк или лучший математик современности.

— Вы удовлетворены ответом, маркиза? — спросил ее король.

— Разумеется, сир. Ну почему я такая бестолковая? — Беатрис рассмеялась, как будто прикрывая собственную неловкость. — Однако, господа, — она перевела взгляд с Талавера на Фонсеку, — вы слишком усердно уповаете на эту разницу. Не станете же вы утверждать, что поддержали бы Колона, предьяви он эти несчастные карту и письмо?

— Почему же нет, мадам? — сурово возразил Талавера.

— Что? — Брови маркизы взметнулись вверх. На лице отразилось изумление. — Вы можете заверить меня, мой господин, что Колон получил бы вашу поддержку, если бы у него на руках оказались документы, подписанные Тосканелли?

— Заверю вас в этом, мадам, — твердо ответил епископ Авилы.

— Несомненно, мадам, — добавил Фонсека.

Королева молчала. Она уже давно поняла, что маркиза ведет какую-то игру.

Улыбка, теперь уже победная, заиграла на губах маркизы, когда она повернулась к королеве.

— Ваше величество слышали, что сказали их преподобие?

Королева наклонилась вперед.

— Вы задали нам немало загадок, Беатрис. Объясните простому, о чем, собственно, идет речь?

— Ваше величество, я лишь хотела, чтобы эти господа лишились той предвзятости, которую они испытывают по отношению к Колону. Он совсем не обманщик. Ему уже возвращены украденные у него карта и письмо. Колон здесь, в лагере, и готов положить документы перед вами.

Глава 22. РЕАБИЛИТАЦИЯ

Кристобаль Колон стоял перед их величествами в золотистом отсвете свечей.

Королева Изабелла решила, что восстановление справедливости не терпит отлагательств.

Сантанхель и Кабрера вошли вместе с Колоном. Маркиза

Моя, теперь главный покровитель Колона, стояла на полу-пути между ними и столиком, за которым сидела королева. Король, Талавера и Фонсека тесной группкой застыли за ее спиной. Документы Тосканелли и собственная карта Колона лежали на столе, перед ее величеством.

С разрешения королевы Сантанхель рассказал о своем участии в спасении документов.

— Воры, — докладывал он, — два агента Венецианской Республики. Один из них какое-то время находился при дворе ваших величеств, заявляя, что состоит в штате мессера Мочениго, посла Венецианской Республики. Их взяли вдесяти милях от Кордовы, по дороге в Малагу. Чтобы исключить возможные осложнения с Венецией, коррехидор Кордовы обставил все так, будто на них напали обыкновенные бандиты.

Тут его прервал король Фердинанд.

— Чуть какая-то. Какой интерес может проявлять Венеция к этим документам?

— Чуть это или нет, но я излагаю вам факты, и коррехидор Кордовы может подтвердить мои слова.

— С вашего дозволения, ваше величество, — вступил в разговор Колон, — интерес Венеции мне более чем ясен, и теперь я даже начинаю понимать, почему встретил в Португалии такое противодействие. Богатство и могущество Венеции зиждется на ее торговле с Индией. Венеция контролирует всю европейскую торговлю с Востоком. Стоит нам достичь Индии западным путем — ее монополия рухнет.

Фердинанд задумался.

— Пожалуй, в этом что-то есть.

Королева оторвалась от карты, которую внимательно изучала.

— Я сожалею, сеньор, что с вами обошлись столь несправедливо, и очень рада, что вы доказали свою полную невинность.

Фонсека, однако, не желал признавать себя побежденным.

— Возможно, я перестраховываюсь, ваше величество, но не следует забывать, что Тосканелли умер и нам могут подсунуть подделку.

От громкого, насмешливого смеха маркизы кровь бросилась ему в лицо, черные глаза полыхнули яростью. Но королева не дала ему заговорить.

— Почерк на карте тот же, что и на письме, одинакова и печать, — сухо заметила она.

— Можно подделать и то, и другое, — ответил Фонсека.

— Действительно, — согласился Фердинанд, — нельзя исключать такой возможности.

Королева взглянула в глаза Фонсеки.

— Так вы утверждаете, что перед вами подделка? Говорите, ваше преподобие, не стесняйтесь. Вопрос слишком серьезный.

Чувствуя за собой поддержку короля, Фонсека не замедлил с ответом.

— Как угодно вашему величеству. Мне представляется, что в критической ситуации человек не может устоять перед искушением, тем более что сеньору Колону нарисовать такую карту, а мы можем судить о его способностях по его собственной карте, не составив большого труда.

Колон рассмеялся, вызвав неодобрение королевы.

— Что развеселило вас, сеньор?

— Сколь тонко завуалировал дон Хуан свои намеки. Почему бы ему не высказаться более откровенно? Обвинить меня в том, что я подделал эти документы, чтобы добиться одобрения моего предложения.

— А если бы я прямо сказал об этом, смогли бы вы указать мне, в чем я не прав?

— Я бы не стал этого делать. Да это и не нужно. Вы и сами должны понимать: будь эти документы фальшивыми, а я их автором, они появились бы перед уважаемым председателем комиссии, едва я переступил порог зала заседаний. Хотелось бы услышать ваш ответ и на другой вопрос: с какой стати Венецианская Республика послала агентов, чтобы те выкрали у меня подделку перед заседанием комиссии?

Фердинанд громко засмеялся. Улыбнулся даже Талавера.

Фонсека поджал губы. Поклонился их величествам.

— В рвении услужить вашим величествам я иногда делаю и ошибки.

— И не только вы, — добавил Колон.

— Сеньор, сегодня вы можете быть более великодушным, — мягко упрекнула его королева. — Возьмите ваши карты. Вы можете идти. Завтра мы вновь ждем вас у себя.

— Целую ноги вашего величества, — Колон удалился, весьма довольный исходом аудиенции.

Наибольшее впечатление на королеву произвело не возвращение карты Тосканелли, но сама попытка венецианцев украсть ее. Тут уж у нее не осталось ни малейших сомнений: она поступила мудро, сразу же высказавшись за экспедицию в Индию.

— Ну и хитры же эти венецианцы, — сказала она королю Фердинанду, когда они остались вдвоем. — Сразу поняли, что обогащение Испании, обещанное Колоном, произойдет за их счет.

— А разве нам не хватит богатств Гранады?

Изабелла покачала головой.

— Священный долг правителей — не останавливаться на достигнутом, когда у них есть возможность расширить владения государства, во главе которых они поставлены Господом Богом.

— Все так. Но давайте не путать грезы с реалиями. Земли, которые можно достичь, плывя на запад, пока не более чем мечта.

— Не так давно мечтой казалось и покорение Гранады. Однако ждать осталось совсем недолго.

— Гранада у нас перед глазами. Мы знаем, что она существует. Но мы не можем увидеть земли сеньора Колона.

— Есть другие глаза. Ими Колон видит Индию так же ясно, как мы — Гранаду.

— Об этом я и говорю. Стоит ли рисковать жизнями людей и богатством, кровью и золотом, чтобы доказать, что его видения — не миф?

— Кто не рискует, тот не выигрывает.

— А должны ли мы рисковать? Война опустошила нашу казну и может затянуться еще на много месяцев. Каждый маравети на счету.

Собственно, последней фразой и определилось решение, которое услышал Колон на следующий день, придя в королевский павильон. Исполнение его надежд вновь откладывалось. Но он получил твердое заверение, что владыки Испании на его стороне.

— Мы всесторонне рассмотрели ваше предложение и решили вас поддержать, — сообщила ему королева. — Однако осуществление экспедиции возможно лишь после покорения Гранады. Только тогда у нас будут необходимые средства. А пока дон Алонсо де Кинтанилья получит указание выплачивать вам пособие, чтобы вы ни в чем не знали нужды.

От встречи с королевой Колон ждал большего, но и такой итог не обескуражил его.

— В конце концов, — резонно заметил Сантанхель, — стоит ли раздражаться из-за нескольких недель отсрочки, когда падают годы ожидания.

Они сидели вдвоем в шелковом шатре канцлера. Пообедали, но еще не встали из-за стола.

Колон вздохнул.

— Меня все еще считают молодым, хотя годы несбывшихся надежд уже посеребрили мою голову, — он наклонился, чтобы показать седые волосы, действительно появившиеся в его великолепных рыжеватых кудрях.

— Не ищите у меня сочувствия, — улыбнулся Сантанхель. — Я весь поседел на королевской службе.

— Гранада! — фыркнул Колон. — Всего лишь город. И ради него откладывается покорение целого мира!

— Успокойтесь. Задержка будет недолгой. Война закончится еще до конца этого года. Владыки знают, что говорят.

— Я буду ждать окончания войны в Кордове вместе с Беатрис. Она поможет мне набраться терпения.

Сантанхель согласно кивнул.

— Вы правы, Кристобаль, поезжайте к ней. Она ждет вас. И... — он помолчал, а затем добавил: — Будьте добры к ней. Глаза Колона изумленно раскрылись: — Уж в этом-то вы можете не сомневаться.

Глава 23. ЧАША СТРАДАНИЯ

Наутро после заточения в каменный мешок оба венецианца предстали перед коррехидором Кордовы.

Они стояли перед ним с налитыми кровью от недосыпания и злости глазами, неряшливые, искусанные клопами и блохами. Громогласная речь Рокки, которую тот репетировал едва ли не с полночи, оборвалась на второй фразе сердитым окликом дона Ксавьера.

— Вы здесь не для того, чтобы оглушать меня своими воплями. Будете говорить только тогда, когда вас о чем-нибудь спросят. Вы сейчас в Кастилии, а в Кастилии мы во всем придерживаемся установленного порядка, — он обернулся к нотариусу: — Зачитайте жалобу.

Надувшись, венецианцы выслушали перечень оскорбительных выходов, допущенных ими в корчме. Затем их спросили, отрицают ли они предъявленные обвинения.

Рокка попытался воспользоваться представившимся случаем и продолжить свою речь.

— Мы ничего не отрицаем. Но, ваша милость...

Его милость остановил венецианца взмахом руки, а сам глянул на нотариуса.

— Они не отрицают. Сделайте соответствующую пометку. Это все, что меня интересует.

— Но, сеньор...

— Это все, что меня интересует! — прогремел коррехидор. Рокка больше не пытался открыть рта, и дон Ксавьер продолжил: — Судить вас будет алькальд. Уведите их!

— По меньшей мере, вы должны разрешить нам отправить письмо, — ввернул Галлино.

— Вам ничего не разрешено писать до рассмотрения вашего дела алькальдом, — возразил коррехидор.

— А когда мы предстанем перед ним?

— Когда он сочтет нужным назначить суд.

...Суд состоялся через неделю. Грязные, голодные, оборванные, предстали они перед алькальдом. И потому фантастическим показалось утверждение Рокки, что он приписан к посольству Венецианской Республики. А уж требование немедленно вызвать посла Венеции просто вызвало возмущение.

— Вы должны понимать, — сурово заявил ему алькальд, — что посольские привилегии и иммунитет не распространяются на тех, кто грабит и увечит подданных их величеств.

Рокка ответил, что они никого не собирались грабить, наоборот, их самих ограбил тот самый мужчина, в нападении на которого их обвиняют. Алькальд сухо уведомил их, что они ошибаются, но соглашались разрешить им отправить письмо. И когда прибыл секретарь посольства, им вернули свободу, получив предварительно письменное обязательство уплатить штраф и компенсацию сеньору Ривере. Далее алькальд милостиво согласился выслушать подробности ограбления, которому они будто бы подверглись, и пообещал рассмотреть этот вопрос с коррехидором.

Как выяснилось, чашу страдания они выпили еще не до конца. Последние капли выплеснул на них венецианский посол.

Федерико Мочениго, крупный, импозантный мужчина, воротя патрицианским носом от запахов, которыми пропитались лохмотья агентов Совета трех, выслушал их печальный рассказ.

— Вашим действиям недоставало благоразумия, необходимого для служащих вашего учреждения, — в голосе посла чувствовалось пренебрежение не только к агентам, но и к самому Совету трех.

Лицо Галлино осталось бесстрастным, Рокка же возмутился.

— Я не могу согласиться, ваше высочество, что мы дей-

ствовали неблагоразумно. Мы вели операцию к успешному завершению. Однако никто не застрахован от нападения разбойников, и едва ли можно упрекать нас в том, что мы попали в их руки. Такого, кстати, я бы не пожелал и своему врагу.

— Напрасно вы со мной спорите, — ответил посол. — На вашем месте я бы предпринял определенные меры предосторожности, чтобы грабители не смогли захватить то, что досталось вам с большим трудом. Но мне нет нужды поучать вас в ваших делах, — его высочество подал к носу платочек, смоченный апельсиновой водой. — Теперь, как я понимаю, вам нужно дать денег на возвращение домой.

— Пока еще нет, ваше высочество, — возразил Галлино. — Наша миссия еще не закончена. Возможно, мы еще сможем вернуть утерянное. И сейчас вы должны поддержать нас и добиться наказания грабителей и помочь вернуть нам нашу собственность.

— По меньшей мере, карту, — поддакнул Рокка.

Мессер Мочениго поскущел.

— Вижу, вы намерены поучать меня. Полагаю, у вас есть мозги. Пораскиньте ими. Я должен подать иск алькальду Кордовы. И что я напишу в нем, что у вас украли? Карту и письмо, которые вы украли сами. Как же, по-вашему, отреагирует алькальд? Вы вот, мессер Рокка, приписаны к моему посольству. И вы хотите, чтобы алькальд напомнил мне, чем должно, а чем не должно заниматься дипломату? Вы хотите, чтобы посла Венецианской Республики отчитывали как нашкодившего мальчишку? — лицо Мочениго из презрительно-насмешливого стало суровым. — Вы вернетесь в Венецию за государственный счет, и чем быстрее покинете Испанию, тем будет лучше.

Рокка прямо-таки взвился при столь явном неуважении к Совету трех.

— Значит, нам придется доложить государственным инквизиторам, что вы помешали нам выполнить задание?

— Да вы, я вижу, наглец! Что касается вашего задания, то оно, похоже, выполнено. Насколько мне известно, в нужный момент карты у ее владельца не оказалось, и его претензии были признаны необоснованными. Дело, таким образом, закрыто. А я не могу допустить дальнейшей компрометации его светлости и возглавляемой им Венецианской Республики. Деньги на обратный путь вам выделят. Это все, что я могу вам сегодня сказать.

Пристыженные, разъяренные агенты Совета трех вышли из посольства и отправились в свой прежний номер в «Фонда дель Леон». Там, смыв с себя грязь и переодевшись, они сели за стол, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию.

— Если что-то идет не так, — сказал Галлино, — в этом всегда обвиняют таких, как мы. Для этого нас и держат. И никому нет дела, что лишь случай помешал нам.

— Вот ты упираешь на случай, — не согласился Рокка, — а я придерживаюсь иного мнения. Все было подстроено. И тому есть много свидетельств. Они даже не вспороли подкладку твоего камзола, ибо в моем нашли то, что искали. И этот мерзавец Ривера остановил бандита, обыскивающего тебя, как только карта и письмо оказались у него в руках.

Галлино все еще сомневался.

— Похоже, что так, не буду с тобой спорить. Но, если бы Колон знал, что мы украли карту, он не стал бы посылать за нами цыган. Скорее добился бы нашего ареста.

— Предположим, что ты прав. Но я уверен, эти подонки знали, что искать, и даю руку на отсечение, что Беатрис нас выдала.

— Для того, чтобы повесить своего брата? Ха! Как она могла выдать то, чего не знала?

Рокка дернул щекой:

— Я иногда удивляюсь, Галлино, как с твоими куриными мозгами тебе удалось далеко продвинуться по службе. Это одна из загадок нашей жизни. Девушка знала, что тебе известно, где находится карта. Потом карта исчезла. Неужели она не поняла, кто ее украл?

У Галлино словно открылись глаза.

— И почему я не додумался до этого раньше? — он встал.

-- Что будем делать?

— Навестим Беатрис и узнаем все из первых рук. Вполне возможно, что карта все еще у нее. Во всяком случае, надо разобраться с этой потаскухой.

Они нашли Беатрис в ее комнате у Загарте. Она вышивала и что-то напевала, но слова замерли у нее на губах, когда открылась дверь.

— Благослови тебя Бог, Беатрис, — мягко поздоровался Рокка, переступив порог. Вслед за ним в комнату вошел и Галлино.

— Благослови вас Бог, — ответила девушка. — Я думала, что вы уехали.

— Не попрощавшись с тобой? — слащаво спросил Рокка. — Как ты могла подумать такое?

Внешне Беатрис оставалась невозмутимой, но внутренне сжалась от исходящей от венецианцев ненависти.

— Что же ты молчишь? — спросил Галлино, подойдя к Беатрис вплотную. — Раз ты решила, что мы уехали, значит, подумала, что мы добыли то, за чем нас послали. Так?

— Естественно.

— И ты выдала нас Колону, — в голосе Галлино слышался не вопрос, но утверждение. — Отвечай мне, — его жилистая рука легла Беатрис на плечо и усадила на диван: — Не шути с нами, девочка. Одно дело, если ты больше не хочешь нам помогать. И совсем другое — твое предательство. Если так, тебе несдобровать.

— Что вы от меня хотите? Я и так многое сделала для вас.

— Поначалу сделала, а вот потом сильно испортила. Испортила так, что все нужно начинать заново. Где Колон?

— Не знаю. Я не видела его больше недели. Уходите. Мне больше нечего вам сказать.

Галлино наклонился еще ниже.

— Может статься, ты уже никому не сможешь что-либо сказать.

— Для чего вы мне это говорите?

— Мы хотим тебе помочь, — вступил в разговор Рокка. — Но для этого и ты должна помочь нам. Даже теперь еще не все потеряно. Многие можно поправить...

— Рокка, там кто-то есть! — прервал его хриплый вскрик Галлино.

Рокка и Беатрис инстинктивно посмотрели на дверь. На пороге стоял Колон.

Он шагнул вперед, затворил за собой дверь. Бледный, как полотно, с сухой улыбкой на губах, с горящими серыми глазами.

— Пожалуйста, продолжайте, мессер Рокка. Расскажите даме, что она должна делать. Теперь, когда мне все известно, остается только восхищаться вашим мужеством. Будь вы трусоваты, давно удрали бы из Кордовы вместе с вашей приманкой.

— О боже! — ахнула Беатрис, прижав руки к груди.

Рука Рокки исчезла за спиной:

— Поосторожней со словами, мой господин.

— Как вам будет угодно. Хочу только предупредить вас: если завтра к этому времени вы не покинете Кордову, все трое, я позабочусь о том, чтобы вас бросили в темницу... надеюсь, что ваша пронизательность теперь подскажет вам, что мое предупреждение — не пустые слова. Только благодаря этой женщине я даю вам возможность уехать.

Колон повернулся, чтобы уйти, а Беатрис, придавленная чувством вины, не произнесла ни слова, чтобы остановить его. Так что пришлось отвечать Рокке. Его рука появилась из-за спины, но уже с кинжалом.

Колон скорее почувствовал, чем увидел метнувшегося к нему Рокку, и, успев обернуться, схватил его руку с зажатым кинжалом. Он крутанул венецианца назад, зацепив его ногу своей, и сильно толкнул. Рокка, взвывая от боли, рухнул на пол с неестественно вывернутой правой рукой.

А на Колону уже бросился с кинжалом Галлино, и Колон, недолго думая, ухватил за гриф гитару Беатрис, прислоненную к стулу, и изо всех сил ударил ею венецианца. Этот удар пришелся по макушке, доньшки не выдержали, голова Галлино пронзила их насквозь, и гитара застыла на его шее

как ярмо. Галлино подался назад, сшиб спиной стол. Из многочисленных порезов показалась кровь.

Тут распахнулась дверь, и в комнату заглянул привлеченный шумом Загарте. За ним маячили двое работавших у него парней и служанка Беатрис.

— Святой Боже, что тут происходит?

— Эти убийцы напали на меня с кинжалами. Вызовите стражу!

И Загарте вместе со слугами задержал венецианцев до прибытия альгвасилов. Впрочем, пришли они достаточно быстро. Их командир заявил, что коррехидор разберется и решит, кто нападал и кто защищался. Они забрали с собой не только венецианцев, но и Колону.

Глава 24. ОТБЕЗД

Беатрис, потрясенная случившимся, осталась с Загарте и служанкой. Их попытки успокоить ее ни к чему не привели.

— Эти нечестивые собаки сломали вашу гитару, — печально вздохнул Загарте.

— Что — гитара, Загарте... — Беатрис слабо взмахнула рукой. — Петь я больше не буду. Так что другая мне не понадобится.

— Как — не нужна? — Загарте запнулся. — О чем вы говорите?

Беатрис тяжело поднялась с дивана.

— Все кончено, мой друг. Петь я больше не буду, ни здесь, ни где-либо еще. Я видела от тебя только добро, Загарте, и мне жаль подводить тебя. Однако я должна уехать.

И Загарте понял, что принятого решения Беатрис не изменит. В тот же вечер посетители харчевни не увидели ее на сцене. А на следующее утро, с опухшими от слез глазами, она попрощалась с мориском, села на мула и в сопровождении служанки и погонщика выехала из Кордовы через Альмодоварские ворота, по дороге, ведущей на восток, в Севилью.

Примерно в тот же час коррехидор, сидя под распятием на белой стене, мрачно взирал на Рокку и Галлино.

Колон, ознакомиленный коррехидором с подробностями дела, выступал не только потерпевшим, но и обвинителем.

С разрешения дон Ксавьера он, призвав в свидетели дон Луиса де Сантанхеля, заявил, что эти двое несколько дней назад совершили кражу в его квартире. Вчера же, когда он обвинил их в содеянном, они вытащили кинжалы и набросились на него, вынудив его защищаться. И ему пришлось прибегнуть к силе, чтобы сохранить себе жизнь.

— Благодаря вмешательству посла Венецианской Республики, — дон Ксавьер бросил на венецианцев мрачный взгляд, — с учетом того, что доказательства вашей вины не были столь очевидными, в прошлый раз с вами обошлись достаточно гуманно. Но вы не вняли голосу разума и продолжили свою преступную деятельность. Как и прежде, решение по вашему вопросу примет алькальд. Каким оно будет, мне неизвестно. Но, учитывая, что вы — мужчины крепкие и на здоровье не жалуетесь, можете надеяться, что он не отдаст вас в руки палача, а отправит на галеры кастильского флота. Что же касается обращения к послу Венецианской Республики, алькальд скорее всего согласится со мной в том, что необходимо всеми средствами избежать осложнений в межгосударственных отношениях.

Когда венецианцев вывели, дон Ксавьер повернулся к Колону:

— Будьте уверены — они вас больше не потревожат. Но альгвасилы доложили мне, что в комнате с ними находилась женщина, танцовщица Загарте...

— Это чистая случайность, — Колон ответил ровным, спокойным голосом. — Она не имеет к этому делу никакого отношения.

«Пусть она уйдет», — подумал он. Наказание настигнет ее и без его, Колона, участия. Бог и судьба воздадут ей должное.

Этим он пытался подсластить горечь, переполнявшую

его сердце, заглушить гложущую его боль. День за днем метался он по Кордове, не раз и не два порывался пойти к Загарте, где, как он полагал, продолжала петь и танцевать Беатрис. Так он промучился неделю, а потом, узнав, что дон Алонсо де Китанилья отправляется в Вегу, присоединился к нему.

В сгущавшихся сумерках они подъехали к шатру Сантанхеля, и добрый прием, оказанный канцлером, согрел заледеневшее сердце Колона.

Сантанхель взял его за плечи и повернул так, чтобы свет падал ему на лицо.

— Вы больны?

— Не телом, но душой, — ответил Колон и рассказал об обрушившейся на него беде.

Сантанхель ужаснулся.

— И она не пыталась оправдаться?

— Чем? — усмехнулся Колон. — Я застал их врасплох, когда они строили свои коварные планы. Я услышал слишком многое.

— Слишком многое! Многое, но не все. Идиот! А вы не удосужились спросить себя, каким образом нам удалось так быстро вернуть украденные у вас карту и письмо? Вам не приходило в голову, что кто-то сказал нам, где их искать? — Колон в замешательстве посмотрел на канцлера. — Это была Беатрис. Беатрис Энрикес. Кто еще мог помочь нам? Непароком она дала понять Галлино, что карта находится у вас в комнате. Но, едва узнав, что карта похищена, она пришла ко мне и рассказала обо всем.

— К вам? — в голосе Колона все еще слышалось сомнение. — К вам? Но почему к вам? Почему не ко мне?

— Это долгая история и невеселая... Ее принудили, сыграв на любви к брату, схваченному венецианской инквизицией. Брат, конечно, у нее дрянной, но она не могла бросить его в беде. А потом влюбилась в вас. И доказала силу своей любви. Доказала на деле, пожертвовав братом ради вас. Это она назвала мне воров. Та женщина, которую сейчас вы клянете, которой вы из гордыни не дали молвить слово в свое оправдание... И сердце ее теперь разбито.

Колон тяжело опустился на стул.

— Я, наверное, сойду с ума. Почему, если так оно и было, она ничего мне не сказала?

— А вы спросили ее? Нет, вас хватило только на то, чтобы подслушивать. Она просила меня помочь. Но я подумал, что будет лучше, если вы объяснитесь сами. Я подумал, что, исповдовавшись вам, она скорее получит отпущение грехов.

— Отпущение грехов! Оно нужно скорее мне, а не ей.

— Милосердием Божьим вы его получите, — дон Луис подошел к нему, положил руку на плечо. — Не теряйте времени. Возвращайтесь в Кордову и положите конец ее страданиям. Помириться с ней.

И через пять дней после отъезда Колон снова появился в Кордове. Но у Загарте он узнал, что Беатрис уехала.

— Уехала? Куда?

На этот вопрос мориск ответить не мог. Она собрала свои нехитрые пожитки и уехала наутро после его драки с венецианцами. Со служанкой и погонщиком нанятых ею мулов. Возможно, тот знал, куда направилась Беатрис.

Погонщик мулов рассказал, что отъезд Беатрис в монастырь неподалеку от Пальма дель Рио, туда, где Хениль впадает в Гвадалквивир.

Колон выехал туда на следующее утро. Ворота монастыря открыла беззубая старуха, которая ответила, что Беатрис Энрикес пробыла в монастыре два дня, а затем уехала. Куда или по какой дороге, — привратница не знала, но посоветовала все вызнать в Пальме.

За два часа Колон обошел всех погонщиков мулов и все харчевни города, но не узнал ничего путного. Беатрис исчезла без следа. Отчаявшись, он вернулся в Кордову и обратился за помощью к коррехидору.

Дон Ксавьер приложил максимум усилий, чтобы помочь тому, кто пользовался покровительством могущественного канцлера Арагона. Его альгвасилы прочесали всю округу. Но безрезультатно. Колон ждал, но дни сливались в недели, и с каждой из них таяли надежды. Оставалось лишь корить себя, что он так скоро осудил Беатрис.

Глава 25. УСЛОВИЯ

В то лето лагерь в Веге сгорел от пожара. Чтобы укрыть армию в случае непогоды, король Фердинанд заменил брезентовые палатки кирпичными и каменными домами, возвел целый город, названный Санта-Фе. Построенный в виде креста, он как бы показывал маврам, что Испания обсоновалась здесь навсегда.

Накануне нового года измученная осадой Гранада признала свое поражение. Король Бобадил выехал из ворот крепости, чтобы сдать ее победителям. А на праздник Крещения серебряный крест украсил крышу замка Кольмарес, заменив сброшенный оттуда полумесяц. Рядом с ним сияли золотом королевские штандарты.

Победоносно завершив десятилетнюю войну, окончательно разгромив мавров, королева Кастильская и король Арагонский гордо въехали в последнюю сараинскую твердыню на земле Испании. Печальный и угрюмый, Колон тащился в самом хвосте праздничной процессии. Он замкнулся в себе, сильные мира сего перестали его интересовать. Вместе со всеми прошел Колон через огромный зал Мексуара в мосалу, где возвышался наскоро установленный алтарь. Кардинал Испании отслужил благодарственную мессу. Опустившись на колени, Колон спрашивал себя, дождется ли он того дня, когда отслужат мессу в честь его возвращения из долгого плавания. Вот-вот должен прийти его час. Если король и королева сдержат свое слово, ждать осталось недолго.

Возвращаясь с мессы по великолепным аркадам, ведущим к Лювиному дворику, он столкнулся с доньей Беатрис де Бобадилья и ее мужем.

— Вы что-то слишком грустны в праздничный день, — заметила маркиза.

— Ожидание рождает усталость, усталость — печаль.

— Но ожидание ваше кончилось. Вам дала слово королева, которая всегда выполняла обещанное.

— Обещания легко забываются.

— Разве вы не верите в своих друзей? Я могу обещать, что королева примет вас в течение недели.

В следующий понедельник, на пятый день после торжественной мессы, дон Лопе Перальте, королевский альгвасил, сообщил Колону, что его ждут во дворце.

Королева приняла его в Кuarto Дорато, богат обставленном зале с черным с золотом потолком, в одном из тех помещений, где находился гарем мавританских правителей Гранады. На аудиенции присутствовали только три ее дамы, в том числе и маркиза Мойя.

— Целую ваши ноги, ваше величество, — поклонился Колон.

Королева милостиво протянула ему руку, которую он поцеловал, опустившись на колени.

— Мы заставили вас ждать, сеньор Колон, много дольше, чем было на то наше желание. Но теперь, после окончания войны, я могу выполнить свое обещание. Я послала за вами, чтобы заверить вас в этом.

Доброе отношение королевы приободрило Колона.

— Невежество, ваше величество, назвало мой проект мечтой. Но я рискну предположить, что эта экспедиция принесет вашему величеству успех и славу, еще не выпадавшие на долю царствующих особ.

Тем самым он хотел показать, что Гранада — песчинка в сравнении с той громадой, которую он хотел положить к ее ногам.

— Вам свойственна уверенность в себе, — ответила королева. — Но, возможно, другой человек и не замаскировал бы на такое. Завтра вы с моими советниками обсудите оставшиеся вопросы, чтобы перейти к практическому осуществлению наших планов.

Вечером следующего дня Колон встретился с советниками королевы. Их было четверо. Китанилья, канцлер и казначей Кастилии, Эрнандо де Талавера, теперь архиепископ

Гранады, дон Хуан де Фонсека и адмирал дон Матиас де Ресенде.

Они сидели в просторной комнате.

Талавера, представляющий все еще сомневающегося короля Фердинанда, пожелал узнать, что необходимо Колону для успешного завершения задуманного.

Колон ответил, что, по его мнению, эскадра должна состоять как минимум из четырех кораблей, хорошо оснащенных и полностью укомплектованных командами. Все-го никак не меньше двухсот пятидесяти человек. Ресенде, к которому обратился архиепископ, оценил стоимость экспедиции в сорок-пятьдесят тысяч золотых флоринов, отчего длинное лицо архиепископа еще больше вытянулось.

— Если вы не умерите ваши аппетиты, сеньор, боюсь, нам не удастся договориться. Весь мир знает, что война истощила казну и сейчас их величества расплачиваются с поставщиками.

— На что тогда я могу рассчитывать? — осведомился Колон.

Талавера взглянул на адмирала, ожидая от того ответа, но вмешался Фонсека:

— Нет необходимости рисковать больше чем одним кораблем.

Тут уж Колон посмотрел на Ресенде, ища у того поддержки.

— Нет, нет, — Ресенде покачал головой. — Слишком опасно. Как минимум, нужны два корабля, хотя этого явно недостаточно. А вот трех, я думаю, сеньору Колону вполне хватит.

— Пусть будет так, — согласился Колон.

Талавера сделал пометку на лежащем перед ним листке бумаги и спросил Колона, какое вознаграждение потребует тот за свою службу.

Колон ответил без малейшего промедления, поскольку много думал над этим:

— Одну десятую всего того, что принесут Испанию мои открытия.

— Одну десятую! — ужаснулся архиепископ.

— Неужели вы рассчитываете, что их величества будут столь расточительны? — фыркнул Фонсека.

— Разве это расточительность? Я бы, к примеру, с удовольствием согласился бы отдавать вам по десять мараведи из каждой сотни, которую вы мне принесете.

— Ваш пример неудачен, — возразил Талавера. — В данном случае их величества финансируют вашу экспедицию.

— Они рискуют золотом, — добавил Фонсека, — вы же — ничем.

— За исключением собственной жизни, — усмехнулся Колон.

Злобная гримаса, перекосившая лицо Фонсеки, побудила Китанилью вмешаться:

— Мне представляется, сеньоры, что мы можем с этим согласиться, если их величества одобряют наше решение.

— Очень хорошо, — кивнул Талавера. — Тогда, я полагаю, с этим все ясно.

— Все ясно? — брови Колона картинно поднялись. — Все? — он оглядел бесстрастные лица королевских советников: — Как же так, сеньоры? Вы словно принимаете меня за обычного наемника. Мы только начали, господин мой архиепископ.

— А что еще вы можете требовать?

— Титул адмирала всех морей и океанов, которые я открою, с соответствующими почестями и привилегиями, полагающимися адмиралу королевства Кастильского.

— Помогите нам, Боже! — воскликнул Фонсека, а дон Родриго Ресенде наградил Колона убийственным взглядом.

Колон же спокойно продолжил:

— Причем титул, почести и привилегии должны передаваться по наследству моим потомкам.

— А при чем здесь ваши потомки? — поинтересовался Китанилья.

— Открытые мною земли останутся во владении Испании на долгие времена, если не навечно, и я хочу сохранить причитающуюся мне долю. Но раз я смертен, она должна достаться моим потомкам.

Едва ли они могли придаться к логике его рассуждений, однако их возмутила сама мысль о том, что иностранец, да еще низкого происхождения, требует родовых привилегий.

— Согласиться с этим, — вскричал Фонсека, — означает уравнивать вас со знатнейшими грандами Испании.

— Ни один гранд не сослужил Испании столь добрую службу, как я.

— Матерь божья! Вы рассуждаете так, словно ваши открытия уже явь, а не грезы.

— Когда они станут явью, я потребую еще кое-что.

— Еще? — Талавера нахмурился, Ресенде рассмеялся. — Что же еще вы можете потребовать?

— Звание вице-короля на всех открытых мною землях.

На какое-то мгновение все лишились дара речи. Первым пришел в себя Фонсека.

— Наверное, только скромность мешает вам потребовать корону Испании.

— Других требований у вас нет? — сухо спросил архиепископ.

— Вроде бы я все сказал.

— Не теряю надежды, что со временем вы придумаете что-нибудь еще, — ухмыльнулся Фонсека.

Талавера тяжело вздохнул.

— Ваши требования превосходят все то, что я мог бы порекомендовать их величествам. Но решение, разумеется, будут принимать их величества. И я не сомневаюсь, вам откажут, если вы не умерите ваши притязания.

Колон резко встал, посмотрел на них сверху вниз, гордый, как Люцифер.

— Я не сниму ни единого из моих требований. Сделать это — значит принизить величие затеваемой экспедиции. С вашего разрешения, господа, позвольте откланяться, — небрежно поклонившись, Колон повернулся и вышел из комнаты.

Над столом повисла тишина.

— Вот к чему приводит необузданное воображение, — пробурчал Талавера.

— Наглый выскочка, раздувшийся от гордости, словно мыльный пузырь, — поддакнул Фонсека.

— Не стоит удивляться тому, что он высоко ценит предлагаемый товар, — заметил Ресенде. — Каждый торговец ведет себя точно так же, утверждая при этом, что ни на йоту не снизит цену. Если их величества откажут ему, он станет куда благоразумнее.

— Если? — возмущенно переспросил Талавера. — Да в этом не может быть никаких сомнений.

Прошла целая неделя, прежде чем король и королева, занятые проблемами, связанными с Гранадой и евреями, смогли принять епископа и его коллег.

Кинтанилья, глубоко уважавший Колону, сохранял полный нейтралитет. Ресенде придерживался мнения, что назначенная Колоном цена может стать предметом переговоров. Но Фонсека и Талавера требовали решительного отказа.

— Таковы его требования, — Талавера весь кипел от негодования. — Как ясно видят ваши величества, наглость его не знает предела.

Фердинанд зло рассмеялся.

— Хитрая тварь, я понял это с самого начала. Терять ему нечего, поэтому и требует по максимуму.

Однако королева не согласилась с ним.

— Колон может потерять жизнь, — не зная того, она повторила слова мореплавателя. — Он может не вернуться из путешествия в неведомое.

— То есть мы поддерживаем его авантюру, хотя у нас на счету каждый мараведи.

— Мы обещали поддержать его.

— Обещали. Но его чрезмерные требования освобождают нас от ранее принятых обязательств. Я усматриваю в этом расу от providения.

— Вы выразили мою мысль, ваше величество, — вставил Талавера.

— Думаю, неудачную мысль, — одернула его королева. — Providение нельзя использовать только как предлог для того, чтобы не сдержать данное нами слово.

ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ

(Окончание.
Начало см. на стр. 51)

В XVII — XVIII веках португальские мушкетеры подавили последние очаги сопротивления воинов Мономотапы. Опустевшие постройки Большого Зимбабве и несколько его «филиалов» в соседних районах — в современных Зимбабве, Ботсване, ЮАР, Мозамбике — постепенно превратились в развалины. О былом могуществе мощной африканской империи можно прочесть лишь в книгах по истории да, пожалуй, узнать из устных традиций местных народов, которые из поколения в поколение сохраняют память о когда-то процветавшем государстве — Мономотапе.

Индекс 70142
Цена по подписке —
95 коп.
В розничной прода-
же — 1р. 50 коп.

ВОКРУГ
СВЕТА